

Ересь Песков Времён

Сломанный Круг

Allen Antarex

18+

Allen Antarex
**Ересь Песков Времён:
Сломанный Круг**

<https://litres.ru/73791492>

SelfPub; 2026

Аннотация

Далеко под песками пустыни, в толще породы дремала стела из золотистого металла. На отполированной грани — карта чужого звёздного неба: созвездия смещены, линии перепутаны, а в ровных рядах тлеи крошечные огни. Некоторые уже погасли. Ещё одна точка дрогнула, замерцала — и исчезла. По звёздному своду побежала рябь — словно по воде от брошенного камня. Привычный узор мира треснул.

Её семью предал свой же род. Дом обратился в пепел. Теперь её путь лежит в суровых землях камня и ветров — где тяжёлый труд и познание рун куют величие. Узкая тропа шипит под ногами, а за спиной тянется нить тех, кто собирает жертвы для тёмного ритуала.

В мире, где церковь и боги ведут свою игру, она не избранная из пророчеств. Она — та, кому сказали: «Будущего нет». Чтобы разомкнуть круг, привыкший смыкаться на непокорных, ей придётся прорубить путь среди чужих молитв и заплатить цену дороже золота.

Тёмное фэнтези о семье, выживании и выборе. Славянские мотивы, гномы, руны, культивация и суровый путь к силе.

Содержание

Пролог	6
Часть I Корни и пепел. 1.1 Деревня Ржавая	10
Кирка	
1.2 План Арани	18
1.3 Новогодние подарки	31
1.4 Соль на ладони	39
1.5 Первые уроки	46
1.6 Восемь лет назад: Эдикт Церкви	56
1.7 Восемь лет назад: Трудный выбор	67
1.8 Прощание с домом и дорога	81
1.9 Восемь лет назад: Дорога беженцев	92
1.10 Восемь лет назад: Лист и пепел	103
Часть II Торговый город Урбит	112
Часть III Искры Академии. 3.1 Прибытие в столицу и экзамен	128
3.2 Начало учёбы	144
3.3 Искусство рунописи	160
3.4 Цена золота	171
3.5 Тень солнечного чайника	184
3.6 Зимний город	198
3.7 Последствия	214
3.8 Жизнь, что ждёт во мраке	225
3.9 Металл, золото и кровь	239

3.10 Грибные чудеса	255
3.11 Тайные техники	270
3.12 Тёмная мана	285

Allen Antarex

Ересь Песков Времён: Сломанный Круг

Пролог

Далеко под песками пустыни, в толще породы, спала стела из золотистого металла. Некогда она возвышалась над барханами на десятки метров, но земля сместилась, и время её занесло. На отполированной грани была карта чужого звёздного неба: созвездия смещены, связи перепутаны, в ровных рядах тлели крошечные огни. Некоторые уже погасли. Ещё одна точка дрогнула и начала мерцать.

Далеко на юге, у края жарких ветров, древняя белокаменная башня стояла в одиночестве. Старец в ней медитировал так давно, что пыль научилась обходить его полукругом. Он не открывал глаз целую эпоху — но сегодня открыл. Вдохнул и шепнул:

— Судьба собирает долги.

И снова погрузился в тишину.

В Красных Горах, в сердце Секты Багрового Дракона, ночь разорвал рёв: птицы сорвались с насестов, собаки завывали, двое стариков не дожили до рассвета. Пополз слух:

проснулся хранитель, Великий Багровый Дракон. Но ещё до рассвета слух подняли на смех.

Знамена прокатились по всем землям: одни — тихие, другие — явные. Но одно знамение оказалось иным. После него мир уже не вернулся к прежнему течению.

Год 2960 до Великого Греха. Столица одного из государств. На освящение собора прибыл Кардинал Священной Церкви Человечества Григорий XIX. Вечер застал его в королевской резиденции. Почти двух метров ростом, чуть полноватый, с кротким лицом, он вышел на балкон подышать свежим воздухом и полюбоваться чистым небом. Красная сутана туго облегла его грудь. В это же время за тысячи миль точка на стеле всё мигала, но вдруг огонёк погас — воздух дрогнул. Небо пошло кругами. По звёздному своду побежала рябь, словно по воде от брошенного камня. Эпицентр явления висел прямо над площадью. Кардинал побледнел и испуганно прошептал:

— Нет... Не сейчас...

Кардинал схватился за голову. Он отшатнулся от перил балкона и поспешил в покои. Комната встретила пустотой.

— Где слуги? Где охрана?

На голос Кардинала сбежались слуги и стража.

Ваше преосвященство, что-то случилось?

Кардинал ходил кругами и бормотал себе под нос — слишком тихо, чтобы слуги могли разобрать слова:

— Волны по небу... волны по небу... и демоны...

Кардинал сжал челюсти. Слова пророка, которые он знал с юности, сами поднялись в памяти: *Разойдутся волны по небесному своду...* Придут не рождённые в этом мире... *Демоны. Конец эпохи... Кара за грехи... Покайтесь, дети или сгорите.* Наконец он остановился. Страх как будто отступил, осталась уверенность:

— Готовьте эскорт. И экстренный телепорт. Сейчас же! В Святой Град!

Через десять минут под сводами зала на каменном полу светился магический круг со сложными узорами. В центре — 12 фигур: Кардинал, монах в белой рясе с капюшоном, лицо скрыто тенями и 10 бойцов личной стражи, стоящих кольцом. Копья подняты, щиты наготове. Вторым кольцом — 30 магов в чёрных рясах.

Их голоса сплелись в тягучий напев. Воздух загустел. Когда напев стих, маги как один подняли короткие ритуальные ножи. Один из магов дрогнул, его рука дёрнулась. Он осел на колени, но продолжал шептать сквозь стиснутые зубы. Глаза Кардинала уставились на него. Отказаться навлечь беду хуже смерти. Лезвия блеснули — кровь потекла, жадно впитываясь в узоры пентаграммы. Глаза магов начали стекленеть, вокруг них забурлил едва заметный чёрный дым. Затем — вспышка. Свет ударил в глаза, и 12 фигур в центре разом исчезли.

Тишина рухнула на зал. Остался только запах металла, масла, крови — и странные завихрения едва заметного чёр-

ного дыма.

Далеко под песком, в неподвижной темноте, стела будто прислушалась — и снова застыла, с пустым местом там, где недавно мигал слабый огонёк.

На другом краю континента, в шахте, где каждый вечер меняли свечи, никто не заметил, как одна из них дрогнула и погасла раньше срока. Тьма стала плотнее.

Прошло 8 лет.

Часть I Корни и пепел. 1.1

Деревня Ржавая Кирка

Отец опять кашлял ночью. Арани слышала сквозь стену — глубокий, надрывный кашель. Она встала, натянула старый гномий китель и вышла во двор. Он был ей велик в плечах, хоть его и ушили под её 9-летнюю фигурку. Рукава пришлось подвернуть, а одна медная пуговица не подходила к остальным — её заменили после того, как старая оторвалась. Арани застёгивала ворот. Ткань пахла пылью, железом и чем-то старым, мужским. В нём она походила на маленького генерала — сердитого и решительного. Лицо у неё было совсем детское, и только изумрудные глаза казались слишком глубокими для маленькой девочки.

Октябрь. Первый снег лежал на крышах домов в деревне Ржавая Кирка. На востоке начали показываться первые лучи восходящего солнца. Шахты пока молчали. У их входов тонкие свечи уже давно догорели — так здесь благодарили землю за уголь. Дыхание проснувшихся животных едва заметным паром таяло в прохладном воздухе. *Им хорошо*, — подумала она. У крыльца скопилась опавшая жёлто-красная листва. Она шелестела под ногами, а над головой на ветру заунывно гудели хвойные сосны и ели — высокие, вековые, их зелёные кроны устремлялись ввысь.

Бригада уже шла к шахте. До Арани донеслись грубые, басистые голоса. Они складывались в нестройный хор:

*Гор Уфальских осенний наряд, синее небо.
Красных рябин гроздь, как рубины, горят.
Пусть летит, как птица, песня вдаль эта,
К горным пикам, стылым рекам.
Угольная пыль не сойдет с нас до утра.
И неспроста наши руки грубы.
Кто не видел мрака, тот не ценит тепла,
Близких, что дома ждут у очага.*

Она знала эту песню наизусть. Все в деревне знали. Пели её каждое утро, как молитву. Или как проклятие. «Угольная пыль не сойдёт» — не лирика. Это правда. Пыль въедалась в воротники, в ногти, в складки кожи. Даже после стирки рубахи пахли шахтой. А по ночам в домах кашляли. Арани поспешила обратно домой. Она посмотрела на ступеньки перед входом, на них темнели вчерашние следы — угольная пыль въелась и в дерево. Её отец уже опаздывал на работу. Войдя в дом и немного постояв в дверях, Арани нетерпеливо топнула ножкой. Её светло-русые волнистые волосы, до плеч, слегка колыхнулись. Она заговорила:

— Папа, бригада уже вышла из деревни и направляется в шахту. Поторопись, а то дедушка Бар тебя опять отчитает.

— Да-да, Ани, я уже бегу.

— Только не забудь, возьми обед с собой.

Густав на миг оперся ладонью о косяк. После ночного кашля грудь всё ещё саднило, а во рту стоял железный привкус. Переведя дыхание, он вышел во двор и побежал в сторону шахты. Арани смотрела ему вслед. Крепкий, но седой — как первый снег. Ему было всего 45 лет.

Образ дочки не отпускал: эти волосы, эти изумрудные глаза. Кошмары ещё не отпустили его, и лицо дочери странно смешивалось в памяти с лицом жены. Он не выспался. *Слишком похожа на мать*, — думал он, но надо было торопиться на работу. Уголь кормил деревню — и душил её. Он уходил в кузни Беланкора, в гномьи литейные цеха. Гномам — процветание, а здесь оставалась пыль, кашель по ночам и ранняя смерть.

Бригада двигалась от деревни на запад в сторону гор, где находилась шахта. Она состояла из людей. Впереди же маячила широченная спина Бараздара, единственного гнома в их деревне, который являлся здесь управителем. На широком ремне висела связка ключей, размером с ладонь Арани, которая при ходьбе побрякивала. Широкоплечий даже по меркам своих родичей, пожилой, около полутора метров ростом, он имел густую и пышную рыжую шевелюру и длинную бороду.

Бараздар старался выглядеть под стать своему статусу. Сам он этот статус чертовски не любил и часто проклинал из-за того, что находился в этой дыре, вдалеке от своих собратьев и друзей. Вдруг он остановился, люди из бригады

чуть не врезались друг в друга. И Бараздар заорал:

— Да сколько можно трезвонить с самого утра?! У меня уже голова раскалывается.

Белка, которая наблюдала с дерева, решила убежать от греха подальше, а бригада замолкла. Шахтёры знали, что гнома лучше не злить, когда он не в духе. А не в духе он был очень часто. Бараздар обернулся. Позади бежал Густав, тяжело хватая ртом воздух. Он работал заместителем управителя, хотя большую часть времени также добывал уголь в шахте, а часть времени тратил на ведение документов, помогая гному. Бараздар задумался: *Единственный грамотный среди этих работяг — ведёт документы, считает. Удобно. Но странно. Откуда в шахтёрской дыре взялся человек, который пишет лучше иных гномьих клерков?* Немного посто-яв, Бараздар откинул размышления: *У всех свои тайны.* Он двинулся, умолкнувшая бригада — за ним.

Арани же наметила себе следующую цель — Оскара, своего брата. Ему было 13 лет, волосы у него отливали чернью воронова крыла, как у своего отца в молодости. Но что больше всего их объединяло с сестрой, так это такие же зелёные глаза. Она вошла в комнату брата и сразу потянула одеяло на себя, приговаривая:

— Давай, вставай! Я же знаю, что ты не спишь.

— Ну, капитан, дай я ещё немного полежу, — ответил брат, так он прозвал свою сестру, которая носила китель.

— Раз я капитан, то подчиняйся мне, ведь я старший по

званию. Тебе пора вставать и начинать работать, как делаю я. Папа же сказал тебе, что тебе надо сложить оставшиеся дрова во дворе. Уже выпал первый снег, и скоро зима. Я не хочу мёрзнуть зимой.

— Сестра, у нас же полно угля, который даёт намного больше тепла. Зачем нам эти дрова?

— Ну, всё, сейчас как оболью тебя водой из ушата! Не строй из себя дурочка, уголь идёт на продажу. А если папа зимой заболеет? Мы умрём с голоду и холоду, — уже сердито сказала Арани.

— Ладно, ладно — лениво ответил Оскар.

В небольшом доме проживало четыре человека, и все давно привыкли, что распоряжается Арани. Отец с рассвета до темноты был в шахте. Оскар постоянно возился со своим деревянным мечом и ремнём с дешёвой пряжкой, которую он начищал чаще, чем помогал по дому. Арани всякий раз сердилась, глядя на это. Старого слуги Уинстона почти всегда не было дома, он исчезал то с удочками, то с силками. Здоровье у него было ещё неплохое. Так что хозяйкой в доме поневоле стала Арани.

Матери у них не было. Умерла, когда Арани было 2 года. Арани не помнила её лица — только по вещам, по чужим интонациям и по тому, как отец замолкал всякий раз, когда речь заходила о ней. Но всегда добавлял, что мама её очень сильно любила. Уинстон тоже ничего не рассказывал и ссылался на Густава, который по его мнению и должен, ко-

гда придёт время, всё рассказать о семейных делах. *От меня что-то скрывают. Что-то важное. Но я узнаю, —* считала Арани.

Постояв немного у окна и поглядев на виднеющийся в нём осенний лес, она решила, что хватит прохладиться и пора браться за домашние дела. И первый пункт — стирка вещей. Вода в корыте быстро темнела, будто в неё вылили чернила. Арани полоскала рубаху, выжимала, снова полоскала, и всё равно по швам оставались серые следы. Пальцы ломило от холода, но она тёрла упрямо, пока вода не становилась светлее.

Работа на шахте была вредной для здоровья. Почти в каждом доме держали у печи травяные настойки от кашля, но по ночам всё равно сипело то за одной стеной, то за другой. Из-за этого переживания постоянно сопровождали Арани.

Пока она трудилась по дому, то мечтала, что заработает много денег и переедет с семьёй в хорошее место: *«Без денег счастья не видать» — так говорят гномы, и они правы.* От Оскара толку было меньше, чем хотелось бы. *Он может полдня точить палку под копьё и назвать это важным делом. Дурак. Всё ему мечи да наёмники. А наёмники сегодня живы, а завтра нет. Нет, так нельзя. Нужна работа, где платят много и не умирают от кашля.*

Потом она представила огромные богатства гномов и подумала, что неплохо было бы стать хранительницей золотых складов. Она улыбнулась, но знала, что чужаков, конечно,

туда не пустят.

В голове всплыл услышанный пару дней назад отрывок разговора Бараздара с местным работягой у рыночного прилавка: «Счетовод получает 60 серебряных в месяц». Арани тогда поняла: *Значит, важно не то, как лучше размахивать киркой. Важно то, чтобы уметь считать, как гномы. Один счетовод стоит 6 шахтёров — и не кашляет по ночам. Если хорошо себя зарекомендовать, то гномы могут взять на эту должность и человека. Для них главное — польза. Надо стать полезной.* Брат же ей говорил, что ей надо выйти замуж за богатого принца.

— Но где взять этого богатого принца? — проговорила она уже вслух, немного помолчала, а затем дальше окунулась в свои мысли.

Лучше не надеяться на непонятных людей, которых не пойми, где искать. Пойти работать к гномам — более надёжный вариант. Однако количество будущих дел заставило её похолодеть: трудный гномий язык, счёт, законы, чужие слова, чужие книги. Но тут она вспомнила кашель отца по утрам. Вспомнила вечно уставшие глаза и седину в его волосах. Вспомнила пустое место матери за столом. Арани сжала маленькие кулачки и со злостью шлёпнула себя по щекам, прогоняя страх. Не для себя. Для них.

— Я выучусь, — прошептала она, глядя на своё отражение в оконном стекле. — Заработаю много денег, стану богатой. И увезу их отсюда. Всех.

Но мечты прервал чёрный дым со стороны шахты. Слишком густой, слишком чёрный, он поднимался ровным столбом, будто земля в одном месте вдруг начала гореть изнутри. Где-то взвыла собака. И сердце ёкнуло.

1.2 План Арани

На шахте выбросило газ, а потом рвануло. Погибли два человека. Густав отделался лёгким испугом. После аварии Арани поняла: *Надо что-то делать. Ждать больше нельзя.*

Наступило воскресенье — выходной день. Он выдался холодным. Шахты молчали и приходили в себя после аварии. Почти всю неделю Арани обдумывала, как стать богатой и спасти близких. Но доступных вариантов почти не было, кроме как обратиться за помощью к старому гному Бараздару. Она надела потрёпанный китель и вышла на улицу. Воздух снаружи стоял стылый, колкий. Она посмотрела в сторону дома управителя, который находился на краю деревни, на возвышенности, и пошла.

Арани запыхалась, шагая вверх по дороге своими быстрыми детскими шагами. Путь лежал мимо кладбища на краю деревни. Она старалась не обращать на него внимания. Оно всегда нагоняло печаль. Краем глаза она заметила несколько свежих могил — последние для тех, кто ещё на прошлой неделе спускался в штольню. Земля на них была чистой, почти рыжей, без привычного тёмного налёта угольной пыли.

Вскоре Арани добралась до дома управителя. Бараздар сидел в кресле на террасе, укутавшись в плед. Он попивал чёрный эль и курил табак через длинную трубку. Она сморщила нос: воняло грибами и спиртом. Но местных работяг

это не отпугивало, и почти каждые выходные кто-нибудь да напивался им до беспамятства. Отца несколько раз пьяного в стельку приволакивал домой Уинстон. Этот запах она запомнила навсегда.

По дороге Арани всё думала, как лучше начать разговор. И решила, что лучше ничего не скрывать и выложить всё начистоту. Дедушка Бар, так звала она гнома, не сильно любил людей, но у них сложились довольно неплохие отношения. Периодически он рассказывал различные истории о гномах, пару раз о великих исторических сражениях возле Уфальских гор. Он упоминал, что у него есть внуки, но он давно их не видел.

Арани подошла к гному и поприветствовала его. Некоторое время он не обращал на неё внимания, а затем спросил:

— Опять за историями припёрлась? Старика донимать?

— Нет, — Арани шагнула вперёд. — Дело есть — важное.

Гном поднял глаза. Она стояла перед ним с прямой спиной, сжав кулачки.

— Научи меня языку гномов.

Бараздар поперхнулся и начал кашлять — так долго, что Арани испугалась за него. Успокоившись, он отхлебнул эля, затем пристально посмотрел на неё.

— Ты? — прохрипел он, вытирая бороду. — Учить тебя? Мелочь такую? Да ты через месяц решишь, что книжки скучнее мальчишек.

— Не решу. Клянусь.

— Клятвы дешевле навоза. Для чего тебе это надо?

Арани всё рассказала. Бараздар выслушал и одобрительно кивнул: стремление к деньгам он считал достойным. Потом задумался на некоторое время, после чего начал говорить:

— Ладно. Посмотрим, хватит ли духу. Я тебе не учитель. Учить не стану. Но могу помогать — если не будешь лениться.

Арани обрадовалась. Такая возможность — уже шанс. Он продолжил:

— Во-первых, надо раздобыть учебники, по которым ты будешь учиться, а я тебе периодически буду помогать, что, конечно, не будет бесплатно. В этом мире всё стоит денег.

— Но где я возьму деньги? Мы живём бедно, — поникшим голосом ответила Арани.

— Ничего, ничего, я могу помогать учиться тебе в кредит, — сказал он и указал на дощечку с засечками, стоящую у входа в дом. — Видишь дощечку с зарубками? Это долг. Каждый год я буду добавлять одну короткую — десятую, то есть 10%. Вернёшь раньше — срежем ножом. Потянешь — дощечка станет длиннее тебя, тогда придется продать тебя в рабство вашим же людям, как других лентяев.

Арани кивнула. Всё было понятно и немного страшно. Она слышала, как несколько работяг спились: одного выдворили из королевства, а другого даже продали в рабство, потому что он задолжал приличную сумму денег. Гном же продолжил:

— Платежи начнешь выплачивать с первой своей зарплаты. Помощник счетовода, как я понял, получает у нас 30 серебряных Эйре в месяц. За год выходит 360. Мы с тобой друзья, и поэтому я сделаю тебе скидку: оценю свою помощь в 300 монет, меньше годового жалования. А выучишься по-настоящему и станешь счетоводом — будешь получать 60. Отдать кредит тебе не составит труда, — объяснил Бараздар.

Арани не совсем всё поняла, но подумала, что одна десятая переплаты за всего один год работы, после которого она сможет зарабатывать полностью свои деньги, это не так много. Она согласилась на предложение гнома:

— Отец тебя учил?

— Да, папа в свободное время обучает меня, я хорошо считаю и знаю азы грамоты.

— Хорошо, хорошо, сейчас проверим. Хотя грамоту человеческого языка я проверять не буду.

Бараздар ушёл в дом, вернулся он уже со стулом, тетрадкой и специальным пишущим угольком. Предложил сесть, а то так бы она и дальше стояла как вкопанная. Бараздар склонился над столом и черкнул в тетради: сначала счёт, потом простую ведомость выдачи пайков, а ниже — задания с незнакомыми буквами, острыми, как резы на камне.

— Рун не знаю, — призналась Арани, — но пайки я посчитаю правильно.

— Для начала сойдёт, — фыркнул гном. — Руны научим, если не убежишь после первого задания на дом.

Написав ещё несколько заданий, гном пододвинул к ней тетрадь.

— Вот, попробуй реши. Начни с простого.

Задания в начале были лёгкие — сложение и вычитание отец вбил в неё крепко. Арани скрипела угольком по тетради, чувствуя, как растёт уверенность. Но потом начались всё более и более сложные вычисления, некоторые со странными закорючками, похожими на переплетённых змей, и цифрами, заключёнными в скобки, будто в клетки. Она нахмурилась. Это было похоже на загадку, на шифр. Она попробовала подставить знакомые числа, угадать логику, но формулы не поддавались. Чувство азарта сменилось лёгкой паникой. *Неужели я недостаточно умна? Неужели мечта так и останется мечтой?* — промелькнула мысль.

Так прошёл с лишним час. За это время Бараздар успел приготовить чай и принести банку мёда. Мёд был густой, тёмный, с горчинкой горных трав. Пчёлы собирали его на высоких лугах над деревней.

— Ладно, ладно, хватит решать, давай я посмотрю, как у тебя успехи. А ты пока попей горячего чая и согрейся, — сказал гном и взялся проверять выданную ранее работу.

Арани ещё не успела допить чай, как Бараздар заговорил:

— Неплохо. Не совсем пустая голова. Я помогу тебе, что-то я да знаю, даже учился давно в Высшей Технической Академии Беланкора.

— А давно ты учился? — поинтересовалась Арани.

— Лет 200 назад. Может, чуть меньше.

От удивления у Арани открылся её маленький ротик. Для неё 200 лет казались чуть ли не вечностью.

— Что рот разинула, ворона залетит, — проговорил гном и рассмеялся. — Если заниматься особой магией или использовать специальные алхимические зелья, то и человек сможет столько прожить. Говорят даже, что есть великие маги, культивирующие особые техники, которые прожили более 1000 лет.

Затем Бараздар, крихтя, поднялся и ушёл в дом. Он отсутствовал пару минут и вернулся с потёртой доской и большим листом бумаги, исписанным мелким почерком.

— А теперь первый урок делопроизводства. Любая сделка должна быть закреплена на бумаге. Вот здесь, — он ткнул толстым пальцем в конец рукописного документа, — ставят личную метку, когда заключают договор. Метка — это твой знак согласия соблюдать условия договора и нести всю ответственность. От неё потом не отвертишься. Но для начала это надо будет обсудить с твоим отцом и приобрести учебники.

Вскоре Бараздар выпроводил Арани от себя и сказал, что она может идти по своим делам. Довольная, она вернулась домой почти бегом, а вечером всё рассказала семье. Оскар только фыркнул, пробормотав что-то о занудных книжках. Но лицо отца, Густава, потемнело. Он медленно отставил кружку, и Арани увидела в его глазах тот же холодный блеск,

что появлялся во время его ночных кошмаров.

— Он заставил тебя подписать договор? — тихо, почти беззвучно спросил он, вставая.

Арани с испуга даже не смогла сразу ответить. Густав сжал кулаки так, что побелели костяшки.

— Эти проклятые ростовщики, — прошипел он сквозь зубы. — Что гномы, что люди — все они одинаковы. Они даже с ребёнка готовы три шкуры содрать, загнать в долговую яму, из которой нет выхода.

Воздух в комнате, казалось, застыл. Прошипев последние слова, Густав так и остался стоять, сжав кулаки. Его тень, отброшенная пламенем очага, металась по стене, огромная и зловещая. Оскар, почувствовав недоброе, шмыгнул в свою комнату и прикрыл дверь. Арани осталась одна напротив отцовского гнева. Она съёжилась, втянула голову в плечи. От её утренней воинственности не осталось почти ничего — только испугавшийся ребёнок в слишком большом кителе.

Густав тяжело дышал. Он провёл рукой по лицу, по своим почти седым волосам, и сгорбился, словно на его плечи легла гора. Он молча вышел из дома на крыльцо, впуская в комнату облако холодного воздуха.

Арани осталась стоять посреди комнаты. Слезы обиды и страха защипали глаза. Она не понимала: *Я ведь старалась для них, для семьи. Почему отец так рассердился?* Арани хотела было тоже спрятаться, убежать, но что-то её удержало. Она увидела его силуэт в дверном проёме — одинокий,

сломленный. Преодолев страх, она накинула на плечи старый шерстяной платок и тихо вышла за ним.

Густав сидел на ступеньках, глядя в тёмное, усыпанное мириадами звёзд небо. Здесь, в горах, они сияли так ярко, что казалось, до них можно дотронуться.

— Папа? — тихо позвала Арани, садясь рядом, но не слишком близко.

Он не сразу ответил, продолжая смотреть на звёзды.

— Я видел такие глаза раньше, Ани, — наконец проговорил он хриплым, уставшим голосом. — Такие же, как у Бардара — расчётливые, твёрдые. Глаза человека, который держит в руках твою судьбу и знает её цену.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

— Мой отец... твой дед... — Густав долго молчал, глядя в звёзды. — У нас было имя. Не великое, нет. Не главная ветвь. Но земля была. Дом был.

Он потёр ладонью лоб.

— Отец решил, что сможет приумножить всё это. Мельница, караваны, торговля... Денег не хватило. Решил взять в долг, — голос Густава стал глуше. — Они улыбались. Обещали поддержку.

Густав усмехнулся без радости и сжал кулак.

— А потом пришла засуха. Потом война перекрыла дорогу. Отец не смог сделать второй платёж. И всё посыпалось. Арани молчала, боясь пошевелиться.

— Сначала ушли лошади. Потом серебро, которое пере-

давалось из поколения в поколение. Потом земля. Я помню, как межевые столбы с нашим гербом вырывали из земли, будто нас там никогда не было.

Густав перестал говорить, его взгляд стал пустым, устремлённым в прошлое.

— Улыбки исчезли. От нас отвернулись люди. Перестали здороваться. На нас смотрели как на живое предупреждение. Мы стали «теми, кто в долгах». Тогда я и понял, что долг умеет отнимать не только вещи.

— Как вы справились? — тихонько осмелилась спросить Арани.

— Через труд. Мне — сыну помещика — пришлось учиться чистить конюшни за кусок хлеба.

Густав остановился, сжал кулак.

— Я тогда слишком рано узнал, что такое стыд. Потом пришли управляющие из города и описали всё, что можно описать. Поместье забрали. Мы переехали в городишко. Мать мыла полы и стирала чужое бельё, я таскал воду, колол дрова. Отец пытался устроиться, но на него везде смотрели, как на проигравшего. Он не выдержал. Однажды ночью он просто ушёл. Больше мы его не видели.

Арани тихо ахнула. Она протянула руку и коснулась его плеча.

— Мы остались с матерью одни. Без денег, без имени, с огромным долгом. Я тогда поклялся себе: никогда больше. Ни тебе, ни Оскару, ни вашей матери — никому из вас я не

дам влезть в такую яму.

Он замолчал. В груди у него глухо грохнуло — как откатившаяся тележка, весомая и тяжёлая.

— Я выбрался трудом. Учился при приходской школе, потом при конторе — за работу. Освоил счёт, книги, отчёты. Начал с малого склада. Потом дорос до заместителя управляющего в большой торговой палате. Всё сам, почти с нуля, без фамилии, без протекции, — он усмехнулся и добавил: — Хотя фамилия у меня была. Только она уже мало что значила.

Арани смотрела на профиль отца и впервые увидела в нём что-то иное, кроме усталости шахтёра. Увидела иную жизнь, которой он не делился. Её отец — не только угольная пыль под ногтями, но и цифры в книгах, и печати на документах, и чужие печальные взгляды.

— Потом — в голосе Густава мелькнуло напряжение, — случились обстоятельства. Не сейчас, дочка. Не спрашивай. Одни люди решили, что нам нежелательно оставаться в живых. Пришлось бежать. Быстро, без оглядки, без права на ошибку. Поэтому — никаких бумаг с именами, никаких следов. Как говорят: тише воды, ниже травы. Мы живём здесь, в Ржавой Кирке, потому что камень хранит тайны лучше людей. Из-за этого я не люблю, когда кто-то пытается указать нас в бумажных записях. Понимаешь?

Он повернулся к ней, и в его глазах смешались страх и упрямая забота.

— Триста серебряных, — продолжил он уже ровнее, — для нас это не просто цифра. Это месяцы еды, угля, соли, лекарств. Если я заболею, если будет обвал, если что-то пойдёт не так — долг не подождёт. И ещё эта учёба, она сделает тебя заметной. О тебе станут говорить. Поэтому я переживаю.

Он впервые посмотрел ей в глаза, и в его взгляде был страх.

Они долго сидели в тишине. Арани смотрела на свои маленькие руки. Она поняла, что его страх глубже, чем просто боязнь долга. Это страх быть найденным. Но её собственный страх был другим — страх прожить жизнь в этой серой, безнадёжной яме. Она думала о кашле отца, о вечной угольной пыли, о свежих могилах на кладбище. Да, она боялась. Но ещё больше она боялась остаться здесь навсегда.

— Но если ничего не делать, — её голос прозвучал на удивление твёрдо, — что тогда? Я вырасту, выйду замуж за шахтёра, буду стирать его пропитанную углём одежду, пока он не умрёт от кашля, как и все здесь? А потом мои дети будут делать то же самое? Это не жизнь, папа. Это та же долговая яма, только без ростовщика. Мы в ней уже сидим.

Густав медленно повернул к ней голову. Он вглядывался в её лицо в слабом свете. Он видел в её изумрудных глазах не детский каприз, а стальную решимость. И только теперь Густав понял, чего боялся все эти годы. Не её упрямства — а того, что она и вправду сможет вырваться. Что придётся отпустить её дальше, чем он сам когда-либо смел мечтать.

— У тебя есть твёрдость, — тихо проговорил он, скорее для себя, чем для неё. — Твёрдость, как у твоей мамы.

Он глубоко вздохнул, принимая одно из самых трудных решений в своей жизни.

— Хорошо, — голос его окреп. — Если ты решила по-настоящему, не на один день — учиться, тогда я рядом. Но без глупостей. Ты будешь заниматься каждый день. Писать, считать, учить руны, читать так, чтобы сама могла проверять всё, что тебе суют. Будешь понимать цифры лучше, чем любой гномий клерк.

Густав взял паузу.

— И ещё одно: никому, никому, ни слова о нашем прошлом и нашей фамилии. Это наша с тобой тайна. Поняла?

— Поняла, — еле слышно сказала Арани, и у неё перехватило горло. — Я буду учиться. Сколько скажешь. Сколько надо.

— Тогда ещё условие, — продолжил он, уже деловито, как человек, привыкший к бумагам. — Завтра я пойду к Бараздару с тобой. Я должен видеть договор. Я добьюсь, чтобы там не было никаких лишних сведений. Никаких скрытых пеней и залогов. Первый год — без штрафов, если заболеешь или случится иная беда. Если старый гном порядочен — согласится. Если начнёт юлить — уйдём и найдём другой путь. Понятно?

— Понятно, — кивнула она, вытирая тыльной стороной ладони глаза, чтобы он не заметил.

Он положил мозолистую ладонь ей на голову и легко, с любовью, погладил.

— Ты целеустремлённее, чем я думал, дочка. И умнее. Это хорошо. Мир любит сильных — и ест слабых. Но сила — это ещё и умение вовремя отступить, если видишь ловушку. Научись этому тоже.

Он встал, и теперь в его фигуре не было прежней сломленности. Была лишь тяжёлая, отцовская решимость защищать своего ребёнка на пути, который она выбрала сама.

По крыше пробежал ветер — тот самый, что трепал свечи у входов в шахты. Утром Густав выпрямит спину, наденет лучшее из того, что у него осталось, и пойдёт к Бараздару — не просителем, а отцом. Где-то в горах глухо ухнул камень, и старая память снова шевельнулась в груди. На душе скребло от тревоги, но рядом с ней теплилось другое чувство — маленькое, упрямое, как свеча у штрека. Как его дочь.

Пусть у неё будет будущее. Если оно ещё есть.

1.3 Новогодние подарки

Пришла зима. Оскар постоянно чистил снег. Он падал большими пушистыми хлопьями почти постоянно. *Учебников всё нет. Папа обещал к зиме, а зима уже везде. Если так и будет сыпать этот снег, к Новому году нас засыплет по самую крышу,* — пробубнила про себя хмурая Арани, когда варила кашу. Уинстон к вечеру воткнул у двери еловую ветвь, перевязанную красной шерстяной ниткой. Сказал, чтобы мороз не кусал. Арани не знала, правда это или нет, но нитку затянула сама.

Договорённость с Бараздаром была достигнута, но учиться Арани до сих пор не начала. За это время пару раз досталось соседскому коту Ваське. Арани один раз кинула в него сосновую шишку, а другой раз снежком, который угодил прямо в лоб, что сильно его испугало. Правда, её проказы не укрылись от внимательного взгляда Уинстона, и дома ей пришлось выслушать строгий выговор.

Арани обула валенки, надела тёплую меховую шапку, кряхтя натянула на себя шубу из светло-серого зимнего меха бабра. Жёсткая, как панцирь — руки сгибались с трудом, до верхних пуговиц не дотянутся.

— Уинстон! — крикнула она. — Помоги, пожалуйста, застегнуться.

— Ты куда-то собралась?

— Да, пойду извинюсь перед Васькой, — немного виновато ответила Арани.

У шубы был несомненный плюс: она была очень тёплая. Но из этого вытекал и минус: если погода не слишком морозная, то в шубе становилось жарко, особенно, если в ней бегать. Арани любила играть с детворой, кататься на санках, кидаться снежками и заниматься другими зимними забавами. Она часто приходила домой вся вспотевшая. Её ругал отец — боялся, что заболест.

День становился все короче, а ночи — длиннее, до Нового года оставалось две недели. Арани ждала Новый год, как и многие, потому что наступали праздничные гулянья. В деревне варили сладкую пастилу из ягод, а из ближайшего крупного поселения привозили орехи в сахарной глазури, их поставляли из южных человеческих земель. Арани всегда хотелось там побывать: увидеть большой город, шумный рынок, толпу людей и такие товары, какие в деревне бывают только в сказках.

Но больше всего сейчас ей хотелось новогоднего подарка. В прошлом году ей досталось зелёное платье в белый горошек. Она в нем проходила пол-лета и умудрилась порвать в нескольких местах, теперь оно уже было в заплатках. Вообще ей больше нравились обычные шорты. В них было удобнее, но они были не такие красивые. Летом Арани постоянно ломала голову, что надеть из них.

Наступил вечер. На улице уже было совсем темно. Уин-

стон готовил мясо дикого кабана, которое смог добыть вместе с другими охотниками из деревни. Уинстон заполучил целый окорок, так как его уважали за опыт и навыки. Арани, одетая в теплую светло-коричневую шерстяную кофту, сидела вместе с Оскаром на лавочке за столом, покачивая ножками.

Арани надоело сидеть, она прыгнула со скамейки и подошла к окну. Дорога была вся заметена снегом. Ни огня, ни саней, ни звона бубенцов. Она уже начала злиться на себя за то, что всё ещё надеется, что у неё будут учебники. В небе висел почти полный диск белой луны Фаэтус. Рядом висела тёмная луна Эребус — вдвое меньше, с редкими светлыми вкраплениями.

У гномов Новый год только 26 января. Может до их праздника я получу учебники, — с грустью подумала Арани, но учуяв запах жареного мяса со специями, разлетающийся по дому, отбросила печальные мысли. Последнее время она больше ела всякие каши и рыбу, которые уже надоели. Скоро будет пир. Осталось подождать еще совсем немного до полной готовности мяса и дожидаться отца, который вот-вот должен был вернуться с работы.

— Папа, папа! — радостно проговорила Арани, когда в дом вошел мужчина в шубе с чумазым лицом. — Ты наконец вернулся. Мы тебя совсем заждались. Поторопись, у нас сегодня на ужин мясо кабана, оно уже готово.

— Да, да, — подхватил Оскар, — а то мы все съедим.

— Сейчас только помою руки и умоюсь.

Уинстон поставил на стол большой чугунный казан с мясом кабана, оно было хорошо протушено. К мясу были добавлены лук, морковь, чеснок и несколько приправ. Пахло очень аппетитно.

— Уинстон, а ты того кабана как взял? В лоб из арбалета?
— спросил Оскар.

— В лоб только хвастуны стреляют. Я — в лопатку, с ближней тропы. Тихо подошёл, чтобы снег хрустел реже, подождал — и выпустил болт. Нож потом — для работы.

— А если бабр? Ну вдруг вот... из-за сосны?

— Если бабр — глаза не прячь, шумом не дразни. Размером с большую собаку, но когти — как кинжалы. Зимой голодают — могут и на человека напасть. Если отпускает, то лучше уйти с миром.

— А с ножом если? — дальше допытывал Оскар.

— Он прыжком берёт. Не геройствуй с ножом, бабр хищник очень опасный.

Бабры жили в предгорьях Уфальских гор. Они относились к роду кошачьих, имели большой пушистый хвост. Летом мех у бабров был темно-серый, а к зиме становился светло-серым. В предгорьях они были одними из самых крупных хищников помимо саблезубых тигров, горных волков, медведей, и некоторых других таинственных хищников, про которых Арани слышала от Уинстона — ледяных крокодилов, горных троллей, драконьих ястребов.

Арани вслушивалась в разговор, затем взглянула на рядом стоящую кастрюлю со сваренным угулумбуром. *Возможно, что он даже мой.* Это был корнеплод, который рос в этих местах небольшими группами, с раскидистыми кустами около 1 метра в высоту. На нём росли вытянутые голубые ягоды, но ядовитые. Внутри он был розоватый и твёрдый. Угулумбур она знала с осени: выкопаешь мало — ругают, выкопаешь много — хвастаешься перед всей детворой. Варить его приходилось долго, зато зимой он спасал от голода не хуже картофеля.

Наконец Густав отмыл руки от угольной пыли и сел за стол. Все начали сытную трапезу. Арани наелась от пуза. *Что ещё надо для счастья, если не сытно поесть? Ах, да, надо ещё много денег,* — напомнила она сама себе о своем плане.

— Ну, что ребятня, хотите я расскажу вам историю про старика повелителя мороза? — сказал Густав.

— Папа, ты же уже рассказывал её, — ответил Оскар.

— Ты её даже еще не услышал, а уже вредничаешь. Оскар, у тебя есть своя история? — сказала Арани.

— Не ссорьтесь, возможно, что это будет другая история, — улыбнувшись, ответил их отец и начал рассказывать.

Ходит-бродит Карачун по лесной дороге, В белой шубе он идет, голова седая. Взял он золотой посох, стукнул, сразу звон раздался! Воздух сразу затрепещал, треснул лед, сло-

мался, Карачун зверей страшал, уморить пытался! Вечер, ночь... А где же день? Ничего не видно! Солнце вышло из-за гор, но пока не греет, Сколько лет прошло с тех пор! Мрак и холод — его владенья! Лишь красавицы-Весны злой старик боится, Но пока еще зима будет долго длиться... Ходит-бродит Карачун — старый, злой, косматый. Угости его конфетой сладкой и задобри старика, Чтобы, встретив на своем пути, отпустил тебя.

— Папа, но где же взять конфеты, чтобы задобрить Карачуна? — спросила хитро Арани своего отца, она начала догадываться, что про конфеты было сказано неспроста.

— погоди, сейчас я помогу решить эту проблему.

Густав встал и вышел в сенцы — неотопливаемую прихожую. Вернулся он с довольно большим мешком. Сначала он достал два небольших мешочка, и передал их Арани и Оскару, сказав, что это шоколадные конфеты. Они были очень рады, так как очень редко ели их, для них это был настоящий деликатес. Оскар тут же развернул одну конфету и положил в рот. Арани сжала одну в ладони и пересчитала остальные. *Одну для Карачуна, остальные себе.*

Затем из мешка Густав вынул несколько больших упаковок пастилы разных цветов. Пастила дома уже была, но, как считала Арани, сладостей много не бывает. Следом он достал трёхлитровую банку мёда. Праздничное настроение у всех уже было обеспечено. Потом из мешка показалась це-

лая кипа книг.

— Ани, а это подарок специально для тебя.

Прежде чем протянуть Арани книги, Густав задержал на них руку чуть дольше, чем было нужно, будто отдавал не подарок, а что-то куда более важное.

— Папа, неужели это учебники? — с горящими глазами подбежала Арани и начала их рассматривать.

— Да. Дороги замело, поэтому долго пришлось ждать повозку. Бараздар пока что уехал и приедет только после празднования Нового года. Единственное — можешь пока сама попрактиковаться в написании гномьих рун. Вот, держи, — сказал Густав и передал дочке одну из книжек.

— Спасибо! — ответила счастливая Арани, и немного подумав, добавила — Завтра я угощу Карачуна конфетами, оставлю их на пеньке за домом, чтобы он нас сильно не морозил зимой.

— Хорошо, и учись прилежно, — сказал отец Ани и погладил её по голове, а затем обратился к сыну, — Оскар, для тебя тоже будет специальный подарок, не переживай.

Последним из почти пустого мешка показалась шкатулка, которую Густав вручил своему сыну. Внутри находился очень красивый и искусно сделанный охотничий нож. На лезвии ножа был выгравирован бабр, который держал в зубах зверя на фоне гор с солнцем в небе. На обухе ножа была выгравирована аббревиатура «ОЭ». Оскар Эрнер. Густав знал, что это безрассудство. Но ему хотелось, чтобы сын держал в

руках хоть что-то, напоминающее о том, кем они были.

Оскар тоже был очень счастлив, так как получил красивый и очень практичный подарок.

— Только будь осторожен, нож очень острый. Но не махай им напоказ.

— Хорошо, папа.

Перед тем как лечь, Арани ещё раз раскрыла прописи и долго выводила перед свечой первую руну гномьего алфавита, пока та не перестала быть похожей на кривую ветку. Только после этого спрятала тетрадь под подушку — будто боялась, что к утру книги окажутся сном.

1.4 Соль на ладони

Густав проснулся в холодном поту. Кошмар. Той ночью 8 лет назад — снова Тоэльсгард. Его жена. 5-летний Оскар. Совсем маленькая Арани. Разгромленный дом, кровь на воротнике Уинстона, татуировка «Штормовых Птиц». Он почти не спал. За окном — январь, держащий Уфальские горы в ледяных ладонях. Сегодня был особый день, когда по поверьям граница между мирами истончается.

Вечер. Изба в деревне. При тусклом свете свечей сидели люди в звериных масках: зайцы, козлы, медведи, бабры, чёрные алиинги — перелётные птицы с вытянутыми клювами. Маски были так искусны, что в пляске казались живыми. Некто в маске козла поднялся.

— Сегодня тьма и свет меряются силой.

За окном завывала метель, несколько свечей погасли, тени заплясали по стенам.

— В мир приходит дурная сила — духи и демоны. И начинают они веселиться — на смех, на страх, на беду.

Затем все в комнате встали и завели хоровод. Они сделали 3 круга — священное число завершенности и полноты мира. После чего звери разошлись в разные стороны, начали пля-

сать, махая цветными ленточками, и запели:

*Коляда, коляда,
Кто не даст пирога,
Мы корову за рога,
Кто не даст пышки,
Мы тому в лоб шишки.*

В толпе плясал один небольшой волк, рядом, из стороны в сторону, переваливался крупный заяц — выше на голову и шире чуть ли не вдвое. Волку стало совсем тесно, а маска натерла лоб — она была неудобной. Он постарался переместиться в другой конец комнаты, где звери плясали не так тесно. Вскоре танец закончился. Запыхавшийся волк сел на скамейку, снял маску. Это была Арани. Она протянула руку ко лбу, на котором появилось покраснение.

В доме собрались девчонки со всей деревни, почти всех Арани знала. В такие вечера, когда ночь понемногу начинала отступать, девушки гадали на суженого. Арани присутствовала на подобном мероприятии впервые, она была одной из самых маленьких. Её уговорили подруги, а она подумала, что вдруг увидит того самого богатого принца с сундуком золота, про которого постоянно трывдел Оскар.

Всё было очень необычно и таинственно. Девушки поставили у стены зеркало, одну тарелку с зерном, другую с водой. Курицу привязали поодаль. Арани шепнули:

— Петуха под подол, надо покрутиться и выпустить. Куда пойдёт — такой и жених. К зерну — богач, к воде — пьяница, к курице — охотник за юбками.

Четыре девушки уже погадали. Петух упорно лез к зерну. Одна из девушек прыснула со смеху:

— У нас, похоже, все невесты принцев да купцов будут. Чей это петух? Будто год голодом морили — всё к зерну липнет.

Вышла Ксения, соседка напротив — 15-летняя, стройная, с длинной каштановой косой и голубыми глазами. Ксения сделала несколько оборотов с петухом под подолом, затем выпустила его. В этот раз петух подошёл к курице. Толпа загомонила:

— Петух досыта наелся, решил к курам податься.

Ксения немного надулась, потому что жениха с такими пристрастиями она точно не хотела. Ворожба пошла живее: петух уже метался — кому зерно, кому вода, кому курица. Последней осталась Арани.

— Арани, не хочешь погадать? — спросили рядом.

— Но я... Какие мне ещё женихи?

— Кто знает, вон моей 10-летней сестре родители уже подобрали.

Арани испугалась такой истории, но всё-таки решилась. Вышла в центр комнаты, и ей пустили петуха под подол. *Только бы петух не клюнул*, — подумала она и осторожно сделала вокруг себя несколько оборотов. Затем подняла по-

дол, петух, уже полностью измотанный, подался к курице. Арани подошла к тем, кому судьба тоже напророчила гуляку.

Следующим шло гадание на вызывание образа жениха в зеркале. Проходило оно медленно: одни принялись играть в карты, другие — петь и танцевать.

— А-а-а! — раздался испуганный крик из соседней комнаты.

Все умолкли. Арани стало немного не по себе, и она спросила:

— Можно ли разглядеть чудище в зеркале, как это бывает в сказках?

На её вопрос рассмеялись и сказали, что девушка, которая гадала, слишком впечатлительная. Она просто испугалась мыши или паука на столе. Но Арани не совсем поверила, так как не могут же сказания со всякими монстрами быть просто выдумкой. *На чём-то они ведь основаны*, — решила она.

Веселье продолжалось дальше. Принесли пирожки с творогом, угулумбуром, угощения разлетались по рукам. Досталось и Арани: она довольная сидела на скамье у печки и уплетала пирожок, запивая брусничным морсом. Девчонки пели, танцевали. Она оставила свои думы, хоровод веселья подхватил её.

Через какое-то время к ней опять пристали — погадать на зеркале. Её проводили в комнату с тусклым светом.

— Садись со свечой напротив зеркала и повторяй: «Суже-

ный, ряженный, приходи ко мне ужинать». Пока горит свеча, в нём может показаться образ твоего будущего жениха, — сказали и оставили одну.

Надоели со своими сужеными, какой будет, такой будет. Сидеть просто так перед зеркалом ей быстро наскучило. Она решила всё таки посмотреть в него. Ничего не было.

— Зеркало, как ты можешь что-то показать? Ты лишь отражаешь.

Свеча оседала, воск пах горячим мёдом и прополисом. Тишина сгустилась — по ту сторону стен перестали петь. Стало слишком тихо, будто дом задержал дыхание. Вдруг в глубине отражения что-то дрогнуло. Веки. Они распахнулись — на Арани уставился огромный жёлтый глаз. Узкий чёрный зрачок, как у змеи. По краю — тёмно-зелёная чешуя. Глаз смотрел. На неё.

Холодный страх ударил в грудь. Половица скрипнула. Она отпрянула, споткнулась и упала. Свеча брызнула искрой. Фитиль зашипел и почти погас.

— Папа! — закричала Арани, показались слёзы от испуга. В комнату вбежали несколько человек.

— Что случилось?

Она показала в сторону зеркала, но там уже ничего не было.

— Успокойся, не плачь, там ничего нет.

— Но там был большой глаз.

— Глаз? — удивлённо переглянулись вошедшие. — Те-

бе просто привиделось. Не плачь. Давай вставай и пошли ко всем.

Ксения протянула ладонь с солью и проговорила:

— Вот возьми щепотку соли. Чтобы зло не липло.

Затем Арани проводили в большой зал, попытались отвлечь и развеселить. Но её настроение окончательно испортилось, она хотела домой. *Больше никаких гаданий! На сегодня точно,* — решила она. *Что это было? Дух? Змей? Добрый или злой дракон?* Но вскоре она отбросила эти мысли, они пугали её. Вернувшись домой, она плохо спала. На следующий вечер Арани рассказала всё отцу.

— Дочка, не переживай, — сказал Густав и обнял её. — Мало ли что могло показаться в зеркале. Вы с подругами наслушались сказаний.

— Папа, но я отчётливо видела глаз.

— Я думаю, это воображение. К тому же не только с тобой приключилось подобное. Просто вы себя накрутили.

Оскар, услышав эту историю, только захихикал.

— Точно ничего не будет?

— Конечно, к тому же этот день нечистой силы уже прошёл. Я посыплю солью у входа и никакая нечистая сила нас не тронет.

— Ладно, — сказала Арани и улыбнулась.

Густав сделал, как обещал, погасил свечу и лёг. Но ещё долго смотрел в тёмное окно и думал: *Есть ли они в этом мире? Столь могущественные существа? Церковь твердит*

о демонах и знамениях... Всё это чепуха. Он перевернулся и посмотрел в потолок. *Или нет?*

1.5 Первые уроки

Наступил февраль. Зима была тёплой. Бараздар наконец вернулся из столицы. Арани собиралась на свои первые занятия. Стопка книг лежала на столе. Она искала сумку. Перерыла весь шкаф с вещами — там она должна была быть, — но так и не нашла. *Ну, я и растяпа! Лезу, как медведь в дупло за мёдом,* — подумала Арани. Уже точно опаздывая, она наконец нашла её сбоку на вешалке под куртками. И, выбежав из дома, понеслась по дороге, оставив небольшой разгром позади.

Бараздар был у себя: он сидел в кресле и читал газету «Вестник Беланкора».

— Опять у людей войны, — буркнул гном, не отрываясь от газеты. — Одни 10 лет платили контрибуцию и вдруг передумали. Другие сцепились из-за одного слова за ужином: принц соседнего королевства обозвал тамошнюю даму.

Он скомкал газетный лист и швырнул в угол. В это же время послышался стук в дверь.

— Да, входите, — сказал Бараздар.

В дом ввалился серый меховой ком. Бараздар даже не поднял глаз — конечно, это была Арани. Щёки у неё пылали с мороза, сама она пытела, а из-под шапки выбились волосы.

— Негоже опаздывать на свои первые занятия, — строго сказал гном.

— Извините, — замялась Арани. — Я искала сумку, но она будто спряталась. Вот и задержалась.

— Понятно. Раздевайся. А я пока подумаю, дарить ли тебе подарок. Из-за опоздания теперь это спорное дело.

Арани удивилась. Ей стало интересно и немного волнительно. *Если опаздывать, то можно упустить что-то важное*, — решила она. Дом управителя был небольшой, почти квадратный, разделённый на четыре помещения: кухню, спальню и две комнаты. Сруб из толстых сосновых брёвен — некоторые Арани не обхватила бы и двумя руками. Внутри пахло воском, было тепло — будто летом. Ей здесь нравилось.

Дедушка Бар вручил ей завёрнутую коробку. Арани не сразу решилась открыть её. *Что же там?* — подумала она. Она была совсем не тяжёлой.

— Что замерла? Дети какие-то пошли нерешительные, я вот в свои годы... — сказал гном и осёкся, не став продолжать. — В общем, давай открывай подарок, да займёмся делом.

Арани развязала ленту. Внутри лежал розовый рюкзак.

— Это тебе от меня, — произнёс Бараздар. — В нём удобно таскать учебники и всё такое. Гномы в походах носят подобные — в них и еда, и топор, и инструменты. Это, конечно, не походный, а ученический. Но пусть служит верой и правдой.

— Я очень благодарна, — сказала Арани. — Он мне очень

нравится!

Ей выделили стол в одной из комнат на солнечной стороне дома. Мебель у гномов была поменьше человеческой, но по её росту — в самый раз. Так начались занятия. По выходным Арани ходила к Бараздару, а в будни грызла уроки дома, чаще всего по вечерам. Гномий язык давался тяжело, математика давила формулами, а сам Бараздар объяснял скупо и ругался щедро. Но Арани радовалась и этому: другого учителя у неё не было.

— Посчитай-ка, — Бараздар начал говорить очередное задание. — Склад 8 метров в длину и 6 метров в ширину. Надо его заполнить мешками с мукой. Класть будем в 6 слоев в высоту, выше нельзя — нижние мешки лопнут, да и сырость от пола пойдет. Посчитай, сколько муки тут схороним, если в каждом мешке по 50 килограмм.

— Так, локоть 40 сантиметров, а сколько локтей мешок занимает? — спросила Арани.

— Ничего не знаешь, — буркнул гном. — Мешок около 1.4 локтя в ширину и чуть более 2.5 локтя в длину. Но при наполнении станет «пузатым», поэтому для расчётов бери ширину в 1.25 локтя, длину оставь в 2.5.

Арани кивнула и начала считать. *Сначала посчитаю площадь.* Она написала в тетради простую строчку умножения 6 на 8 и получила 48. *Дальше рассчитаю площадь мешка.* Арани вывела в тетради « $2.5 * 1.25$ ». *Если умножить 2.5 на 1.25, то это будет сложно, лучше переведу в метры. Длина*

локтя 40 сантиметров. Она написала « $2.5 * 0.4 * 1.25 * 0.4 = 1 * 0.5 = 0.5$ ». Теперь рассчитаю сколько влезет. « $48 / 0.5$ ». Или это в 2 раза больше, то есть 96. Она перешла к следующему расчёту: « $96 * 6 * 50 = 96 * 300$ ». Проведя умножение в столбик, она получила 28800.

— Дедушка Бар, я рассчитала, — довольно сказала Арани. — 28 тонн и 800 килограмм влезет в склад.

Гном посмотрел на расчёты, его палец стучал по столу.

— Я вижу здесь серьёзную ошибку.

— Но где? — непонимающе спросила Арани.

Она начала быстро бегать глазами и перепроверять свои расчёты.

— Ошибка не в расчётах. Надо понимать природу самих материалов, веществ и товаров. Без вентиляции мука просто заплесневевает и испортится. Надо обязательно оставить отступ от стен в локоть и сделать центральный проход, чтобы удобно проверять и брать мешки. Для движения воздуха он тоже пригодится. Поняла?

Арани кивнула.

— А теперь пересчитай.

Она поудобнее перехватила карандаш и открыла чистую страницу тетради. Наверху размашисто вывела: «Склад 6 на 8. Вход по короткой стороне»

— Сначала — воздух, — прошептала она, рисуя прямоугольник.

От боковых стен, что тянулись на 8 метров, она отступила

по полметра. Из 6 метров ширины у входа осталось 5. Затем она провела жирную линию прямо по центру. *Метр на проход. Значит, по 2 метра на каждый ряд. А мешки у нас метровые...* Она на мгновение задумалась: *Отлично. По 2 мешка в глубину с каждой стороны прохода.* Теперь она взялась за длину. Из 8 метров она вычла 1 метр у входа. *Рабочему надо где-то развернуться. И полметра в самом дальнем конце для сквозняка. Под мешки остаётся 6.5 метров вдоль стен.*

Она быстро прикинула: *Если наполненный мешок в ширину ровно полметра, то вдоль стены их выстроится 13 штук.* Её рука быстро залетала по бумаге, выводя расчёты: « $13 * 2 * 2 = 52$; $52 * 6 = 312$ мешков; $312 * 50 = 15\ 600$ кг». Она подала тетрадку Бараздару.

— Вот теперь считаешь почти как гном, который не только в цифры смотрит. Запомни: товар живёт по своим законам, — сказал он. — На сегодня, думаю, можно закончить.

Арани довольная пошла собираться и уже на выходе из дома задала вопрос, который её давно интересовал:

— Дедушка Бар, а почему наша деревня называется Ржавая Кирка?

— Арани, ты опять за старое: лезешь со своими расспросами, — проворчал гном. — Я тебе только вчера рассказывал, как мой дед сражался в великой битве на южном перевале.

— Ну, пожалуйста, — сказала Арани и сделала милое лицо, но в просящих глазах промелькнула хитрость.

— Ладно. Слушай. Когда гномы пришли сюда искать уголь, здесь уже было небольшое поселение людей. Но представь, в канаве валялась ржавая кирка. Для человека — хлам. Для гнома — позор. Для нас кирка — не железка, а знак ремесла, славы и достатка. Так и прилипло название Ржавая Кирка.

— Понятно, — удовлетворённо сказала Арани, попрощалась и вышла.

Время летело очень быстро. К марту тетради у неё уже пухли от расчётов и кривоватых рун, а пальцы по вечерам ныли от карандаша. К апрелю Арани уже привыкла к постоянным нагрузкам. Свободного времени совсем не оставалось. По утрам Арани открывала окно — и слышала, как журчит талая вода. Этот шорох день за днём становился громче, словно гора просыпалась и говорила голосом реки. С южных склонов сходил снег. Ручьи бежали, сливались и впадали в могучую реку Алдазаир, которая текла через всё королевство гномов и уносила воду в Великий Лес Джура. Но расслабляться было некогда: днём — работа по дому, вечером — уроки.

По выходным Арани ходила к Бараздару. Последние недели деревенские мальчишки всё чаще косились на её рюкзак и книги. Одни хихикали, другие шептались, будто она уже вообразила себя кем-то важным. Наступил очередной воскресный вечер, погода была ясной. Солнце медленно опускалось, уже начиная задевать высокие пики гор. Птицы ра-

достно чирикали, ожидая скорого прихода лета.

Шлёпая по лужам, Арани остановилась у одной большой, чтобы отдышаться. Вода в ней была почти зеркальной. Она наклонилась к луже — и на миг вместо своего лица увидела полосатые паруса и длинные лодки, скользящие сквозь туман. Вода дрогнула, картина распалась. Арани выпрямилась слишком резко, будто лужа могла втянуть её взглядом. *Воображение? Сначала глаз в зеркале, теперь корабли. Что со мной?* Странное возбуждение шевельнулось в груди — словно зов к чему-то большему, чем деревенские уроки. *Может, я стану воительницей? С мечом и... даже на драконе?* — подумала она и усмехнулась. Но тревога полностью не отпустила.

Сейчас Арани больше волновало, как дойти до дома и завалиться на кровать, чтобы немного забыться и отдохнуть. Она совсем не представляла, что учиться будет так тяжело. Казалось, что в голове постоянно перемешиваются слова, правила, цифры, формулы. Она боялась, что скоро совсем в них запутается.

— Эй, капитан! — окликнули Арани пять местных мальчишек. — Что, опять от гнома топаешь?

— В невесты к нему? — хмыкнул другой.

Арани сжала ремни рюкзака, её разозлили эти слова.

— Вы дурачье. Всё кораблики в лужах запускаете, а я — учусь. И вообще вам-то что? — дерзко в ответ бросила Арани.

Мальчишки окружили её, хихикая. Арани крепче сжала ремни. Удар в спину. Она плашмя упала в лужу. Холодная жижа хлынула в рот — горькая, земляная. Толпа расхохоталась.

— Правильно моя мама говорит, что ваша семья — подлизы. Всё трётесь возле этого старого толстого гнома-эксплуататора, который постоянно за всеми следит и налоги дерёт, — сказал недобро один из мальчишек.

Арани начала вставать. Грязная вода стекала с лица, смешиваясь со слезами. *За что? Я только учусь.* Тут она заметила Оскара, брат бежал в её сторону, она хотела сказать, что не надо вмешиваться, но было уже поздно. Он подбежал и ударил в лицо одного из мальчишек, завязалась потасовка, но силы были неравны. Оскар получал тумак за тумак. Где-то рядом раздался крик:

— Эй, прекратите!

Подбежал ещё один подросток и встал между хулиганами и Арани.

— Кто это обижает здесь девочек?! — прокричал он.

Все прекратили драку. Это был Оливер Бажич — 13-летний, широкоплечий, светловолосый мальчишка со шрамами на лице. Для своих лет он выглядел слишком уверенно и жёстко. В деревне Оливер был ещё тот задира, заварушки почти не обходились без него. Но главное, что у него было ещё двое старших братьев со взрывными характерами, с которыми никто не хотел связываться.

Арани кивнула Оливеру и сказала:

— Спасибо.

Затем она потащила брата в сторону дома, по пути протирая лицо чистой стороной рукава. Брат поступил безрассудно, затеяв драку с превосходящим числом противников. Но в глубине сердца Арани гордилась им: он не струсил и пытался защитить её, хоть и толку было немного.

Дома их встретил Густав. Увидел грязь на Арани, синяки на лице Оскара — и побледнел.

— Что случилось?

Арани рассказала. Густав слушал молча, сжав кулаки. Потом глубоко вздохнул. Он отругал своих детей и в первую очередь за то, что они не смогли избежать серьёзного конфликта и не рассчитали свои силы.

— А ты, Оскар, в угол. На горох.

— Но, папа...

Прошёл час. Арани, успокоившись, отправилась стирать одежду. Оскар сидел в углу. Голые колени упирались на рассыпанный сухой горох. Лицо искажено гримасой, зубы сцеплены. Он старался не шевелиться. Каждое движение отзывалось острой, режущей болью. Желтые крупинки больно впились в кожу, оставляя глубокие красные вмятины. Густав обратился к сыну:

— Ну, так что, Оскар? Как стоило поступить?

— Перед тем как лезть, надо было дубину взять.

Густав отхлебнул чай и кивнул:

— Ты прав. Но следующий раз — сначала думай, потом бей. Потому что от драки — синяки, а от мысли — толк, а иногда и победа без кулаков.

Наступила ночь. По крыше стучал дождь. Густав долго не ложился и всё смотрел в темноту, будто ждал, что прошлое однажды найдёт их и здесь, как в его кошмарах.

1.6 Восемь лет назад: Эдикт Церкви

8 лет назад. Алийская Империя.

Замок главной ветви графского рода Эрнеров. Род был одним из пяти самых могущественных в Империи и тянулся с древних времён. Кабинет главы. Стор Матиас фон Эрнер, крепкий мужчина около 50 лет, сидел в кресле, сложив руки перед собой на столе. За окном сгущались тучи, надвигалась гроза.

Поодаль, в тени, стоял Эрик Стрейгор, глава тайных операций. Его взгляд то и дело срывался на третью фигуру — стройную женщину в фиолетовом платье. Даже вуаль не скрывала её соблазнительности.

— Глава великого рода, Стор Матиас фон Эрнер, я в последний раз вас спрашиваю, вы хорошо всё обдумали и решили? Пути назад не будет.

— Да, — ровно ответил Матиас, не отрывая взгляда от окна. — Будущее рода стоит любой цены. Любой. Приказ в силе.

— Я вас понял, — уже твёрдо, без тени сомнения, ответил глава тайных операций.

— Если возникнут сложности, обратись к госпоже Ориане, — добавил Матиас.

— Мы справимся сами, — отрезал Эрик.

Женщина в фиолетовом тихо хихикнула. Её пальцы, длинные и бледные, медленно постукивали по подлокотнику кресла — ритмично, как удары сердца.

— Не стоит быть таким упрямым, господин Стрейгор, — её голос был точно мёд, пропитанный ядом. — Гордость хо-роша, пока не мешает делу. А потом...

Она замолчала, и улыбка на губах увяла, а в глазах под ву-алью вспыхнул холодный, недобрый огонь. Эрик почувство-вал, как волосы на затылке встали дыбом.

— Довольно! — жёстко произнёс Матиас. — Эрик, ты должен провести операцию чисто. Без лишнего шума. Ис-пользуй все ресурсы. И если потребуется, помощь Орианы и её секты. Это приказ.

— Я понял, глава рода, — кивнул Эрик Стрейгор и вышел из кабинета.

В это же время. Восточная часть, прилегающая к Уфаль-ским горам. Центральный город одной из губерний Тоэльс-гард. Утро. Небольшой уютный особняк с пожилой кухар-кой, двумя служанками и дворецким. Это был дом Густава фон Эрнера. Он ещё не знал, что этот день станет началом кошмара, который будет преследовать его всю оставшуюся жизнь.

Густав проснулся в своей постели, рядом его жена — Иветта. Она не спала, от неё исходило чувство тревоги. Он протянул руку и коснулся её плеча — ледяное. Она дрожала.

Это был сон. В нём всё вернулось снова — уже не со стороны, а изнутри, будто он снова был там:

— Иви, что-то случилось? — спросил я.

Она медленно повернула ко мне голову.

— Снова снился сон. Про луну, — её голос был испуганным. — Густав, я боюсь. Сначала та ночь. Помнишь? Мы любовались звездным небом, оно пошло волнами и рябью.

— Дорогая, мы же обсуждали. Это редкое явление, но оно описано в хрониках, случается редко: то раз в 100 лет, то раз в 1000. Церковь назвала это благословением. Помнишь эдикт о божественной милости детям, рождённым в этом году?

— Церковь может называть это как угодно, — перебила она. — Но я видела Эребус. Огромный зал под поверхностью, такой, что в нём могла бы пройти целая процессия. Тьма и тишина, нерушимая тысячи лет. На стенах древние надписи на каком-то древнем языке. Отделка выполнена из материала, напоминающего чёрный мрамор. По бокам статуи величественных воинов с эмблемами, похожими на человеческие черепа. По чёрному материалу этого древнего

места тянутся паутины чуть более светлых прожилок, которые иногда слегка поблескивали. Статуи воинов от этого казались способными ожить в любой момент, момент, который до сих пор не наступил, который, возможно, и не может наступить.

Я нахмурился. Иветта продолжила:

— Я летала там, и мне казалось, прошли века.

— Похоже на какую-то древнюю легенду.

— А потом... — она сглотнула. — В темноте вспыхнули 2 зелёных огня. И раздался голос, словно скрежетал металл. Он произнёс: «Интересно, гости издалека...» А потом — крики. Такие страшные крики... И я проснулась.

Я притянул её к себе, обнял.

— Это просто дурной сон. Всего лишь сон.

— Нет, — твёрдо ответила она, уткнувшись мне в грудь. — Это не к добру. Пожалуйста, будь осторожен.

Я лежал, глядя в потолок, и ощущал, как дрожит жена. Я задумался. Вот так ты строишь жизнь с нуля — побочная ветвь графского рода, никаких привилегий, всё сам. Заместитель управляющего крупнейшей торговой палаты Тоэльсгарда, собственный особняк, слуги на заработанные трудом деньги. А теперь жена видит эти кошмары, небо идёт рябью, и Церковь издаёт подозрительные эдикты.

Хотелось верить книгам и официальным указам, но страх, исходящий от слов Иветты, отдавался в сердце. Я бы и хотел остаться со своей женой, но надо было отправляться на ра-

боту. Поцеловав жену в лоб, я пообещал быть осторожным, хотя не до конца понимал, чего именно стоит опасаться. *Сон есть сон. А эдикт... эдикт — это всего лишь бумага.*

Я вышел на улицу. Несмотря на ранний час, Тоэльсгард уже гудел, как растревоженный улей. Воздух был наполнен необычным, почти лихорадочным возбуждением. Ждала карета, запряжённая парой гнедых. Старый кучер Якоб, служивший семье уже лет 5, с улыбкой открыл дверцу.

— Доброго утра, господин Эрнер! Куда сегодня прикажете? В торговую палату, как обычно?

— Да, Якоб, как обычно, — ответил я, устраиваясь на мягком сиденье. Карета тронулась, колёса застучали по брусчатке.

— Ну, и денёк сегодня, — весело проговорил Якоб, обернувшись. Его лицо, испещрённое морщинами, светилось неподдельной радостью. — Народу-то, народу! Все к собору тянутся. Моя Марта тоже с утра пораньше убежала, нашего Патрика понесла.

Я нахмурился.

— Вашего сына? Зачем?

— Как же! — удивился кучер. — Эдикт же! Говорят, деток, что в этом году родились, у которых обнаружат дар. Церковь их проверит, и если дар подтвердится — заберут на обучение, дадут всё лучшее. Для нас, простых людей, это же какой шанс!

Якоб снова отвернулся к лошадям, не замечая, как по-

мрачнело моё лицо.

Вскоре мы приблизились к центральному собору. То, что я увидел, поразило. Вся площадь перед величественным зданием была забита людьми. Огромная, гудящая, пёстрая толпа, состоявшая в основном из бедно одетых ремесленников, крестьян из ближайших деревень и городской голытьбы. Все они держали на руках или вели за руку детей — младенцев в пелёнках, годовалых малышей, что-то лепечущих на своём языке. Их лица выражали смесь надежды, жадности и суеверного трепета. Они толкались, ругались, пытались пробиться ближе к массивным дубовым дверям, которые охраняли суровые стражники в цветах церкви.

Я почувствовал, как к горлу подкатывает неприятный комок. Эта картина не имела ничего общего с «божественной милостью». Она походила на отчаянный торг за будущее своих детей. Вспомнился тревожный сон Иветты, её слова «это не к добру», и уверенность в официальной версии событий начала таять.

— Проезжай, Якоб. Давай через Рыночную Площадь, здесь не протолкнуться, — скомандовал я.

Карета свернула в боковой переулок. Там было не менеелюдно. В центре, на специально возведённом помосте, стоял глашатай в ливрее с гербом города и зычным голосом зачитывал тот самый эдикт.

— «Именем Его Святейшества, кардинала Григория XIX, и волею Священной Церкви Человечества! — гремел голос

глашатая. — Всем детям, рождённым в Год 2960 до Великого Греха — благословенное, оставшееся нам время, — даруется божественная милость! Каждый младенец сего года должен быть представлен служителям церкви для проверки на наличие священного дара! Семьи, в коих дар будет обнаружен, получают щедрое вознаграждение и вечный почёт!»

Толпа внизу восторженно гудела. Я слушал, и кожу обдало, как холодом из погреба. Я попытался успокоить себя. Эдикт касался только детей, рождённых в этом году. Ани родилась в прошлом. Ей уже вот-вот исполнится 2 года. Формально её это никак не затрагивало. Она в безопасности. Успокаивал я сам себя.

Но почему тогда сердце защемило от дурного предчувствия? Почему в гуле толпы слышались не радость и надежда, а отголоски тех самых душераздирающих криков из сна Иветты? Я смотрел на возбуждённые лица людей и видел лишь слепцов, радостно шагающих к пропасти, о которой они ещё даже не подозревали. Город продолжал кипеть, как котёл. И утро, вроде бы ясное, уже пахло грозой.

В торговой палате рабочий процесс не клеился. В ящике стола лежало письмо Леона — неровный почерк, ещё детский: «Папа, я сдал экзамен в академию. Меня приняли! Учитель говорит, у меня талант к магии огня. Скоро приеду на каникулы, покажу, чему научился». Я улыбнулся краешком губ. *Леон. Ему 12 лет, а уже маг. Как давно были маги в нашем роду? Может во времена основания?*

Я открыл отчёты, но цифры расплывались перед глазами, вместо колонок дебета и кредита я увидел тревожное лицо Иветты. Вокруг все только и говорили, что об эдикте. Не в силах сосредоточиться, я покинул контору раньше времени.

Обратная дорога в наёмной повозке казалась вечностью. Когда она свернула на тихую улочку, ведущую к усадьбе, я услышал впереди отчаянный стук копыт. Сердце ухнуло вниз. Из-за поворота, на взмыленной лошади, мчался наш дворецкий Уинстон. Без шляпы, с растрепанными седыми волосами, он выглядел как призрак из ночного кошмара.

— Стой! — крикнул я кучеру.

Повозка резко остановилась. Уинстон подлетел к нам. И тогда я увидел кровь. На белоснежном воротнике его рубашки и на рукаве атели тёмные капли.

— Уинстон?! Что случилось?! — выкрикнул я, выпрыгивая на мостовую.

— Господин, не беспокойтесь! — выдохнул он. — Ваши родные целы и невредимы. Но... нужно спешить!

Я больше не задавал вопросов. Посмотрел на медлительную повозку, затем на мощную лошадь дворецкого. Времени не было.

— Подвинься! — скомандовал я и, одним резким движением оттолкнувшись от колеса, перемахнул в седло позади Уинстона.

Мы вдвоём понеслись вперёд.

Входная дверь их дома была приоткрыта. На белом дере-

ве — кровавый отпечаток ладони. Я слетел с лошади и ворвался внутрь. Холл был разгромлен. Трое в чёрном лежали мертвыми: один под буфетом, лицо закрыто маской, кровь растеклась под ним. Второй — у лестницы, рука ещё сжимала нож. Третий — у проломленного окна, шея вывернута под неестественным углом. Уинстон работал быстро и жёстко.

— Иветта! — в ужасе закричал я.

Из подвала донёсся приглушенный голос. Я бросился туда — в темноте, прижав к себе Ани, сидела моя Иви. Рядом с ней, с перевязанной рукой, стоял плачущий 5-летний сын Оскар. Повязка лишь чуть пропиталась кровью — неглубокий порез. Увидев меня, Иветта бросилась ко мне.

Тем временем Уинстон, в котором не осталось и следа от учтивого дворецкого, действовал как на поле боя. Он спокойно позвал и подошёл к одному из тел, задрал рукав нападавшего и указал на предплечье. На коже виднелась татуировка — стилизованная хищная птица в круге.

— Я видел такие знаки во время службы в военной разведке, — ледяным тоном произнес Уинстон. — Это клеймо Штормовых Птиц. Личный отряд тайных операций рода Эрнеров.

Я ощутил, как мир проваливается. Мой собственный род. Холод прошёл по спине, куда более страшный, чем от сна Иветты.

— Зачем? За что? Ошибка? Чужая интрига? Или исполнение чьей-то воли, до которой не дотянуться?

— Я не знаю, — ответил Уинстон, выпрямляясь. — Но я знаю, что они не проваливают задание дважды. Они вернутся, и в следующий раз их будет больше. Мы не можем здесь оставаться.

Мой взгляд прояснился. Замешательство сменилось решимостью. В этом городе, в этой губернии власть рода была почти абсолютна. Никто не станет расследовать нападение. Никто не поможет. Нужно бежать.

— Ты прав, Уинстон, — твёрдо сказал я, обнимая жену. — Собираем только самое необходимое. Деньги, документы, тёплые вещи. У нас десять минут.

— Я знала, — прошептала она, крепче прижимаясь. — Сон... он был предупреждением. Куда мы поедем, Густав?

— Далеко, Иви, — твёрдо ответил я, глядя ей в глаза. — Туда, где фамилия Эрнер — лишь пустое слово. Я не знаю, куда именно. Но клянусь, я вас защищу. А теперь — за дело!

Началась суматоха. Пока жена спешно собирала сумки и еду, я выгреб из тайника все деньги и фамильные драгоценности. Из ящика стола достал свою дуэльную рапиру — узкий, смертоносный клинок в простых кожаных ножнах. Оружие дворянина, которым я не пользовался много лет, но которое сейчас казалось единственной гарантией.

В последний раз я оглядел свой дом. Свой уютный, безопасный мир — залитый кровью, разрушенный по приказу собственного рода. Мы уселись в повозку и я тихо скомандовал Уинстону:

— Прочь из города. На юг. И не останавливайся.

Повозка покатила в сумерки. Мы бежали. Бежали от своего имени, от своего рода, от кошмара, который только начинался. Когда огни Тоэльсгарда скрылись позади, я ощутил, как немного отпускает. Мы вырвались. На время. Но тут же накрыла новая, ещё более холодная волна ужаса.

Леон. Наш старший сын, наш первенец, был далеко. И он только в этом году поступил в Императорскую Академию в самой столице далеко на востоке. Он был защищён от этого нападения, но всё равно оставался в самом центре паутины — один, ничего не подозревающий. Покровительство императора утешало, но не гарантировало безопасности.

— Мы должны его предупредить, — прошептала рядом Иветта, словно прочитав его мысли. В её голосе звучало отчаяние.

Но как? — беззвучно спросил я себя, глядя в темноту впереди. *Как предупредить сына, не выдав при этом себя тем, кто уже расставлял силки?* — этот вопрос был страшнее любого клинка.

1.7 Восемь лет назад: Трудный выбор

Прошла неделя после нашего побега из Тоэльсгарда. Мы затаились на юго-востоке Алийской империи, недалеко от Уфальских гор и южных границ, в маленьком городке. Стоял тёплый весенний день. В саду под цветущей вишней Иветта держала Ани на руках. Подул ветер, и розовые лепестки посыпались, как снег. Ани сморщила нос и расплакалась.

— Ну что ты, Ани? Лето не кусается. Скоро тебе исполнится 2 годика.

Голос сорвался, и она сама закрыла мокрое лицо ладонью. Мир вокруг трещал по швам. Иветта подняла дочь на руки, пытаясь успокоить её и себя, и пошла обратно к дому. Навстречу ей вышел я, недавно вернувшийся с городской площади. Я был мрачнее тучи.

— Что-то ещё? — тихо спросила она.

Я молча протянул ей помятый листок — официальный вестник, сорванный с доски объявлений.

— Они издали новый указ, — глухо сказал я, пока Иветта бегала глазами по строчкам. — На основе того самого «священного эдикта».

«Весь люд, независимо от статуса, обязан предоставить инквизиции церкви на проверку детей, рожденных в Год

2960 Д.В.Г., для проверки демонического заражения их душ. Все действия совершаются во благо людей. Те, кто откажется содействовать инквизиции, будут признаны еретиками и могут быть казнены на месте без суда и следствия. На кону стоит спасение человечества».

— Они даже не пытаются это скрыть, — прошептала Иветта, прижимая к себе Ани.

— Хуже, — вмешался подошедший Уинстон, он тоже был в городе. — Дела плохи. Церковь проводит полную мобилизацию. Они отзывают из запаса старых ветеранов-инквизиторов, и, кроме того, я видел новобранцев. Церковь гребёт деньги из казны, нанимает любой сброд: бандиты, головорезы... Вчерашние разбойники с большой дороги сегодня носят знак Инквизиции и получают неограниченную власть. Я говорил с людьми — армейские части в соседних провинциях уже перешли под их прямое командование.

Я прошёлся по комнате и спросил:

— Как Оскар?

— Он уснул в соседней комнате, прижимая к себе деревянного коня, — ответила Иветта.

Я остановился у двери в соседнюю комнату, как будто прислушиваясь к дыханию сына, а затем продолжил размышлять вслух:

— Все границы перекрыты, на всех дорогах — кордоны. Это даже не военное положение. Это хуже. Это охота. И мы — дичь.

— Но что нам делать, бежать на юг? И... — промолвила Иветта в отчаянии и чуть не зарыдала, — Леон, он в Императорской Академии, в столице, далеко на востоке. Жив ли он?

На мучительный вопрос Иветты повисла тишина, тяжёлая, как могильная плита. Я подошёл и крепко обнял её, глядя в стену за плечом, и тихо произнёс:

— Я отправил ему весточку, Иви, зашифрованную, через купеческую артель под видом ценового листа. Книжный шифр, который он знает по Торговому Кодексу, пятому изданию. Но... не знаю, доберётся ли. В этом хаосе ни в чём нельзя быть уверенным.

Я сделал паузу, подбирая слова, которые обжигали язык:

— Мы сделали всё, что могли. Сейчас его жизнь в руках судьбы. Это жестоко, но это факт. Наша первая задача — выжить самим. Ради него. И ради Ани с Оскаром. Если мы погибнем, им уже никто не поможет.

Иветта не ответила, лишь крепче вцепилась в мою рубашку.

— Господин, это ещё не всё, — начал Уинстон, в его голосе звучали другие, пугающие нотки. — Боюсь, всё ещё сложнее, чем мы думали.

— Что ещё?

— Я использовал свои старые каналы, связался с надёжным человеком в Тоэльсгарде. Информация, которую я получил... она не укладывается в голове. Почти все, госпо-

дин...

Уинстон прервался, сглотнул.

— Почти все побочные ветви рода — уничтожены. В одну ночь. Кого не нашли — значит, сожгли, утопили...

Я тогда похолодел, отстранился от Иветты и шагнул к Уинстону.

— Все? Но... кто?

— Те же, кто приходили к нам. Штормовые Птицы.

— Но... зачем? Политическая чистка? Матиас решил избавиться от всех возможных конкурентов?

— Слишком тотально для простой чистки, — покачал головой Уинстон. — Так не укрепляют власть. У меня есть лишь одно предположение, сколь бы безумным оно ни прозвучало, но за годы службы я видел всякое. Это похоже на ритуал чёрной магии. Кровавый. Масштабный. Иначе зачем столько жертв? Я не вижу другого объяснения.

Иветта ахнула и прижала руку ко рту. Я посмотрел в глаза своему дворецкому и начал понимать настоящий ужас происходящего. Детали мозаики начали складываться в чудовищную картину.

— А эдикт? — прошептала Иветта.

— Идеальное прикрытие, — закончил за Уинстон я. — Пока вся империя стоит на ушах, а инквизиция гоняется за младенцами, кто обратит внимание на то, что одна знатная семья творит в своей далёкой провинции? Они укрыли свою резню общим безумием. Пока все смотрят на младенцев и

инквизицию, никто не станет считать мёртвых в одном роду.

В комнате воцарилась звенящая тишина, нарушаемая лишь тихим плачем Ани. Теперь я понял: за нами шли не просто убийцы, а жрецы. Нас вели к чему-то, о чём лучше было бы никогда не знать. Я отошёл к окну и, вглядываясь в обманчиво мирный сад, заговорил, скорее размышляя вслух, чем обращаясь к кому-то конкретно:

— Они загоняют нас в угол. С каждым днём становится всё сложнее.

Я повернулся, обводя взглядом свою семью.

— Ани... она слишком заметна. Скрыть младенца невозможно. Каждый кордон, каждая застава — это риск. И этот риск становится всё дороже. Взятки растут. Наши сбережения, всё, что мы копили годами, тают на глазах. Скоро у нас не останется ничего.

Иветта слушала, бледная как полотно.

— Бежать через границу на юг? — продолжил я, качая головой. — Что нас там ждёт? В южных королевствах позиции Церкви ещё прочнее, чем здесь. Там творится такой же беспредел, я уверен. Мы просто попадём из одной ловушки в другую.

Я подошёл к столу, на котором лежала карта губернии, и решительно провёл пальцем по массивной горной цепи на востоке.

— Остаётся только один путь — через Уфальские горы в королевство гномов Беланкор.

Уинстон, до этого молча стоявший в тени, кивнул, соглашаясь, и шагнул вперёд.

— В Беланкоре ни законы империи, ни Церкви ничего не значат. Гномы не терпят чужаков, но и не выдают беглецов. Это хороший план, господин. Однако есть сложности.

Он указал на карту.

— Северный перевал будет непроходим до середины лета, он всё ещё завален снегом. А южный... его перекроют так же плотно, как и всю границу. Если не сильнее. Отправлять туда патрули проще, чем контролировать сотни миль равнин. Без документов церкви или высших указов пройти будет практически невозможно.

Надежда в глазах у меня начала угасать, но Уинстон продолжил, и в его голосе появились новые нотки.

— Но это не единственные пути. Я сам вырос недалеко от тех мест. Я знаю, что есть и другие: старые тропы контрабандистов, пастушьи стежки, давно забытые проходы. Они опасны. Камнепады, дикие звери, погода... Без хорошего проводника, который знает горы, как свои пять пальцев, нам там не выжить.

Я посмотрел на своего верного дворецкого, в его взгляде блеснула искра решимости. Ужас последних минут сменился ясной, холодной целью.

— Сможешь найти? — коротко спросил.

— Попробую, — твёрдо ответил Уинстон. — У меня остались контакты. Люди, которые ведут караваны вне главных

дорог и не задают лишних вопросов. Но за их молчание и риск придётся заплатить.

— Мы и так платим всем и за всё. Пусть лучше серебро исчезнет на тропе, чем наша кровь — на алтаре. Готовь всё необходимое — лёгкую поклажу, тёплые вещи, верёвки, крюки, запас воды и соли.

— Понял, — коротко ответил Уинстон.

— Тогда решено, — подвёл я итог. — Мы отправляемся в Беланкор через Уфальские горы.

Пока Уинстон искал проводника, мы немного выдохнули, гуляли в саду возле дома. Оскар играл с жуками. Мы с Иветтой, пока она держала Арани на руках, обсуждали, как впервые встретились, смеялись. На какой-то миг показалось, что всё вернулось в обычное русло, когда мы жили мирно и растили детей.

Прошло 2 дня, и Уинстон нашёл проводника по имени Торк. Времени расслабляться больше не было. Я был благодарен за этот миг, хоть и короткий. Торк был угрюмым горцем, который занимался контрабандой, щуплый, жилистый, с руками как корни. Через глаз у него проходил шрам, голос, как скрежет камней. «Поведу, если идёте легко и молча», — передал он через Уинстона. И цену назвал такую, что у меня зубы свело. Заплатили половину сразу, не торгуясь.

Мы выбрали путь через *Змеиную Тропу* — это узкий проход, где скалы смыкались, как челюсти зверя, но который уже был открыт после зимы. Встретиться должны были через

10 дней — место чуть за последним промысловым посёлком
Очаг у Гор.

— 10 дней? Слишком долго. Каждые сутки на виду — это риск, — сказал я тогда.

— Сейчас каждые сутки на виду — вдвойне больший риск, — ответил Уинстон спокойно. — Дороги забиты: беженцы, реквизиционные обозы, патрули. На заставах меняют караулы, вводят новые списки. Сегодня ты «обговорил», завтра на воротах уже другой сержант с другими аппетитами. Поторопимся — нарвёмся на временную проверку, простой и лишнее внимание. И ещё — талая вода. Ко всему прочему добавились дожди. Речки вздулись, броды непроходимы. Через пару дней вода спадёт.

Я стиснул зубы — он был прав. Мы решили двигаться медленно.

День провели в кропотливых сборах, оставив в поклаже только необходимое: тёплые вещи, сухари, соль, бинты, верёвку, крюки, кремь и пузырьёк с мятной настойкой. Уинстон прошёл в подкладках тайники для серебра. Я снял с колёс железные обручи, чтобы не так звенели, и смазал оси салом, чтобы повозка шла тихо.

Пару дней мы жили, как крысы: по ночам собирали вещи, днём притворялись обычными торговцами. Каждый стук в дверь — как удар в грудь. Наконец пришло утро выдвигаться. И — злая насмешка судьбы — это был день рождения Ани.

Я вошёл в комнату, остановился у порога. На подоконнике — ломоть хлеба и капля мёда: так в их роду благодарили богов за судьбу. Иветта прижала к себе дочь, уткнулась носом в волосы — пахнут молоком и печкой.

— Моя ласточка... — прошептала она. — Прости, что дарю тебе дорогу вместо пирога. Пусть хотя бы дорога будет доброй.

Иветта опустилась на колени у окна и прошептала, глядя в небо:

— Дажьбог, Бог благодати, тепла, благополучия и светлой защиты. Жива, что даёшь сок молодому. Защитите мою ласточку. Пусть дорога будет доброй. Пусть враги пройдут мимо. Пусть она вырастет под твоим светом, Дажьбог, и твоей любовью, Жива. Она сняла с шеи тонкий шнурок с резной дощечкой — символ Коловрата, вырезанный её бабкой, — и повесила на шею Ани.

— Это теперь твоё. Береги.

Я смотрел молча. Я не верил в старых богов — но сейчас готов был молиться кому угодно, лишь бы выжить.

— Пора, — коротко сказал я.

Она кивнула, поднялась, вытерла слёзы. И будто оправдываясь, шепнула:

— Я пыталась верить в их новую Церковь, Густав. Пыталась. Но она снова принесла горе. Сначала они уничтожили мой род, запретили веру, а теперь творят это с нами, с этими несчастными детьми и всем народом. Я не буду просить их

святого. Я прошу у тех, кто был с нашими предками.

Я не спорил — только кивнул. Забежал Уинстон.

— Поторопитесь, всадники куда-то уехали с заставы. Чем меньше людей, тем лучше. На всякий случай.

Я взял Ани на руки. Мы вышли без лишних слов. Всё небо было затянуто тучами. Мы уселись в повозку. На козлах — Уинстон, рядом со мной — Оскар, губы сжаты в тонкую полосу; с другой стороны — Иветта с Ани, укрытой плащом. Уинстон дёрнул вожжи. Я взглянул последний раз на дом, в котором мы скрывались. Повозка поехала по дороге.

Недалеко за городом виднелись столбы с повешенными — тени в сером свете, тела качались на ветру. Запах разлагающихся трупов достиг нас: сладковатый, тошнотворный — как напоминание о том, что ждёт ослушников. Но страшно было то, что мы уже привыкали к этому запаху смерти во круг, как привыкаешь к дождю. Или пыли.

У ворот стояла хибара заставы — низкая, тёмная, с дощатым настилом. На перекладине — табличка с новыми печатями. Рядом стояли два стражника в кожаных безрукавках, третий с копьём у шлагбаума. Уинстон придержал лошадёнку, я поднялся на ступеньку.

— Документы, — лениво протянул ладонь усатый.

— Всё в порядке, — сказал я ровно и положил на стол кожаную папку. — Согласовано с капитаном вахты вчера вечером.

Второй стражник, костлявый, с желтоватыми глазами, пе-

реглянулся с усатым. Пальцами поиграл на столешнице.

— Ситуация сложная, — протянул он. — Приказы меняются. Нужна дополнительная проверка. Сверка. Для вашей же безопасности, разумеется.

Я услышал, как Уинстон чуть тяжелее выдохнул — знак. Я вынул небольшой мешочек, положил рядом. Монеты глухо звякнули. Усатый взял мешок, привычно подбросил на ладони, прикинул вес, заглянул внутрь. Губы скривились.

— Недостаточно.

Иветта молча сняла с волос заколку — тонкая серебряная заколка с рубинами в оправе. Её подарок от матери. Взгляд стражника прилип к блеску, как муха к мёду. Она положила её на стол.

— Это стоит в несколько раз дороже, — сказала она тихо. — Этого хватит вам надолго.

Они переглянулись — в дверь, в окно, — и кивнули.

— Проезжайте, — сказал усатый, уже пряча заколку в рукав.

Уинстон щёлкнул вожжами. Мы выкатились с настила, колёса слетели на песчаную дорогу. И тут дверь хибары распахнулась, вывалился ещё один — молодой, с красными ушами, держащий в руке розыскной лист с изображением. Он взвизгнул:

— Стой! Остановите их! Это они! Опасные разыскиваемые! За них награда!

— По коням! — взревел изнутри чей-то голос — старший,

с тяжестью приказа. — Отряд — в погоню!

Уинстон ударил по вожжам, что есть мочи. Лошадь рванула, повозку качнуло, нас швырнуло к бортам. Я обернулся: из хибары выскочил начальник заставы в кольчужной накидке, лицо багровое.

— Где всадники?! — заорал он на стражников.

— Э-э... — костлявый замялся, опустив глаза. — Они... ускакали... за выпивкой... сейчас будут...

— Колокол! — рявкнул командир, но мы уже срывались вниз по колее, уносясь. Позади загремел тревожный колокол, кто-то закричал, кто-то засвистел.

Мы неслись. Иветта прижала Ани, я — Оскара; он не выпускал из рук своего деревянного коня. Я взглянул назад. Позади показался всадник, летел уверенно, на лице — злость и решимость. Медленно, но верно нагонял. Уинстон скомандовал:

— Густав! возьми вожжи.

Я, пытаясь не вывалиться на ходу, перескочил на козлы. Мы поменялись местами. Он был готов к смертельной схватке. Я выжимал всю скорость, повозка подпрыгивала и дребезжала. Воздух обжигал лёгкие. Но всадник догонял, неумолимо сокращая дистанцию.

Уинстон схватился за тяжёлый ящик с провизией, и когда всадник был уже совсем рядом, то с громким треском он вывалил его за борт повозки. Ящик упал прямо на дорогу, развернувшись торцом к преследователю. Лошадь преследо-

вателя заметила его в последний момент. Испуганно фыркнув, она резко сбилась с хода. Она могла либо прыгнуть, либо взбрыкнуть и уйти в сторону — лошадь выбрала второе. Рывок получился слишком резким, всадника едва не сорвало из седла. Повозка тем временем ушла вперёд на добрые десятки метров.

— Держит темп! — запыхавшийся Уинстон прокричал мне. — Сейчас снова пойдёт за нами! Задержать — задержали, но не факт, что надолго.

Всадник уже медленно обходил ящик. Лицо у него стало ещё злее, но в глазах появился едва заметный блеск — раздражение смешалось с азартом.

— Ладно, — сказал Уинстон.

Он вытащил горсть серебряных монет. На мгновение сжал кулак — затем, стиснув зубы, швырнул их назад. Серебро рассыпалось веером, ударяясь о камни сухим цоканьем.

Гнев на лице всадника сменился мгновенной жадностью. Он не стал останавливаться полностью, но скорость сбросил ещё — просто чтобы посмотреть, что именно там блеснуло. Лошадь, и без того встревоженная, почти остановилась. Всадник — или полубандит — приподнялся в седле, пытается глазами выцепить серебро среди пыли.

Повозка в это время уходила вперёд, наращивая дистанцию почти без риска. Жадность сделала то, что ящик начал. Мы неслись дальше. В какой-то миг я понял, что погони уже нет, чуть-чуть сбавил ход, бережно, чтобы не сломать ось.

Кто бы не слышал... спасибо, — поблагодарил я кого-то про себя. Может быть, тех самых, кому молилась Иветта. Может быть, пустое небо. Я не верующий, но в тот момент я шепнул это.

В Ржавой Кирке показались первые лучи солнца. Сон развеялся, чувства — нет.

1.8 Прощание с домом и дорога

На утёсе стояла 14-летняя Арани в простом сером платье. Волосы трепал прохладный горный ветер, изумрудные глаза щурились от солнца. Стояла середина июня. Перед ней растянулся пейзаж наступившего лета: зелёные деревья, травы, цветы на опушках и горных лугах. Справа текла небольшая река, её воды направлялись на юго-восток и вдалеке, на границе горизонта, вливались в большую и полноводную реку Алдазаир. Слева — горы. Их белоснежные склоны отражали падающие лучи яркого солнца. Время близилось к 9 часам утра.

Арани уже была не тем ребёнком. Учёба продлилась годы, и где-то внутри была уверенность, что она добьётся того, чего желает, потому что это была уже не просто мечта — за ней стояли знания. Она ждала грузовой поезд, который вот-вот должен был показаться из-за холмов. Примерно раз в месяц он приезжал за каменным углем, добываемым в шахте.

Перестав всматриваться вдаль, Арани опустила взгляд: там лежала её родная деревня — Ржавая Кирка, где хватало и радости, и боли, где она выросла среди деревенских забот и учёбы. Её родной дом. Сегодня она его покинет. В сердце перемешивались разные чувства: страх перед новым, грусть от скорого расставания с родными, чьё тепло окружало её, воодушевление перед открывающимися возможностями —

и другие, не все из которых она могла понять. Но одно она знала точно: эта картина навсегда останется с ней. Так выглядит её родина.

Размышления прервал гудок рунического поезда. Арани подняла взгляд: из-за холмов показался грузовой поезд примерно из 50 вагонов, напоминавший длинную гусеницу. По прибытии начнётся погрузка угля, а к вечеру поезд двинется, везя топливо для крупных литейных и кузнечных цехов гномов, расположенных в центральной части королевства Беланкор, недалеко от одноимённой столицы. В которую они и поедет на поезде, чтобы сдать экзамены, а затем поступить в академию на счетовода.

— Стоит поторопиться домой, чтобы ещё раз проверить собранные вещи и ничего не забыть, — проговорила Арани.

Она повернулась и начала спускаться по узкой тропинке, петляющей между камнями и кустами ежевики. Солнце пробивалось сквозь листву, отбрасывая золотистые блики на землю. Ветерок, что только что играл с волосами, теперь шептал в кронах, напоминая о лете. Арани спешила, вдыхая знакомый запах трав и земли — запах дома. С утёса тропа вывела её к окраине деревни, и вот уже показались первые избы с соломенными крышами.

Ещё ниже — колодец и широкая лужа, теперь заросшая травой. Тут её однажды толкнули в спину деревенские мальчишки: холодная вода, горькая грязь во рту, смех за спиной. Тогда Оскар влетел, махнул кулаком — и получил в 10 раз

больше. А потом появился Оливер, встал между ними и Арани, и все затихли. «Дубину надо было взять», — сказал тогда Оскар вечером у печи, стоя на распухших коленях. А отец велел сначала думать головой. Арани улыбнулась краешком губ: всё это теперь будто из другой жизни, но оттого не менее живое.

От кузницы тянуло углём и горячим железом; в открытых дверях мелькал огонь горна. На лавке у забегаловки кто-то спорил о цене на репу; из окошек пекарни пахло пирожками, и желудок предательски напомнил, что завтрак был ранним. Она прошла мимо двора, где когда-то жила Ксения: колодец, крыльцо, те же скрипучие ступеньки — только косы на воротах уже чужие. Она вспомнила, как весело играла здесь с детворой в салки — звон детских голосов. Собаки, заметив её, лениво подняли головы и снова уткнулись мордами в лапы.

Ржавая Кирка шумела по-летнему. Наконец, дорога вывела к её родному дому — скромной избе с резными ставнями. Арани замерла у калитки, вспомнив ту январскую ночь гаданий: свечи, зеркало, и вдруг — жёлтый глаз с чёрным зрачком, уставившийся на неё из глубины стекла. Испуг был таким сильным, что она закричала «Папа!», а отец потом успокаивал: «Это воображение». Но с тех пор в снах иногда мелькал тот взгляд — как напоминание о чём-то большем, тёмном, что таится в мире. Теперь, уезжая, Арани гадала: *Были это настоящий дракон или просто детский страх? И почему воспоминание всплыло именно сегодня?*

У своего дома она привычно толкнула калитку — та отозвалась знакомым скрипом. На пороге, по старой примете, коснулась косяка — «чтобы вернуться». Внутри пахло тёплым деревом и чистым бельём. На лавке ждал чёрный чемодан. Ремни были туго затянуты, но она всё равно раскрыла крышку и быстро пробежалась глазами по вещам: рубашки, тёплая кофта, тетради в обвязке, ножик в кожаном чехле, мешочек с монетами, завёрнутый в носовой платок. На самом дне — высохшая шишка из Уфальских гор, та самая, что когда-то подарил Оскар «на удачу». Арани достала её, посмотрела, задумалась — а затем убрала обратно. Она сгладила ладонью складку на платье и глубоко вдохнула.

Солнце начинало клониться на запад к горным пикам, вечерело, небольшой прохладный ветерок колыхал листву. Состав был загружен углём, шли последние проверки. На перроне пахло гарью и горячим маслом, по бокам локомотива тлели руны. Семья стояла на перроне. Возле Арани стоял увесистый чёрный чемодан, плотно набитый разными вещами. Время к отправлению подходило, пора уже было садиться в поезд. Первым заговорил старый Уинстон:

— Арани, будь сильной. Хорошо питайся.

— Да, не давай себя в обиду, а то брату вмешиваться придётся, — добавил Оскар, постоянно ввязывающийся в драки.

Густав крепко обнял дочь — ей стало трудно дышать.

— Папа, задушишь! — выдохнула она.

— Будь осторожна в столице, прилежно учись и слушай-

ся мастера Томера Сандалгира, — сказал отец, отпуская. По щеке скатилась слеза. — Никогда не забывай об опасности.

— Ну, распустили нюни. Арани, пошли, нам пора! — буркнул Бараздар и добавил: — Томер опозданий не любит.

Гном взошёл на ступеньку ко входу в вагон и с огромным рюкзаком на спине еле пролез внутрь. От этой картины все улыбнулись. Густав помог занести чемодан дочери, затем вышел.

Вскоре руны на поезде стали светиться всё ярче и ярче, состав тронулся, начал медленно проезжать мимо прощающихся родных, знакомых ей рабочих, строений и даже деревьев. Она заметила Ксению и соседа-печника.

Как ни старалась Арани, но по её щеке скатилась первая слеза. Стук колёс становился всё отчётливее; мощный двигатель гудел всё громче, набирая обороты и выпуская в небо целые облака дыма от сжигаемого в печи угля. Поезд вошёл в свой первый поворот. Арани увидела вдали папу, брата и Уинстона — они махали ей; она помахала в ответ. Сердце сжалось, но впереди ждало новое.

В этот момент на том самом утёсе, на котором утром была Арани, на невысокой столетней сосне, растущей наперекор ветрам, сидела чёрная ворона. Она немного помотала головой, её глаза блеснули холодным синим. Ворона взмахнула крыльями и, улетая к далёким пикам, истошно прокричала на своём языке:

— Кар! Кар!

Поезд карабкался по гористой местности, вздыхая на крутых подъёмах и набирая скорость на спусках. Мосты через бурные ручьи мелькали под железными колёсами, а из окна открывался завораживающий вид: густые леса, цветущие луга и снежные пики Уфальских гор. Только густой дым от сожжённого угля иногда заволакивал пейзаж. Арани прижалась к стеклу, пытаясь уловить каждую деталь — это была её первая поездка на поезде, о которой она мечтала с детства. Но реальность оказалась... тряской. Вагоны скрипели и раскачивались, как в бурю, и каждый толчок отзывался лёгким страхом: *А вдруг слетим с рельсов?*

— Что, Арани, успокоилась? — спросил Бараздар, отрываясь от потрёпанной карты маршрута.

— Да, — ответила она, не отрываясь от окна. Сердце всё ещё колотилось от недавнего прощания, но пейзаж немного успокаивал.

— Скоро тебе некогда будет думать и переживать. Будешь зубрить материал у Томера.

Арани кивнула, но внутри кольнуло. Мастер рун Томер Сандалгир — о нём Бараздар рассказывал у печи в Ржавой Кирке: «Он строгий, с глазами, что видят сквозь металл. Не просто учитель счёта и законов — он учит воле, говорит, что воля гнома в каждой руне, и только она делает мастера из ученика». *Если выдержу его испытания, долг окупится сторицей. Если нет... Эх, Томер не прощает слабости,* — она сглотнула, пытаясь отогнать тревогу.

— Не говорите, учитель, — ответила Арани, искоса взглянув на гнома. — Мне ещё долг возвращать. Изначально 300 серебряных эйре — за уроки, переезд, всё. А проценты... десять в год, как вы объяснили. В детстве думала, пустяк, но теперь вижу: скорость бешеная. Начнёт тикать сразу после академии — диплом или отчисление. Если не выплачивать вовремя, взлетит до небес.

Она мысленно прикинула и продолжила говорить:

— Через пять лет будет уже 483, а с задержками... Брр.

Бараздар, почёсывая бороду, хохотнул и ответил:

— Но это выгодно на обоим, не так ли? Ты учишься, я инвестирую в будущее.

Арани промолчала. Раньше Бараздар казался просто вредным, но добродушным. *Но первое впечатление часто обманчиво*, — решила она. В то же время он был её спасителем: без его уроков гномьего языка и связей, она бы так и гнила в шахтёрской деревне.

— Может, перекусим? — предложил он вдруг, хлопнув в ладоши.

— Но мы же едем всего несколько часов? — ответила Арани, отводя взгляд от окна.

— Арани, ты молодая, растущий организм. Должна хорошо питаться, — сказал гном, улыбнувшись. — Выглядишь совсем тощей.

Тощей? — фыркнула про себя Арани. Она ела много мяса, бегала по горам, работала по дому — и в теле у неё уже

появилась крепкая, живая сила, не хуже, чем у деревенских мальчишек. *И тело у меня совсем не тощее*, — отметила она про себя, чуть не покраснев. Бараздар же тем временем нырнул в свой огромный рюкзак.

— Что дуешься? Держи, лучше пожуй, — сказал он, протягивая кусок вяленого мяса. Аппетитный аромат ударил в нос.

— Дают — бери, бьют — беги, — ответила Арани. Затем взяла и откусила кусочек. Мясо было жёстким, но вкусным — с нотками дыма и трав.

— Ха-ха! А это по-нашему.

Бараздар начал выкладывать из рюкзака продукты: хлеб, сыр, жареного фазана, сушёную рыбу, мёд. Стол ломился. Венцом стала чёрная походная кастрюля.

— Ну, Арани, для начала — бухлер, — довольно сказал гном. — Простой суп на баранине с луком и вермишелью. Для желудка полезен.

Арани опешила. Это был не перекус, а банкет. *Почему рюкзак такой огромный? Я думала, что там важные бумаги или инструменты, а тут... еда. Легко не отделаюсь*, — отметила она. Время тянулось медленно, а продукты со стола будто не убывали. Бараздар уплетал, как за двоих, с аппетитом старого шахтёра.

— Дедушка Бар...

— Что это ты меня так мило зовёшь?

— Я больше не могу, — с жалобным видом промолвила

Арани, отодвигая тарелку.

— Ну, ты даёшь! Ешь меньше меня, старика.

— Куда ученику до вашего мастерства, — она усмехнулась и начала вытирать рот.

Поезд тем временем вползал в туннель: вагоны задрожали, руны по боку локомотива — тонкие серебристые линии, выгравированные на металле — вспыхнули мягким голубым светом. Арани замерла, вглядываясь в окно.

— Гномы — мастера рун, — сказал Бараздар, заметив её взгляд. — Это наша сталь и наша воля. Они эффективно превращают жар угля в чистую магическую энергию, питающую сложный мотор — гибрид механики и чар. Без них состав был бы просто кучей железа, а так он мчится быстрее ветра, не тратя ни куска угля впустую.

Тряска усилилась. Поезд вырвался из туннеля и влетел в крутой поворот. Вагоны качнулись, Арани ахнула и вцепилась в край стола — сердце заколотилось. *А если обвал? Или рельсы сломаются?* Она всегда мечтала о поезде, но реальность пугала: шум, вибрация, ощущение, что весь мир несётся в пропасть. Бараздар только рассмеялся:

— Руны не подведут!

В вагон вошёл другой гном — коренастый, с масляными руками и угольной пылью на бороде. *Машинист или его помощник*, — взглянув на него, подумала Арани. Он зыркнул неприветливо, но для Арани оказался почти спасителем: с его приходом «пир» наконец закончился.

— Ладно, иди отдохни, — проворчал Бараздар, кивая на койки в конце вагона.

— Спасибо... г-господин, за угощение, — выдавила она.

Господин — непривычное обращение, но в королевстве гномов Беланкор оно требовалось. Люди вроде неё не были гражданами и не имели полных прав — лишь наёмная рабочая сила, которую могли выгнать в любой миг. Бараздар в Ржавой Кирке был их господином, отвечал за судьбы. Ей казалось это несправедливым, но отец строго наказал: «Веди себя почтительно, слушайся».

Арани, переваливаясь с боку на бок — живот был набит под завязку, — доковыляла до койки. Матрас был жёстким, набитым сеном, но выбирать не приходилось. Гномы зашептались, посмеиваясь.

За окном уже темнело. Леса сменились скалами, а небо усыпали звёзды. Она пыталась вслушиваться в их разговор — гномий язык она зубрила годами, Бараздар хвалил за старания, — но шум поезда мешал. Уловить удалось обрывки: о погоде, рунах, ремонте, поставках угля. Вскоре наскучило.

Поезд снова тряхнуло — сильнее прежнего. Арани сжалась, пока толчки не улеглись, и сама себе фыркнула: *Хотела ехать — вот и ехай*. Постепенно шум колёс стал убаюкивать.

Лёжа на койке, Арани уставилась в потолок, а потом — в окно. Звёзды мерцали холодно, как далёкие огни. Она думала: *Что они такое? Бараздар рассказывал: «Гномы верят:*

звёзды — души великих мастеров, вознёсишися на небеса; их свет — вечные руны в небе». Но могут ли они двигаться? Гаснуть, как свечи? Умирать, как люди?

Поезд мчался в ночь, мысли кружили. Арани вспомнился разговор с отцом пару дней назад — о прошлом, о матери, о побеге из Алийской империи, о том, как они, измученные, переходили заснеженные Уфальские горы и наконец достигли границ Беланкора. «*Мы не просто беженцы, дочка. У нас тайна, которая может нас уничтожить...»*

1.9 Восемь лет назад: Дорога беженцев

Поезд гудел в ночи, руны на перегородке ровно светились голубым. Арани закрыла глаза — и воспоминание ожило. Два дня назад, в их доме в Ржавой Кирке. Вечер. На потрескивающей печи закипал чайник. На улице стоял июнь, но было не жарко: через открытую дверь в дом тянуло прохладным горным воздухом.

Вся семья собралась за столом: Арани, Оскар, Густав и Уинстон. Почти месяц назад, 23 мая, ей исполнилось уже 14 лет. Через два дня она отправится с Бараздаром в столицу на экзамен в Техническую Академию гномов. Отец собрал их на важный разговор.

Уинстон положил на стол чёрный хлеб, поставил кувшин с ароматным мёдом. Вскоре чайник засвистел. По кружкам разлили кипяток. Густав заговорил, Арани слышала только отца — его ровный, тихий голос.

— Ты спрашивала, почему мы не возвращаемся. Пора рассказать всё, как было, — начал он негромко. — Тогда, после Тоэльсгарда... мы поняли: нас гонят, как зверей. За нами шли не солдаты, а те, кто собирает жертвы, хладнокровные убийцы, одни из лучших в империи.

Он перевёл взгляд к окну, за которым темнели горы. Вот

что он им рассказал, слово в слово:

Наша поимка и убийство перестали быть тайной — стало только сложнее. Розыскные листы с нашими описаниями и наградой — как те, что на заставе — разлетелись, словно вороны. Оскар шептал по ночам: «Они найдут нас, папа». Иветта сжимала Ани крепче, а Уинстон только качал головой: «Движемся быстрее. Но незаметно».

Пару дней мы двигались на северо-восток, в сторону главной дороги к перевалам. Мы петляли просёлками, избегая деревень. Ночи были холодными; мы жались в куче под плащами, Ани спала на груди Иветты, Оскар дежурил с деревянной палкой в руке, пока не засыпал — мальчишка, а уже воин.

На закате второго дня показался тракт — и наши сердца сразу замерли. От весенней слякоти и недавних дождей дорога превратилась в жидкую грязь, которую месили тысячи ног и колёс. Не мы одни решили, что Беланкор безопаснее. Тракт к перевалу был забит. Тысячи беженцев тащились на восток — грязные, голодные, отчаянные.

У самого тракта, чуть в стороне от колеи, сидела женщина в разорванном синем платке. Перед ней на расстеленной тряпице лежали две серебряные ложки, детский шерстяной чулок и медный образок без цепочки. Рядом стоял мальчик

7 лет, босой, с опухшими от грязи ногами, и держал на руках девочку, совсем маленькую, почти кукольную. Она не плакала — только смотрела мутными глазами в пустоту.

К женщине подошёл торговец с осликом. Присел, повертел в пальцах одну ложку, попробовал зубом край и поморщился.

— За всё — полкаравая, — сказал он.

Женщина глядела на него так, будто не поняла слов.

— Это серебро, — вздохнула она, — настоящее. От матери осталось.

— Тогда и жри серебро, — пожал плечами торговец. — Хлеб дорожает каждый час.

Мальчик не вмешивался. Только крепче прижал сестру и смотрел не на торговца, а на каравай в его сумке. Так смотрят собаки, которых давно не кормили. Женщина опустила голову и кивнула. Торговец бросил ей половину чёрствого каравая, собрал ложки и ушёл. Она долго не двигалась. Потом отломил крошечный кусок, вложила девочке в рот, второй — мальчику. Себе не взяла ничего.

Иветта отвернулась. Я видел, как у неё дрогнули губы.

— Не смотри, — сказал я.

Она ответила не сразу:

— Тут слишком много горя. Я не могу не смотреть.

У кого ещё оставалось золото, выменивали его за скудную еду у торговцев, что слонялись по обочине. Большинство, скорее всего, так и останутся в лагерях перед южным пере-

валом — их не пропустят — они будут там умирать.

По краям валялись те, кто уже не дошёл — их оттаскивали, чтобы не мешались. Над дорогой кружили стервятники. Стаи диких псов потеряли страх — рычали, вырывали мешки из рук ослабевших. То и дело двигались конвои — телеги с припасами. Однажды мы встретили армейскую часть, быстрым темпом обгонявшую всех волочащихся. Солдаты в кольчугах сидели верхом, лица каменные, копья наготове; они не смотрели на нас, но их присутствие висело, как занесённый топор.

Но самое ужасное в этой процессии было не движение, а воздух. Антисанитария жила в каждой луже. Запах испражнений, разложения и смерти — густой, как туман, обволакивал нас. Я видел, как один пёс оторвал и утащил руку от мертвеца — и никто не остановился, только Иветта отвернулась, прижимая Ани к груди. Каждые десять шагов слышался кашель — глубокий, рвущий грудь. Это было вопросом времени, когда вспыхнет зараза.

Периодически сновали проверяющие — люди в плащах с церковными инсигниями или просто разбойники под маской закона. Они то и дело выдергивали кого-то из толпы: по приказу, если замечали «еретика», или ради наживы, хватая за мешок. Хорошо, что мы, как могли, поменяли внешность. Я побрился налысо, надел старые очки Уинстона — теперь выглядел, как городской клерк. Иветта перекрасила волосы в каштановый цвет отваром из коры, убрала их под платок.

Уинстон так вообще помолодел, сббив бороду. Лица мы вымазали копотью и грязью, одежда — сплошные лохмотья. В толпе нас было не отличить — не от прежних, а от сотен таких же, серых от пути.

Проверяющие дважды цеплялись к нам. Первый раз я кивнул на Уинстона и на наши бумажки, загодя измазанные в грязи и пахнущие овечьим жиром. Второй проверяющий оказался более приставучим. Он был в сером плаще с нашитым знаком церкви — не инквизитор, но из тех, кто слишком любит власть, когда она чужая и безнаказанная. Нос длинный, глаза водянистые, пальцы в перстнях. Он шёл вдоль телег, заглядывал под пологи, щупал мешки носком сапога.

— Младенец есть? — спросил он резко, остановившись у нашей повозки.

Иветта прижала Ани к груди так, что та пискнула. Я уже открыл рот, но Уинстон кашлянул раньше — сухо, с надсадом, как старик на холоде.

— Нет младенец уже, милсударь, — буркнул он и плюнул в грязь. — Третий год уже пошёл. Только толку-то? Второй день жар. Вся в пятнах была ночью. Не знаем, что уже делать.

Человек в плаще брезгливо отшатнулся, но всё же шагнул ближе и дёрнул край одеяла. Иветта не вздрогнула — только опустила глаза и сипло прошептала:

— Святой милостью, не трогайте. С утра и у старшего горло свистит. Боимся и за него.

Оскар, смышлённый мальй, закашлялся так, будто лёгкие

выворачивало наизнанку. Согнулся, схватившись за грудь. Получилось у него страшно, слишком по-настоящему. Человек выругался, прикрыл нос рукавом и сделал шаг назад.

— Чтоб вас, — процедил он. — Езжайте. Мой вам совет: бросьте её в ров, а то туда всех закатают.

Он ушёл дальше, к другой повозке. Мы молчали, пока его спина не растворилась в толпе. Только тогда Иветта отняла ладонь от головы Ани — вся мокрая от пота. Его совет звучал ужасно.

— Молодец, — шепнул я Оскару.

На пятый день, к полудню, на горизонте показалась развилка. Узкая, почти чистая дорога уходила на север к перевалу — туда нам и надо. Там не было ни людей, ни псов.

— Наш поворот, — сказал Уинстон, не поднимая голоса.

Мы переглянулись. Толпа больше не будет прикрывать нас. На открытой дороге каждый взгляд — как стрела. Но там — Очаг у Гор. Там — Торк, если он ещё ждёт. Там — наш единственный шанс пройти.

Уинстон повёл лошадёнку с колеи. Колёса скрипнули, освобождаясь от вязкой грязи. Едва мы свернули, как сзади раздался крик — резкий, как удар хлыста:

— Стой!

Грудь стянуло железным обручем. Я замер, вцепившись в край борта. Разве это конец? Только-только вырвались из той трясины, и вот — уже петля. Шум толпы ещё гудел справа, а впереди, на чистой дороге, только ветер шуршал в ку-

стах, да горы маячили, серые и равнодушные. Уинстон резко натянул вожжи, лошадёнка заржала, фыркая — и остановилась.

К нам подскакали двое. Всадники в потрёпанных кожанках, с копьями на перевес и мечами у пояса — не солдаты, но и не бродяги. Лица обветренные, бороды в пыли, глаза прищурены от солнца. Один — коренастый, с седой прядью через лоб, другой — помоложе, с кривым шрамом на щеке. Они осадили коней по бокам повозки, тень от древка копья упала на нас.

— Кто такие? — рывкнул седой, наклоняясь в стремянах. Голос хриплый. — Куда направляетесь?

Я открыл рот, но Уинстон опередил — спокойный, как всегда, только пальцы на вожжах побелели. Он не спешил, но и не дрожал: знал, что паника выдаст нас быстрее.

— Милсударь, Тошкины мы, — сказал Уинстон ровно. — Из-под Ржавой. В Очаг у Гор едем. Дядя-кузнец зовёт. Соль да верёвки везём.

Седой нахмурился, прикидывая. Его взгляд скользнул по нам: по моей лысине, очкам, грязным лицам; по платку Иветты, под которым прятались каштановые пряди; по Уинстону, теперь гладко выбритому, как городской купец. Оскар замер, затаив дыхание. Ани шевельнулась на руках Иветты, но та прижала её крепче, шепнув что-то успокаивающее — старые слова, наверное, про Живу и добрую дорогу.

— Тошкины? — переспросил седой, сплюнув в пыль. —

Брат у меня там жил, мельник. Не припоминаю вас.

Уинстон кивнул, не моргнув:

— Может, и не встречались, милсударь. Мы с окраины, отец мой скотом торговал. А родственники — в Очаге, дядя пишет, работы полно после зимы. Припасы везём.

Седой помолчал, ковыряя копьём землю. В глазах мелькнуло что-то — не подозрение, а усталость. Он вздохнул, и грусть проступила на лице, как трещина в глине:

— Очаг у Гор... Нет его больше. Инквизиция сожгла неделю назад. Еретики, говорят, — шептали старые песни, молились не тому. Никого не пощадили. Только пепел да вороны. Если родственники ваши там были... ну, бог с ними.

Молодой всадник, что доселе молчал, кивнул, глядя в сторону гор:

— А я пару дней назад видел — проезжала телега в ту сторону. Двое, муж с женой, тоже на север. С припасами. Может, и ваши остались в живых.

Уинстон чуть заметно расслабил плечи — но я видел, как он сглотнул. Я тоже сглотнул и подумал: *Пара? Торк с кем-то? Или просто совпадение?* Седой помахал рукой, отгоняя мух, и заговорил:

— Ну, может, и повезёт. Ладно, проезжайте. Только осторожно — в горах сейчас волки и хуже.

Они развернули коней, и пыль взвилась, осыпав нас. Уинстон щёлкнул вожжами — тихо, без рывка. Повозка тронулась. Мы не оглядывались. Сердце всё ещё колотилось, но

дорога впереди уже казалась чуточку шире. Очаг у Гор — ещё ближе. Торк ждёт. Или нет. Эта остановка напомнила: каждый вопрос теперь — как нож у горла. И такие деревни — не редкость.

После той остановки мы ехали молча — колёса повозки поскрипывали, лошадь фыркала. Солнце клонилось к горам, окрашивая небо в оранжевый. По карте Уинстона до Очага у Гор оставалась всего пара вёрст. Но когда деревня оказалась, сердце сжалось: не очаг, а могила.

Пепелище ещё дымилось, как угли в остывшей печи. Дома — чёрные скелеты балок, провалившиеся крыши, сажа на всём, что осталось. Ветер подхватывал пепел, кружил его в вихре. Мы проезжали медленно, оглядываясь. Уинстон цокнул языком, правя лошадёнку мимо обугленной телеги.

В центре — обгоревший труп у колодца, скрюченный. Рядом валялась кукла, тоже чёрная. Я стиснул зубы. *Ребёнок? Инквизиция не щадит.* Всё сгорело в одном пламени: дома, жизни, надежды. На краю деревни, у свежего холмика земли, копал кто-то. *Кто он? Выживший? Родственник? Или просто чужак, хоронящий чужих, потому что некому больше?*

— Безумие, — проговорил Уинстон. — Империя жрёт сама себя.

Я кивнул, но слова застряли. Ужас был в этой обыденности: огонь прошёл, мир не остановился. Жертвы — просто зола на дороге. Оскар шепнул:

— Папа, а если нас тоже...?

Я сжал его плечо и ответил:

— Не сегодня.

Но в глазах у меня — та же грусть, что у седого всадника. Всё рушится. Слишком быстро. Мы могли ехать только вперёд, будто нас уже подхватило тем же вихрем.

Закат кровоточил над горами, алый и злой. Холм вздымался впереди — низкий, поросший кустами, — как сказал Торк в письме. И вот — поляна. Там стоял он. Одежда — потрёпанные штаны и куртка из оленьей кожи, на поясе нож. Оглядел нас цепким взглядом.

— Опоздали почти, — буркнул он голосом, похожим на скрежет камней. — Если б не явились до утра — тю-тю. Ушёл бы. Горы не ждут.

Я спустился с повозки, ноги онемели от дороги. Оправдался тихо:

— Застава, проверяющие. Дорога в кашу, конвой. Шли, как могли.

Торк хмыкнул, прищурив здоровый глаз. Шрам дёрнулся — как шов на лице.

— Ладно, понимаю. Времена такие. Инквизиция рыщет, как чума. Очаг сожгли на той неделе — еретики, мол. Я сам еле ушёл.

Он кивнул на повозку, на нас — оценивающе.

— Но с припасами, я гляжу у вас не густо. Хорошо, что прихватил резерв.

Вдруг он замер, поднял руку, указывая пальцем на закат.

Мы повернулись все разом. На краю неба — точка. Маленькая, но растущая. Приближалась быстро.

1.10 Восемь лет назад: Лист и пепел

Поезд дёрнулся, руны мигнули — воспоминание Густава продолжилось, непрерывное, как нить. Его голос в голове Арани стал отчётливее, эхом той давней дороги, где каждый шаг мог стать последним. Он говорил, и она видела это снова: грязь, толпу, запахи...

Густав продолжил тихо, глядя в окно, где сгущались тени:

По алому небу, оставляя след искр, летел на длинном пылающем мече статный молодой человек в нашу сторону: фиолетовое одеяние, развевающийся на ветру плащ. Это был маг. Я слышал о них, но видеть — никогда. А этот... летающий на мече, как на крыльях бури, был сильный. Для таких, как он, прихлопнуть нас — раздавить муравьёв под сапогом. Надежда мелькнула: *Может, пролетит мимо, по своим делам?*

Но она тут же растаяла. Запахло озоном — резким, электрическим, как перед грозой. Точка выросла в фигуру; маг нырнул вниз — и, стоя на алом мече, завис над поляной. Холодный взгляд посмотрел на нас. Поднял руку — и фиоле-

товый дым сгустился вокруг него, формируясь в маски. Без слов, без угроз. Просто работа, как по уборке пыли.

Я хотел шагнуть вперёд, но Иветта остановила меня и сказала:

— Если я использую технику рода, я сгорю. Обещай, что уведёшь детей.

Иветта могла призвать силу природы, но цена была одна — жизнь. Эта магия выжигала разом. Тайная техника её рода для крайнего случая. Но сейчас выбора не было. На её лице, как от огня, проступили тёмно-оранжевые узоры — веточки и жилки листа вдоль скул и лба. Изумрудные глаза — твёрдые, решительные — задержались на мне и детях. *Последний взгляд?* — страшная мысль всплыла в голове.

Под её ногами вспыхнул знак — кленовый лист, широкий, с крошечными прожилками. Он постепенно разрастался в светящуюся печать. По коже рук и шеи побежали огоньки. Воздух запах смолой и свежесрубленным лесом. Маг перестал улыбаться, на лице появилось напряжение.

— Хмм... — произнёс он, и брови сошлись, — интересно.

Иветта ударила ладонью по земле. Корни вырвались из почвы, зелёные, светящиеся — и рванули к магу, как щупальца. Он взмахнул рукой, и фиолетовый дым сгустился в щит. Корни ударили — и рассыпались искрами.

Я держал Ани, прижимая к груди. Оскар вцепился мне в рукав. Воздух пах озоном и горячей смолой. Мы не могли ничего сделать. Только смотреть. В ту же секунду вокруг

Иветты поднялся вихрь листьев — не настоящих, световых, но каждый резал воздух, свистя. Листья сложились в клинки и понеслись вверх.

— Играем, — скривился маг.

Он бросил вниз цепи — световые, с шипами, и маски рванули вперёд, раскрывая рты. Цепи звякнули о кромку вихря и распались на искры. Маски встретили зелёные клинки — те хрустнули, как лёд весной. На масках появились повреждения, они отлетели назад, слипаясь снова в лица. Фиолетовый меч под ногами мага наклонился, и он сместился в сторону, как будто вращаясь по невидимой оси — зелёный клинок пронёсся мимо, срезав край плаща.

Иветта не дала ему времени. Вокруг её рук выросли две ветви — гладкие, будто отполированные. Она взмахнула — и ветви хлестнули по небу, превращаясь в плети с шипами-бутонами. Удар — и фиолетовый щит застонал, пошёл трещинами. Десяток мечей выстрелили вниз, как град. Иветта прикрылась куполом — прозрачная крона дерева развернулась над ней, удары зашуршали по листве, оставляя чёрные прожоги.

Кленовая печать под Иветтой раскалилась бело-зелёным. Я не мог отвести глаз: она пылала.

— Ты совсем сдурела, — крикнул маг сверху. — Ты сжигаешь свою жизнь!

Он попытался отступить. Фиолетовый меч развернулся под ним. Но Иветта была быстрее. Она раскрыла ладони.

Между ними сформировался тонкий зелёный серп — прозрачный, как стекло, и такой же острый. Она взмахнула — раздался гул. Серп рванул вперёд. Маг замер. Его фиолетовые маски ухмыльнулись шире — он ещё не понял.

Потом алый меч качнулся. Маг хрипло выдохнул, кровь хлынула изо рта. Он попытался что-то сказать:

— Вы... всё равно... в клетке... Найдут...

Но его слова утонули в бульканье. Тело обмякло и рухнуло в кусты, ломая ветки. Воздух дрогнул, освобождаясь от невидимой хватки. Иветта опустила руки. Зелёное пламя побежало по её коже — сначала по пальцам, затем по запястьям, поднимаясь выше. Она повернулась к нам. Лицо ещё было её, но глаза... глаза уже горели.

— Густав, — прошептала она, и голос задрожал, — скажи Ани... скажи, что я любила её. Что я всегда буду рядом. Мне шепчут: у вас есть шанс.

Я шагнул вперёд, но Уинстон схватил меня за плечо.

— Нет! — закричал я. — Иви, нет!

Она улыбнулась — последняя, полная боли улыбка. Пламя взметнулось. Я закрыл глаза Ани ладонью, но звук... звук треска, как у сырых дров в костре. Запах — сладковатый, тошнотворный. Я зажмурился, но звук и запах всё равно врезались в память. Когда я открыл глаза, её уже не было. Только пепел на траве, и ветер, разносящий его по поляне.

Оскар ахнул. Ани закричала — пронзительно, впервые за дни. Я упал на колени. Мир сузился до этой пустоты. Я оце-

пенел. Я не слышал ветра. Не чувствовал рук. Только пепел. Мысли крутились тугим, бессмысленным клубком: *За что нам это? Клетка... Если они нашли нас здесь, то смогут найти где угодно.*

Я пришёл в себя не сразу. Обернулся. Торк уже был у края поляны — он бежал к лесу. За ним гнался Уинстон, догоняя. У первых деревьев они повалились в траву и сцепились. Я вскочил и побежал к ним, оставив Ани с Оскаром. Раздалось несколько криков.

— Не дёргайся! — прорычал Уинстон, кинжал блеснул у горла Торка. Царапина на коже, где пульсировала вена. Показалась кровь.

— Я на такое не подписывался! Маги, мать вашу! Вы не сказали про магов!

Я подошёл и посмотрел на него сверху вниз. Пепел Иветты ещё лежал на траве позади.

— Ты взял деньги, — сказал я тихо. — Ты обещал провести. Если сбежишь — мы тебя найдём. И сами прирежем. Не сейчас, так потом. Но обязательно убьём.

Торк глянул в мои глаза — и что-то увидел там. Может, отчаяние. Может, готовность пойти до конца.

— Ладно, — хрипло сказал он. — Пойдёмте. Но после перевала — мы друг друга не знали.

Я тяжело выдохнул. А Уинстон, поднявшись, произнёс: — Надо идти. А их ритуал... фон Эрнер и его маги. Они не простят, но мы спрячемся. Возможно, в Беланкоре нас не

смогут отыскать, даже если это магия поиска по кровавой метке. У нас ещё есть шанс, как сказала Иветта

— Да, она ушла, чтобы мы жили, — лишь сказал я.

Дальше были горные тропы — узкие, едва приметные. Торк связал нас верёвкой: он — первым, за ним я с Ани на руках, Уинстон с Оскаром — замыкали.

— Если один полетит — вытащим, — буркнул Торк.

Мы шли молча. Под ногами — камни, скользкие от мха. Под мхом — лёд. На одном карнизе я оступился, еле устоял. Торк и Уинстон могли не удержать, всех нас бы уже не было. Я стал ещё осторожнее, молил всех... и богов тоже. Я прижал Ани к груди. Она не плакала — только смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

— Тише, — прошептал я. — Мама с нами. Она нас ведёт. Ложь. Но ложь, в которую я сам хотел верить.

На перевале, у седловины, ветер выл, как зверь. Снег скрипел под ногами, как стекло. Ани дрожала на моих руках, губы посинели. Я прижал её к груди, но холод пробирал насквозь.

— Здесь, — Торк указал на нишу под нависающей плитой, — ветра меньше.

Мы втиснулись внутрь. Уинстон растёр Оскару руки, пока он не захныкал от боли. Я укутал Ани в оставшиеся тряпки, но она всё равно плакала — тихо, надрывно.

— Прости, дочка, — прошептал я. — Прости, что не могу тебя согреть.

Иветта бы знала, как. Иветта бы спела песню, и Ани бы уснула. Но Иветты больше нет. Есть только холод, ветер и моя беспомощность.

На третьи сутки мы спустились к чёрному потоку — ледяная вода. Торк переходил брод первым, осторожно, проверяя дно шестом. Затем протянул верёвку, закрепил на валуне.

— Держись крепко, — сказал он. — Не отпускай.

Я пошёл с Ани на руках. Вода обожгла ноги холодом — ступни сразу онемели. Течение било в бок, пытались сбить. Я сжал верёвку так, что костяшки побелели. Ани на моих руках всхлипнула от холода. Вода доходила до груди.

— Терпи, милая. Мама... мама хотела бы, чтобы ты была сильной.

Когда выбрались, Торк сказал:

— Ещё полдня — и граница.

В тот же вечер мы наткнулись на пастуший стан. Пастухи испугались, но узнали его. Дали нам тёплого молока. Один мальчишка посмотрел на Ани и сказал:

— Не плачь, малая.

Я тогда едва не разревелся. Он улыбнулся, пряча смущение. На рассвете вышли к Седлу Ворона. Там росла старая сосна, крючком. На ней сидела ворона. Глянула — и улетела к пикам. Торк сказал: «Хозяйка перевала проводила». Я не поверил, но спасибо ей всё равно сказал, на всякий случай.

На самой границе нас встретили не люди. Камни. Стоят два одинаковых камня, и между ними — низкий валун с ре-

зью. Торк сказал: «Подойди один, положи ладонь». Я положил, и руны вспыхнули, как уголь в горне. Потом вышли гномы — низкие, в серых плащах, с коваными перчатками. Старший спросил: «Откуда? Зачем?» Я сказал правду, что бежим от церкви. Он ответил: «Граница — не приют. Но и не ловушка. Пройдёте под нашим законом. Людей назад не отдаём». Мы заплатили сбор, Торк забрал оставшуюся долю — и исчез. Я был ему благодарен в любом случае.

Густав немного помолчал, глядя в окно и продолжил:

— Мы дошли до заставы в нижних долинах. Там нам выдали бумагу: временный пропуск, печать с молотом и рунной вязью — знак, что можно жить наёмными рабочими, не нарушать закон. Дальше началась другая жизнь — тяжёлая, но живая. Беланкор оказался суров, но честен. Больше погони не было, нас не нашли. А Империя... — Густав замолчал, не договорив.

Арани в воспоминании шевельнулась на лавке, у неё текли слёзы.

— Папа... — прошептала она.

— Твоя мать была из древнего рода, хранителей богини Живы. Их сила — от земли, от корней. Но за каждое чудо нужна плата. Она выжгла свою жизнь до конца, чтобы нас спасти. Остался только пепел.

Густав накрыл руку дочки своими мазолистыми ладонями.

— Смотри вперёд, Ани. Мир жесток. Но ты сильнее, чем думаешь. Твоя мать... она отдала всё, чтобы ты жила. Не растрачивать это, — тихо добавил отец; в его глазах тоже блеснули слёзы.

Но тут как будто по поезду прошлись когти — раздался скрежет, поезд дёрнулся. Память рассеялась, как пепел от кленового листа. Арани открыла глаза. Она чувствовала тепло рук отца, словно это происходило сейчас.

За окном — первые лучи восходящего солнца. Вдали уже виднелся торговый город Урбит на реке Альдазаир — их первая остановка перед столицей.

— Я буду жить. Буду двигаться вперёд. Обещаю вам.

Часть II Торговый город Урбит

Стук колёс поезда стихал. Арани и Бараздар спустились на пыльный перрон. Поезд, гружённый углём из их родных шахт, тяжело вздохнул и медленно потянулся дальше в сторону Уфальских гор. Там, в литейных цехах, где гномы плавили и ковали металл, этот чёрный груз станет важным компонентом их процветания. Беланкорская сталь славилась во всех соседних землях — и не только.

Сердце Арани сжалось — с поездом, казалось, уходил кусочек дома, — но Бараздар уже шёл вперёд, размахивая рукой.

— Повозку! — рывкнул он на ближайшего извозчика, высокого мужчину с аккуратно подстриженной рыжей бородой, в тёмном жилете и белой рубашке. Его лицо, гладко выбритое вокруг бороды, излучало уверенность, а глаза были пронзительными и учтивыми — привыкшие к купцам и знати.

Извозчик кивнул, оценивая их взглядом: усталую девушку с чемоданом и гнома с увесистой поклажей. Арани подняла свой чемодан — казалось, он стал чуточку легче, чем в день отъезда, — и забралась в повозку. Лошадь тронулась, и город Урбит, раскинувшийся у широкой реки Альдазаир, начал выплывать из тумана.

Здания, построенные из тёмного дерева и кирпича, тянулись вверх на два, а то и три этажа, украшенные резными

балконами и яркими вывесками. Воздух гудел от тысяч голосов, стука молотков, скрипа колёс.

Но больше всего её поразил порт. Река здесь была такой широкой, что противоположного берега почти не было видно. У длинных причалов стояли огромные, неуклюжие баржи, нагруженные доверху мешками и ящиками. Рядом с ними покачивались изящные торговые корабли под разными флагами. Пролетающие чайки кричали, матросы орали команды, грузчики тащили товары. В воздухе витал запах утреннего тумана, смешанный с ароматом специй и жареного мяса от уличных лавок.

Но что-то в этом пейзаже сбивало с толку. Арани вглядывалась в толпу. Повсюду люди: высокие, низкие, в ярких одеждах или рабочих робах. А вот гномов... почти не было. Только редкие фигуры с бородами да в кованых жилетах мелькали в стороне.

— Дедушка Бар, — не выдержала она, — а где все гномы?

Бараздар фыркнул, почёсывая бороду, и откинулся на спинку сиденья.

— А их тут почти и нет, Урбит — город людской. Его основали торговцы с юга сотни лет назад, как место обмена. Мы им — сталь, драгоценности. Они нам — зерно, ткани, всякую заморскую дребедень. Королевство позволило, потому что выгодно. Но гномы предпочитают свои горы — там крепости, шахты, всё как надо. А тут... — прервался Бараздар и махнул рукой. — Только торговая палата — по сути,

гномья земля.

Арани повернула голову. Из общей пестроты выбивалось здание у самой портовой площади. Среди пёстрых деревянных фасадов, кирпича и шумных лавок оно стояло как вбитый в землю клин: тёмный камень, узкие высокие окна в медных переплётках, резные руны над арочным входом, тяжёлые цепи флагштоков, бронзовые молоты по углам. У дверей тянулась очередь — купцы, капитаны барж, писцы с ящиками, посыльные с тюками бумаг. Над входом висела строгая вывеска «Речная торговая палата Беланкора».

Бараздар продолжил:

— Здесь центр обмена, как я сказал. Через это место проходит половина денег Урбита. Без их бумаги ты не человек, а помеха на дороге. И запомни главное: в городе нельзя расслабляться. В таких местах всегда полно тех, кто ищет лёгкую наживу.

Арани кивнула, но любопытство кольнуло в душе острее иглы.

Повозка остановилась у двухэтажного здания с вывеской «Сонный Карп». Таверна выглядела прилично: чистые окна, а из кухни тянуло запахом свежего хлеба и жареной рыбы. За стойкой стояла полная женщина средних лет с усталым, но цепким взглядом. Она окинула их с головы до ног: гнома с бородой до пояса и юную девушку, всю в дорожной пыли. Губы хозяйки скривились в понимающей усмешке.

— Комнату? — спросила она, вытирая стойку грязной

тряпкой. — С одной большой кроватью хватит?

Воздух в таверне, казалось, застыл. Арани не сразу поняла смысл вопроса, но почувствовала в нём что-то липкое и унижительное. Она увидела, как двое мужчин за соседним столом переглянулись.

— Я ученица! — ответила Арани, краснея. *Неужели и тут в большом городе видят во мне это?* — подумала она, борясь с комом в горле и вспоминая насмешки деревенских мальчишек.

Бараздар побагровел. Кулаки сжались.

— Что?! — проревел он, хлопнув ладонью по стойке так, что кружки задрезжали. — Ты, дурища, думаешь, что каждый гном с девчонкой — это твой бордельный клиент? Она — моя подопечная! А ты лучше следи за своим языком, а то я его тебе укорочу!

— А я-то что? Всякие у нас бывают, — огрызнулась она, но уже без прежней уверенности.

Арани стояла, как вкопанная, пытаясь осмыслить. *Проституция?* Она слышала о таком в деревенских сплетнях. Ей стало не по себе — мир казался ещё более чужим и грязным. *Значит, без имени и без бумаги я здесь не ученица. Просто девчонка — и думай о ней что хочешь.*

Бараздар, всё ещё кипя от злости, вынул монету из кошелька.

— Самую простую комнату! С односпальной кроватью! Я уеду, а она останется. И без твоих домыслов.

Хозяйка кивнула, взяла деньги и выдала ключ. Они поднялись по скрипучей лестнице в маленькую комнатку: узкая кровать, стол и окошко на улицу. Арани сбросила чемодан, чувствуя, как устали руки.

— Не бери в голову, — проворчал Бараздар, скидывая свой рюкзак. — Такие, как она, есть везде. Оставим вещи и прогуляемся. Будет полезно ноги размять, да и город посмотреть. А потом я поеду в столицу.

Они оставили поклажу, заперли дверь и вышли на улицу. Город был таким огромным и неудобным. Арани шла по узким улочкам, стараясь держаться ближе к Бараздару, но каждый шаг эхом отдавался в груди. Улицы кишели людьми, сновавшими туда-сюда. Шум стоял оглушительный — крики, смех, лязг металла. Она, выросшая в тихой деревне, где все знали друг друга по имени, здесь чувствовала себя маленькой, сжатой, словно одинокий лист подхваченный течением.

У складов сидели писцы за длинными столами. Один взвешивал мешки, другой ставил красную печать на узких дощечках, третий заносил в книгу название судна, число ящиков и пошлину. Купцы ругались, грузчики потели, а писцы только скрипели перьями. И от этих людей с чернильными пальцами зависело не меньше, чем от тех, кто таскал груз на спине.

Бараздар шагал впереди, уверенно раздвигая толпу своим присутствием, хотя и был на голову ниже большинства про-

хожих. Они вышли на главную площадь у порта, где воздух был пропитан сыростью и рыбой. Арани шла следом, стараясь не отставать, как вдруг замерла.

Из богато украшенной лавки, торгующей шёлком, вышли трое. Они не были похожи ни на людей, ни на гномов: высокие, грациозные, с длинными серебристыми волосами, переплетёнными в сложные косы. Острые уши виднелись из-под капюшонов зелёных плащей. Их одежда мерцала шёлком и вышивкой из листьев и звёзд, а сами они двигались так плавно, словно не шли, а скользили по воздуху.

Эльфы. Настоящие эльфы, — восхищённо подумала Арани. Она слышала о них — лесные стражи, живущие вечно, с магией в крови. И запах... от них веяло свежим лесным ветром — хвоя, мокрый мох, сладкие дикие ягоды. Но под этим — едва уловимый металлический запах: сталь и медь — запах крови. Волоски на её руках встали дыбом. Она застыла, не в силах отвести взор.

Один из эльфов — высокий, с глазами цвета ясного неба — повернулся и поймал её взгляд. Его брови слегка сдвинулись, и на лице мелькнуло что-то между раздражением и презрением. Арани не отвернулась, продолжая тарашиться.

— Эй, Арани! — шикнул Бараздар, резко дёрнув её за рукав и оттаскивая в сторону. — Что ты уставилась? Эльфы — раса подлая. А обидеть их проще простого. Взглядом, словом — и готово: у тебя враг на всю жизнь.

Арани моргнула, приходя в себя, и виновато потупилась.

— Прости, я просто... впервые их вижу. Они такие...

— Какие? — проворчал гном. — Колючие так точно, как ежовые иголки. В Урбите они периодически встречаются — торгуют травами, мечами, редкими ингредиентами из Великого Леса Джура. Но смотреть так в открытую — это как ткнуть пальцем в бороду гному. Хочешь выжить в большом мире — учись вести себя правильно.

Эльфы удалились. Их речь, тонкая, чуть звенящая, растворилась в городском шуме.

— И ещё. В большом городе, главное правило — не быть жертвой, — продолжил Бараздар, останавливаясь и поворачиваясь к ней. — А ты сейчас выглядишь именно так: глаза испуганные, плечи сжаты. Смотри и учись, девчонка.

Он расправил плечи, поднял подбородок и зашагал вперёд, не оглядываясь по сторонам. Его походка была уверенной, горделивой, словно он был хозяином всех этих улиц, а не усталым путником из далёкой деревни. Прохожие невольно расступались, некоторые даже бросали уважительные взгляды. Арани сначала опешила, а потом не выдержала и хихикнула. Этот напыщенный, важный гном, марширующий по улице, был до смешного серьёзен.

— Что смеёшься? — буркнул он, не сбавляя шага. — Это тебе не шутки. Здесь надо идти как важный человек, с которым считаются, а не как тот, кого можно тронуть. Никогда не показывай, что ты жертва.

Арани вдохнула поглубже, выпрямилась и пошла рядом,

стараясь копировать его манеру. Поначалу было неловко, затем она почувствовала, как страх немного отступил. Это была игра, но игра полезная. Они прошли по площади, свернули в тихий переулок, и Бараздар наконец остановился у фонтана с журчащей водой.

— Ладно, — сказал он, опираясь на стену, — мне пора. Беланкор недалеко, но туда просто так не пускают. Это город гномов, чужакам вход только по протекции или с особым разрешением. Я съезжу, поговорю с кем надо, получу бумагу на твоё имя. А там — и экзамен в техническую академию.

Он посмотрел на неё тяжёлым взглядом.

— Жди меня здесь, в таверне. Утром вернусь. Почитай книги, подготовься. По городу одна не болтайся. Потеряешься или, хуже того, попадёшь в неприятности. Здесь полно тех, кто не прочь обидеть одинокого подростка, как ты. Ты меня поняла?

— Ясно, — ответила она, стараясь звучать уверенно.

Бараздар кивнул, хлопнул её по плечу и повернулся к ближайшему извозчику.

— Увидимся утром. И помни: прямая спина!

Он запрыгнул в повозку, и та укатила по улице, оставив Арани одну у фонтана. Город вокруг шумел, но теперь она чувствовала себя ещё более одинокой. *Прямая спина*, — повторила она про себя и направилась обратно в таверну. Но в голове уже крутились планы на вечер.

Таверна Сонный Карп встретила её запахом пролитого эля

и гомоном усталых голосов. Хозяйка бросила на неё короткий, безразличный взгляд и вернулась к протиранию кружек. Арани, не поднимая глаз, проскользнула к лестнице и поднялась в свою комнатку. Она заперла дверь на тяжёлый железный засов и села у окна. Урбит жил своей жизнью — шумной, чужой и опасной — и эта жизнь неудержимо манила.

В животе заурчало. Время было как раз подходящее, и желудок напомнил о себе урчанием. Она переоделась и спустилась в общий зал таверны, заказала местное блюдо — жареную рыбу с травами и свежим хлебом. Оно оказалось неожиданно вкусным: рыба была нежной, с хрустящей корочкой, пропитанной ароматом специй и лёгким дымком от угля. Это придало сил, но любопытство не ушло.

Арани вернулась в свою комнату. «*Сиди в таверне. Почитай книги*», — прозвучал в голове голос Бараздара. Она достала из чемодана толстый том по основам счётного дела. Сухие цифры и формулы сейчас выглядели лишь скучными чёрными значками на пожелтевших страницах. Она закрыла книгу. *Главное правило — не быть жертвой. Я сильная.*

После сцены у стойки ей казалось, что все вокруг видят в ней деревенщину, девчонку без веса и имени. *Пойду изучу обстановку, посмотрю товары, цены на них. Может что и подберу для учёбы. Перед закатом вернусь. Если и дальше сидеть в комнате, то чем я лучше трусихи?* — решила она.

Накинув на плечи дорожный плащ, Арани на мгновение задержалась. Её рука потянулась к чемодану и извлекла от-

туда кинжал около 30 сантиметров в потрёпанных кожаных ножнах — подарок Уинстона. Он не раз учил её обращаться с ним, говоря, что в лесу, полном опасных тварей, выживает не тот, кто сильнее, а тот, кто умеет защищаться. Арани неплохо владела им. Она закрепила кинжал на поясе под плащом. Это придало уверенности.

Солнце ещё не село, и Урбит купался в золотистом свете. Арани шла по центральной улице, она старалась держаться оживлённых мест. Один магазин — платья, но цены, как работа в шахте несколько месяцев, второй, третий... *Здесь что все такие богатые? Почему так?* — всплыла удручающая мысль, когда само собой происходило сравнение Урбита и Ржавой Кирки.

Она шла дальше, и её взгляд зацепился за узорчатую вывеску с серебряными буквами — «Бриллиантовый перламутр». Магазин выделялся среди других. Стеклопанная стена от мостовой до потолка: внутри — тёплый золотистый свет и бархатные подушки. На них лежали тонкие цепочки, как замёрзший дождь; серьги с драгоценными камнями тихо дышали сиянием; бриллианты искрились холодно, будто крошки снега под солнцем. Между ними — рубины с жаром костра, синие, как сумерки, сапфиры, и гладкие кольца, где металл казался жидким. Их вид заворачивал.

А среди этого блеска прятались аккуратные ценники с изящной вязью цифр. Нули тянулись цепочкой, длиннее, чем планы на будущий год. Кошелёк в кармане показался

будто меньше; внутри что-то сжалось в тугой узел — то ли от желания, то ли от понимания, что желание дорого стоит.

— Красиво, — прошептала Арани, прижимая пальцы к стеклу.

В голову проникла чёрная мысль: *А если украсть? Они же не обеднеют.купаются в роскоши, а мы... Почему мы должны жить так бедно? Одно кольцо — и отец никогда не спустится в шахту. Один рубин — и Оскар не станет наёмником. Просто протянуть руку...*

Затем последовал ответ, столь же мрачный. *Но тогда я стану, как они. Такой же жадной, как эти богачи, как кредиторы деда. Нет. Я заработаю сама. Даже если придётся продать душу гномам.* Блеск драгоценных камней терзал сердце. Арани отвернулась и пошла дальше.

Солнце потихоньку клонилось к горизонту. Вокруг было так много нового, что голова кружилась. Но вдруг за спиной ей почудился взгляд — тяжёлый, липкий. Арани резко обернулась. В толпе мелькнул высокий мужчина в скромной одежде. Ничего приметного: таких здесь были десятки.

Она пошла быстрее. Пройдя несколько зданий, оглянулась снова. Мужчина уже стоял у рыбной лавки и спорил о цене, даже не глядя в её сторону. Но тревога не отступила. Через несколько шагов она снова оглянулась. В похожей одежде за ней шёл человек. *Это тот же? Или просто другой, похожий?*

Она не была уверена. Сердце забилось чаще. *Нет. Это*

не случайность. Или случайность? Вспомнились слова отца: «*В большом мире всегда найдутся враги...*» Арани свернула в боковую улицу и прошла несколько переулков. Затем она остановилась, оглянулась. *Вроде никого. Назад лучше не идти,* — решила Арани и пошла дальше.

Но вскоре она оказалась в лабиринте незнакомых, узких переулков — явно в трущобах. Кривые покосившиеся дома нависали над улицей, почти смыкаясь крышами. Она плутала среди них, шлёпая по лужам грязной воды. Где-то за стеной раздался надрывной плач младенца. По бокам бежали сточные воды. К их вони примешивался почти невыносимый запах гниющей рыбы.

Арани вывернула в чуть более крупный переулок. Подул ветерок — лёгкая свежесть. Она добрела до тёмного угла и остановилась, прислонившись к стене, чтобы отдышаться. *За мной всё-таки следили? Или это сама себя накрутили?* — подумала она, но тут же заметила рядом страшную картину. На прочерченном чёрном круге лежали разрезанные и искажённые тела крыс, их внутренности торчали. Но ни запаха, ни крови. Даже мух не было — словно крыс выпили до дна, оставив лишь шкурки. В центре воск от прогоревшей свечи.

Что это? Кровавая жертва? Арани охватила дрожь, она поторопилась. Солнце садилось, темнота сгущалась. Она плутала, ориентироваться становилось всё сложнее. Но постепенно всё же нашла путь к порту, который виднелся с воз-

вышенности. Именно тогда на неё наткнулись трое рослых матросов, от которых разило перегаром.

— О, какая пташка залетела в нашу клетку? — прохрипел один из них, скалясь.

— Потерялась, красавица? Мы можем показать дорогу, — добавил второй, делая шаг вперёд.

Страх сковал её, но решимость оказалась сильнее. Она не будет жертвой. Её рука скользнула под плащ, и Арани выхватила кинжал, выставив его перед собой, как учил Уинстон. Рука дрожала так, что кончик лезвия едва заметно ходил из стороны в сторону. Двое матросов отшатнулись, удивлённые такой реакцией. Их пьяный кураж поутих.

— Эй, полегче, мы же просто поговорить... — начал один.

— Да брось её, она сумасшедшая, — пробормотал второй, уже готовый отступить.

Но третий, видимо их главарь, наоборот, побагровел от ярости. Он потянул толстую руку к ней. *Нельзя дать себя в обиду*, — пронеслось в голове. Арани полоснула кинжалом, стараясь нанести неглубокий порез, чтобы лишь напугать. Матрос отшатнулся и посмотрел на руку: небольшая рана, выступила кровь. Но вместо испуга его охватила ярость.

— Ты что, страх потеряла, малолетняя дрянь?! — проревел он, выхватывая из-за пояса широкую, зазубренную бордажную саблю. Массивная сабля угрожающе блеснула в тусклом свете фонаря. — Бросай нож, иначе мы тебя покромсаем!

Арани замерла на миг. Её маленький кинжал казался зубочисткой по сравнению с тяжёлой саблей. *Один удар — и конец*, — пронеслось в голове. Но она вспомнила слова Уинстона: «*Держи стойку, дыши*». Матрос неуклюже махнул саблей. Она отступила в сторону, уходя от удара, и метнулась в сторону, к стене. *Что же делать?* Сердце было готово выпрыгнуть из груди.

— Уходите! Я не одна здесь! — закричала она, что есть мочи.

Её голос разнёсся эхом по улице, но матросы не отступили. Главарь, разъярённый раной, замахнулся саблей ещё раз, и Арани едва успела пригнуться — лезвие просвистело над её головой, врезавшись в стену с искрами. Она контратаковала, ткнув кинжалом в сторону его ноги, заставив его отскочить. Сердце колотилось, руки дрожали, но она держалась — это был не бой, а отчаянная оборона.

Именно в этот момент в дальнем конце переулка бесшумно возникла фигура. Это был человек в плаще с закрытым лицом, полностью в чёрном. Он неторопливо шёл по улице, даже не глядя в их сторону, но воздух вокруг него словно сгустился, стал тяжёлым, давящим. Арани почувствовала это кожей — как страх перед грозой. Главарь застыл, его взгляд метнулся.

— Это один из «Теней», — нервно бросил он, бледнея. — Пойдём отсюда, парни. Нас ждут.

— Да ну её, — проворчал второй.

Они торопливо отступили, оставив Арани одну. Человек в чёрном прошёл мимо, не удостоив её даже взглядом, и его фигура растворилась в ночи. Арани стояла ещё несколько секунд, не в силах пошевелиться, её колотила дрожь. На запястье жгло — она глянула вниз. Царапина. Неглубокая, но кровь сочилась. *Когда? Я даже не заметила.* Рука тряслась. Она не знала, кто это был — спаситель или ещё более страшная угроза. Но одно она поняла точно: Бараздар был прав.

Не помня себя, Арани бросилась бежать. Вывеска «Сонный Карп» показалась самым прекрасным местом на свете. Она влетела в таверну, промчалась мимо удивлённой хозяйки, вбежала по лестнице, ворвалась в комнату и прижалась к двери всем телом, судорожно нащупывая засов.

Лишь оказавшись в безопасности, Арани позволила себе сползти на пол. Руки тряслись так, что она не могла разжать пальцы на рукояти кинжала. Сердце колотилось, как молот по наковальне. Желудок скрутило — она поползла к тазу в углу, её чуть не вырвало. Она выпила рядом стоящую воду. Когда спазмы прошли, вытерла рот дрожащей рукой и уставилась в темноту.

Я чуть не умерла. Ещё секунда — и та сабля раскроила бы мне череп. Слезы хлынули сами — не от страха, а от злости. Глупая, самонадеянная дура! Кто он? Тот ли это человек вообще? Следил ли кто-то за мной? Или я сама загнала себя в эти переулки?

Арани не знала ответов на эти вопросы. Это незнание пу-

гали её даже больше, чем пьяные моряки. Она подползла к кровати, вытащила кинжал. На нём была кровь. Осмотрела себя. Она взяла тряпку и тщательно вытерла кинжал, хотя руки тряслись. Потом села на край кровати, положила его рядом и несколько раз шёпотом повторила одно и то же:

— Никуда не ходила. Просто болела голова. Спала.

На четвёртый раз голос перестал дрожать. Сегодня ночью она не заснёт. И завтра, когда вернётся Бараздар, она не скажет ему ни слова. Потому что если он узнает — он отправит её домой. А она не может вернуться. Не после того, что пообещала отцу у печи. «*Не растрать это*», — прозвучал его голос в памяти. Она сжала кулаки. Не растратит.

Часть III Искры Академии. 3.1

Прибытие в столицу и экзамен

Утро пятницы в Урбите выдалось пасмурным. Арани сидела у окна в комнате Сонного Карпа, уставившись на реку Алдазаир, где баржи лениво покачивались на волнах. Ночь не принесла сна — воспоминания о матросах, сабле и той «тени» в чёрном плаще крутились в голове, как вихрь. Она коснулась кинжала на поясе — он был с ней, как напоминание.

В дверь постучались. Это был Бараздар. Арани открыла дверь, и в комнату вошла знакомая фигура старого гнома, пыльный с дороги, но с довольной ухмылкой под бородой.

— Доброе утро, девчонка! — прогремел он. — Всё улажено. Бумага на твоё имя Анны Миркнаэль — вход в Беланкор и рекомендация для экзамена в академию.

— Меня теперь так зовут? — спросила удивлённая Арани. Имя было обычное и распространённое, но фамилия вызвала какой-то диссонанс: тяжести и певучести, тьмы и света.

— А что? Что-то не нравится, Анна? В любом случае, всё уже решено и обговорено. Ты ученица из северных земель, направленная на экзамен. Поняла?

Это было её новое имя. Сколько отец заплатил за право

его носить, она не знала. От этого ответственность только тяжелела. *Надо сдать экзамены и обязательно выучиться,* — повторила она про себя. Теперь уже не Арани, а Анна Миркнаэль кивнула и сказала:

— Спасибо.

— Чего спасибо? Скажешь спасибо потом монетой, — произнёс Бараздар и улыбнулся, как старый лис. — Собирай вещи, и в путь. Поедем к Томеру, к этому старому прохвосту.

Повозка неслась по гладко вымощенной дороге в сторону Уфальских гор. Анна сидела рядом с Бараздаром, кутаясь в плащ. Город Урбит таял за спиной, сменяясь холмами и густыми лесами. Воздух стал свежее, с запахом сосен и мокрой земли. Но в душе Анны бурлило — после вчерашнего она чувствовала себя уязвимой, каждый шорох казался угрозой.

Дорога заняла полдня. К вечеру из-за серых скал показалась столица. Великолепный город из белого камня, словно высечённый прямо из горного ребра: террасы, мосты, галереи, арки, уходящие в небо; в нишах мерцали руны, по стенам бежали тёмные жилы металла. Анна ахнула, восхищённо разглядывая башни, что вздымались из скал, как творение гигантских рук. Их острые крыши, как пики, врезались в диск закатного алого солнца. *Это как сказка. Город, рождённый из камня — крепкий, вечный. Красиво. И страшно*

по-своему. Здесь я буду в безопасности.

Ветер приносил запах дыма, горячего железа и влажного камня. У подножия стен — огромный ров, будто в бездну. Над ним был протянут подъёмный мост из толстого металла. Повозка въехала на него, раздался скрежет колёс. Уже светили фонари, свет падал на кованые глифы, украшавшие края моста; они тускло поблёскивали. Впереди гудела очередь — телеги с провизией, бочки со смолой, гномы в кожаных фартуках, редкие люди с опущенными взглядами.

Перед самыми воротами их остановил проверяющий — коренастый гном в доспехах с серебряным ярлыком на груди. Он стоял у массивных ворот, кованых из чёрного металла, и подозрительно оглядел повозку.

— Документы, — буркнул он, протягивая руку.

Бараздар вручил бумаги, но гном проверял их невыносимо долго, перелистывая страницы и хмурясь. Бараздар, потеряв терпение, кашлянул.

— Эй, приятель, я здесь был вчера — помнишь? Зачем тянуть?

Гном поднял взгляд, глаза его сузились в злобные щёлки.

— С твоим прошлым ты бы вообще помалкивал, — резко сказал проверяющий. — Из-за таких, как ты, мой брат лишился места.

Анну дёрнуло, будто по спине провели холодом. *Что же он натворил? Почему молчал?* Она всегда знала Бараздара как грубоватого, но надёжного гнома — спасителя из дерев-

ни. Доверие скривилось неприятной складкой. *Он что-то скрывает? Может, он не тот, за кого себя выдаёт? И зачем я ему нужна?* — нехорошие мысли, как настырные мухи, полезли в голову. Сердце заколотилось чаще, но она промолчала, стараясь держаться спокойно.

Проверяющий перевёл взгляд на неё.

— Кто это ещё с тобой? Человек? В Беланкор?

Бараздар фыркнул, не давая Анне вставить слово.

— Я её сопровождаю. Документы рядом с моими. Есть пригласительное письмо на экзамен в техническую академию от мастера рун Томера Сандалгира. Всё в порядке, не кипятись.

Гном скосил взгляд на письмо, недовольно хмыкнул, снова поднёс к лампе. Рунная печать на миг вспыхнула мягким светом. Он нехотя кивнул, выдавил из пресса два медных жетона с датой и вернул документы с ними обратно.

— Ладно, проезжайте. Но без фокусов, особенно ты, Бараздар.

Повозка въехала внутрь. Анна выдохнула с облегчением. *За этими стенами я в безопасности. Город хорошо охраняем — никто не подкрадётся, как в Урбите.* Но тут она бросила взгляд на Бараздара. Он сидел молча, сжав челюсть. *Спросить? Но что, если он солжёт?* Она отвернулась. *Потом.*

Мысль продержалась 5 минут. На первой же площади чьи-то пальцы без стеснения ткнули в её сторону. Шепо-

ток, сочащийся из-под бород и касок: «чужачка», «человек», «опять привели». Несколько мальчишек-гномов, не скрываясь, уставились ей в лицо, одна женщина поморщилась, подтягивая ребёнка к себе. Плечи сами собой съёжились под плащом. *Белая ворона. Они смотрят, как на врага. Что, если «тени» и здесь?* Где-то высоко звякнула цепь, и этот звук будто подчеркнул её чужую ноту в общем хоре.

— Не смотри на них, — бросил через плечо Бараздар.

Повозка направилась по мощёным улицам, гудящим от стука молотов и шипения пара, к большому, но скромному дому в боковом переулке. Их высадили. Бараздар постучал в дверь — раз, другой. Никто не ответил. Бараздар нахмурился, подождал, затем крикнул чуть ли не на всю улицу:

— Томер! Открывай, старый пень! Я знаю, ты дома!

Он постучал снова, громче. Наконец дверь приоткрылась, и на пороге появился старый седой гном с длинной бородой, заплетённой в косы, в кожаном фартуке, усыпанном сажей.

— Бараздар, это ты? — проворчал он, но в глазах мелькнула усмешка.

Бараздар шагнул внутрь, как дверь резко захлопнулась прямо перед носом Анны. Она остолбенела, чувствуя себя полной идиоткой. *Что это значит? Меня не пускают?* Изнутри послышался голос Бараздара, полный раздражения:

— Томер, ты что, спятил? Она со мной! Открой дверь, болван!

Дверь распахнулась снова, и Томер, хмыкнув, отступил в

сторону.

— Ладно, ладно, заходи. Просто... осторожничай. Времена нынче беспокойные.

Анна вошла, удивлённо оглядываясь. Всё было завалено полками и кипами книг в пыли — тома по физике, рунам, механике громоздились повсюду, иногда чередуясь с чертежами и странными металлическими деталями. Воздух пах старой бумагой и маслом. *Это дом мастера? Похоже на берлогу,* — подумала Анна. Мастер Томер закрыл дверь.

— Итак, — сказал Томер, не тратя слов на приветствия. — Кто ты, откуда и почему я должен на тебя тратить своё время?

Анна вдохнула. Она всё ещё держала жетон, который получила на пропускном пункте. В ладони он был тёплым, как будто только выкованный. Она встретила его взгляд.

— Здравствуйте, мастер рун. Меня зовут Анна Миркнаэль. Я здесь на экзамен. И... — на миг перед глазами вспыхнуло лицо проверяющего у ворот и Бараздара, — ...и я хочу, чтобы всё было честно.

Томер хмыкнул. Ответ его не вполне устроил, но и не разозлил.

— Посмотрим. Пошли на кухню. Снимай плащ, не трогай ничего без спроса и не ходи в закрытые комнаты. Поняла?

Анна кивнула. Когда она вошла на кухню, Томер расчищал массивный каменный стол от завалов. Он сворачивал большой свиток со сложной руной, по краям ещё грудились

стопки книг. Она взглянула в окно: там тянулся белый камень стен Беланкора — и где-то в глубине города звенели, как струны, невидимые цеха. Анна на миг закрыла глаза. *Я внутри. Я справлюсь.*

— Ну, садитесь за стол, — произнёс Томер, переложив последнюю книгу со стола на подоконник.

Он начал выкладывать угощения. После долгой дороги хотелось есть. *Но будет не легко,* — подумала Анна, когда оценила размах. Гномы весело болтали о всяком: о погоде, городе, академии, о прошлом. Оказалось, что Бараздар и Томер вместе учились.

— Сейчас, подожди, — с довольной улыбкой Томер махнул рукой и встал.

Он вышел из кухни. Послышался стук по древесине, затем бранные слова. Его не было минут 5. И вот в проёме показалась большая бочка, которую он нёс. Томер медленно приковылял к столу и с грохотом опустил её на пол.

— Арольское вино. Южное красное. Высший сорт. Давно хотел открыть. Вот и подходящий случай, — громогласно, как на банкете, произнёс он.

Анна взглянула на Бараздара, глаза у того горели. Гномы откупорили бочку и стали разливать в большие деревянные кружки. Запах спирта. Анна поморщилась. Но в нём было и что-то приятное — насыщенный фруктовый аромат. Томер спросил с хитростью в глазах:

— Не хочешь попробовать? Это виноградное вино. Осо-

бенно его любят дамы, его мягкий вкус и аромат.

— Виноград? — название звучало необычно, Анна осторожно кивнула и произнесла: — Я не пью. Но если только немного попробовать.

Стакан наполнился красной жидкостью. *Оно... как кровь*, — подумала Анна, взяла стакан и, словно опасаясь, медленно поднесла к губам. Сладковатый букет нежно ударил в нос. Маленький глоток. Вино обожгло язык, потом разлилось по горлу мягкой волной, оставив послевкусие сухое, чуть терпкое, но сладковатое с нотками ягод и чего-то тёплого, как летний вечер.

— Ну как? — спросил Бараздар.

Анна улыбнулась, глядя в стакан, где вино переливалось рубиновым светом. В этот миг мир показался чуточку ярче.

— Странное, но мне понравилось.

— А мы что говорили, бабское пойло, — загомонили гномы.

— Томер, а ты слышал о пивном призраке? — спросил Бараздар.

Тот в ответ покачал головой. Они продолжили шутить и рассказывать байки. Анна потихоньку брала по кусочку разных блюд, запивая небольшими глотами нового для неё напитка.

— Ну вот, ты и выпила 2 серебряника! — вдруг резко произнёс Бараздар.

Анна чуть не подавилась. Щёки горели. *Чёрт. Да сколько*

оно может стоить? Я выпила всего стаканчик?... Или два?

Гномы смеялись.

— Ладно, иди отдохни, — сказал Томер.

Анна встала. Ноги были ватными. *Я слишком расслабилась. Это была ошибка.* Томер проводил её в гостиную. Она была небольшой, но добротной: каменные стены, тяжёлая мебель, камин в углу. Ничего лишнего. Диван, словно магнит притянул её. Анна легла. По телу разливалось тепло — это расслабляло. *Так действует вино?* — лишь успела подумать она, как пришёл сон.

Анна проснулась резко, будто её выдернули из воды. Солнце уже стояло высоко и через окно било прямо в лицо. Несколько секунд она не понимала, где находится, потом память вернулась: Беланкор, дом Томера, вино, экзамен. Она всё ещё была в одежде. Ворот рубахи давил на шею, во рту стояла сухость. Она медленно села на диване, потёрла лицо ладонями и прислушалась.

В доме было почти тихо. Только из кухни доносился тяжёлый, раскатистый храп. Анна встала, оправила одежду и подошла к двери. На кухне, развалившись прямо на диване, спал Бараздар. Один сапог почти сполз с ноги, борода сбилась набок, рот был приоткрыт. На столе стояли кружки, недоеденное мясо, хлебные крошки и пустая бутылка. Воз-

дух был густой от запаха алкогольного перегара, жира и табачного дыма. Анна поморщилась. *Вот значит как у них выглядит встреча старых друзей,* — подумала она без всякого восхищения.

Стараясь не шуметь, она взяла со стола кусок хлеба, немного сыра и холодного мяса, налила себе воды и вернулась в гостиную. Там было светлее и чище. Она села за стол, отодвинула в сторону лишние книги, разложила перед собой учебники и тетради. Основы математики, счётное дело, логические задачи. Пальцы ещё были немного ватными после вчерашнего вина, но голова постепенно прояснялась. *Надо готовиться.*

Она читала до полудня, медленно вгрызаясь в текст, переписывая формулы и примеры, возвращаясь к трудным местам по два, а то и три раза. За стеной поначалу стояла тишина, и это было почти счастьем.

Но к обеду дом начал просыпаться. Сначала послышалось шарканье, потом кашель, затем недовольный бас Бараздара. Ему ответил Томер. Через несколько минут на кухне уже двигали стулья, гремели кружками и говорили всё громче, пока кто-то не затянул песню. Анна сжала зубы и уткнулась в страницу. *Не слушать. Просто не слушать.*

Она сидела до самого вечера, пока буквы не начали рябить в глазах. Когда за окном стемнело, она решила лечь пораньше — утром нужен был ясный ум. Разделась и легла на диван, накрывшись пледом. Сначала казалось, что усталость

всё-таки её продавит. Но за стеной всё продолжалось: пьяный бубнёж, тяжёлый смех, звон кружек, какие-то обрывки спора, затем снова песня — уже медленнее, хриплее и хуже.

Анна открыла глаза и долго смотрела в потолок. Сон не шёл. Она резко села, нащупала на столе фонарь, зажгла его и вернулась к учебникам. Тёплый жёлтый свет лёг на страницы, вырвав из темноты цифры, строки и схемы. Анна попыталась сосредоточиться, но это было тяжело. За стеной кто-то рывкнул, другой захохотал так, что, казалось, задрожали полки. Она зажмурилась, прижала пальцы к вискам, потом заставила себя снова смотреть в книгу.

— Надо подготовиться. Надо. Всё остальное потом, — тихо произнесла Анна.

Она читала, пока глаза не начали слезиться от усталости. Иногда смысл ускользал, и приходилось перечитывать один и тот же абзац снова. Иногда шум за стеной сливался в один тупой, давящий ритм. Один раз Анна не выдержала, откинулась на спинку стула и закрыла уши руками. *Да как можно столько пить?*

Но потом снова потянулась к книге. Так прошли выходные. Днём — учебники, цифры, задачи, формулы. За стеной — перегар, песни, хохот и тяжёлые гномьи голоса. Ночью — короткий, тревожный сон или вовсе бессонница.

Наступил понедельник. Утро. Странная компания двигалась по городу: два старых широкоплечих гнома, разящих перегаром, рыжий и седой, а между ними молодая девушка подросток. Анна чувствовала себя выжатой, но внутри у неё стояло упрямая, твёрдая решимость. Она была готова идти на экзамен в Техническую Академию на счетовода хотя бы потому, что уже заплатила за него усталостью.

Двигаться вперёд, — напомнила она себе — обещание, его надо было выполнять. Почти незаметно для себя она уже оказалась в большом экзаменационном зале.

— Имя? — спросил строгий гном в сером костюме экзаменатора.

— Анна Миркнаэль.

Она получила три листа с заданиями: сначала теоретические вопросы, затем тесты и задачи на расчёты. Ряды столов были выстроены идеально ровно. На каждом лежали песочные часы — 2 часа. Время начинало уходить с момента, когда абитуриент садился. Анна опустилась на стул, разложила чернильницу, перо, выровняла листы. От других кандидатов уже слышался тихий шорох перьев.

Анна выдохнула и начала писать. Сначала аккуратно, потом быстрее. Буквы ложились ровно, линия от пера шла уверенно. Она чувствовала: если где и можно показать себя, то здесь — в понимании, а не в силе. Она дошла до последнего вопроса — задача на логику, про торговцев и караваны. *Это сложнее, чем казалось*. Песок в часах уже почти закончил-

ся. Она перечитала условие, нацарапала схему на краю листа. *Подожди. Если первый караван вышел раньше...* Ответ щёлкнул в голове. Она дописала, поставила точку. *Успела.*

Экзаменатор уже стоял рядом. Анна совсем его не заметила. Он забрал работу и произнёс:

— Пройдите ко второй части в комнату испытаний.

Комната испытаний была тихой, почти пустой. В центре стоял массивный артефакт: металлический каркас и пластины, тонкие серебряные жилы, сходящиеся к центральному сердцевидному кристаллу. Он мерцал слабым холодным светом.

— Подойди, — сказал другой экзаменатор. — Ладони сюда.

Она сделала шаг вперёд. Металлические площадки были ледяными, словно артефакт ожидал сигнала, которого ещё не получил.

— Дыши спокойно. Он не причинит вреда.

Она кивнула — скорее себе, чем ему — и положила руки на металл. Внутри механизма что-то щёлкнуло, грани дрогнули, серебряные жилы натянулись. Устройство было активировано. Голубой огонёк в центре вспыхнул чуть ярче. Она ждала ощущения — любого: покалывания, тепла, отклика. Пыталась расслабить плечи, удержать ровное дыхание. Но вместо отклика чувствовала только собственный пульс в ладонях и холод металла.

Артефакт отозвался слабым звуком — тонким, пустым.

Пластины едва заметно засветились, но очень быстро свет начал гаснуть. Серебряные нити так и не натянулись. Она попыталась сосредоточиться глубже, медленнее вдохнула, снова выдохнула... но внутри была тишина. Нет едва заметно-го давления в груди, никакого движения. Артефакт снова щёлкнул — короче, чем раньше. Холодный свет в центре тускло дрогнул и погас. Артефакт завершил цикл.

Экзаменатор заговорил:

— Предрасположенность к техническим дисциплинам — высокая. Характер — стабильный. Талант к потоковой магии — низкий. Предрасположенность к стихиям — не обнаружена. Можете идти. Итоговые результаты и списки поступивших будут опубликованы позже.

Она тихо вздохнула, выровняла плечи и вышла из комнаты, чувствуя на ладонях всё тот же холод металла — единственный отклик, который дала ей машина.

Анна и Бараздар вечером сидели на кухне и ждали Томера из академии. Она рассказывала, как сдавала экзамен, и что всё успела. Гном удовлетворенно кивал. Послышался скрип двери. Когда Томер зашёл на кухню, Бараздар громогласно произнёс:

— Ну, как тебя моя ученица?

— Да, она молодец, всё сдала, но есть нюанс, — как-то

нерешительно и потупив глаза произнёс Томер.

Повисла пауза. *Что-то не так*, — возникла мысль у Анны, как рана.

— Я сейчас тебе покажу нюанс. Знаешь, как в том анекдоте? — прорычал Бараздар, багровея.

— Мы сейчас... налаживаем связи. Король... Это политика. Понимаешь? — оправдывался Томер.

— Политика? Мы с тобой всё обговорили! Ты мне обещал!

— Но все квоты в академии уже заняты.

— Анна, выйди, нам надо поговорить, — скомандовал Бараздар.

Она понуро вышла в коридор, потом зашла в гостиную, уткнулась в подушку на диване и ничего уже не слышала. *Я так старалась. И что теперь?* Слез не было, была какая-то давящая пустота, словно она оказалась на дне рва перед ступицей. *Возвращаться в деревню? Но что я скажу отцу?* Из мыслей её вырвал голос Бараздара.

— Чёрт побери, Анна, ты меня слышишь? Иди сюда.

Два гнома стояли на кухне. Бараздар зыркнул на Томера, после чего тот начал говорить:

— Прости, я виноват. Я не учёл все моменты, когда пригласил на экзамен. Получилась такая ситуация, что взять в академию на счётное дело мы тебя не можем. Но, — Томер замаялся, — есть другой вариант. Ты очень хорошо сдала экзамен. И я могу порекомендовать тебя на факультет рун.

Анна стояла. Не зная, что ответить. *Руны. Это магическое искусство. Что с ними вообще делать и как?*

— Отучишься, заработаешь целое состояние, — добавил Бараздар. — Это сложная, но зато очень ценная профессия. Да, Томер?

— Да. С рунами чужаков мы хоть почти и не знакомим. Но бывают исключения. Последний человек учился лет 100 назад. Правда его убило взрывом во время опытов.

Бараздар скривился.

— Будешь помогать Томеру по дому. Видишь же какой у него бардак? Мы с ним уже всё обговорили.

— Ну раз так, — тихо ответила Анна. Голос был ровным, но руки дрожали.

— Не кисни. Жизнь не кончилась. Не всегда получается так, как хочешь. Работа несложная: убираться, готовить. Даже жалование в 2 серебряных я тебе выбил, — гордо произнёс Бараздар и, хохотнув, подколот: — Прямо как тот стакан вина. А книг смотри сколько у него, всего полно. Ты же любила в детстве истории, вот и будешь читать.

Анна кивнула. *Не то, чего я хотела. Но назад дороги нет.*

3.2 Начало учёбы

На свои первые занятия Анна приехала вместе с Томе-ром Сандалгиром. В белокаменном корпусе, куда ушёл То-мер, занимались «настоящей наукой», как он это называл: старшие мастерские, закрытые лаборатории, высшие иссле-дования. Анне же предстояло учиться в обычной техниче-ской академии — сером, более прямолинейном и угловатом корпусе, выстроенном не для славы, а для дела. По её виду становилось понятно: её построили ковать кадры, которые затем становились шестерёнками всей системы Беланкора.

На входе Анна показала пропуск студентки.

— На Факультет Рун? — удивлённо моргнул проверяю-щий, пересмотрев пропуск. — Ладно, проходите.

Внутри академии было оживлённо. Утро. Все спешили. И кругом — гномы. Анна только шагнула под высокий камен-ный свод, когда где-то впереди резко ударил колокол — ко-ротко, по-деловому. Поток студентов сразу дёрнулся в одну сторону.

— Во двор! Быстрее! — рявкнул кто-то из старших. — Построение!

Анна не сразу поняла, что происходит, но волна гномов уже понесла её за собой. Через несколько секунд она оказа-лась в широком внутреннем дворе академии. Серый камень стен поднимался со всех сторон, окна смотрели сверху уз-

кими, холодными прорезями. По углам двора стояли статуи мастеров: бородатые гномы с циркулями, молотами, свитками и руническими пластинами в руках. В центре на низком постаменте — металлический столб с гербом академии: шестерёнка, охваченная пламенем.

Студенты выстраивались в ровные ряды с такой скоростью, будто делали это не первый десяток раз. Старшие быстро разводили младших по местам, коротко, без суеты, но с жёсткостью. Факультеты отличались цветами нашивок и знаков: у механиков — шестерня, у металлургов — слиток бронзы, у счётного дела — серебристо-чёрное перо, у рунников — равносторонний треугольник с пылающим пламенем сверху.

Анна замерла на миг, не зная, куда встать.

— Факультет Рун — сюда, — бросил ей какой-то старший студент-гном, даже не глядя в лицо.

Она встала в крайний ряд. Почти все вокруг были гномами в такой же тёмно-синей форме с серебряным гербом факультета на груди. Невдалеке маячила небольшая группа людей. Они тоже старались не выделяться. Анна чувствовала: смотрят не на них — смотрят на неё. Шёпот пробежал по строю быстро, как искра по сухой щепе:

— Это она.

— Человек на рунном?

— Да быть не может.

— По протекции. Не иначе.

Тёмно-синий жакет сидел на Анне плотно, подчёркивая ей фигуру, а рубаша под ним выделялась своим белым цветом. *Опять, как белая ворона. Надо привыкать*, — подумала она. Она выпрямилась, вспоминая Бараздара: «*Прямая спина. Не показывай, что ты жертва*». Но под десятками взглядов плечи всё равно хотелось втянуть. Она упрямо сцепила пальцы за спиной и подняла подбородок на полпальца выше.

На каменное возвышение у гербового столба поднялся директор академии. Он был стар, но не дряхл. Невысокий даже для гнома, сухой, как выкованный из железа. Борода — короткая, аккуратно разделённая на три плетёные пряди, каждая стянута серебряным кольцом. На нём был длинный тёмный сюртук с высоким воротом, а на груди висела тяжёлая цепь директора из серебра. Лицо — резкое, почти беспощадное, с таким выражением, будто он с юности устал от чужой глупости и не видел причин скрывать это.

Он дождался полной тишины.

— Добро пожаловать в Техническую Академию Беланкора, — произнёс он негромко, но голос разошёлся по двору так, что Анне показалось, будто камень сам помогает ему говорить. — Те, кто рассчитывал найти здесь удобную жизнь, ошиблись дверью.

Ни улыбки, ни торжественности. Просто факт.

— Здесь не растят мечтателей. Здесь готовят тех, кто будет держать на плечах ремесло, счёт, плавку, механику, ру-

ны и порядок королевства. Те, кто не выдержит, уйдут. Те, кто окажется ленив, глуп или распущен, будут отчислены. Те, кто почитает себя умнее правил, могут не ждать конца года.

По рядам прошло едва заметное напряжение. Кто-то сглотнул. Где-то скрипнул сапог. Директор медленно перевёл взгляд по строю. На миг Анне показалось, что этот взгляд дольше положенного задержался именно на её ряду.

— Запомните три вещи, — продолжил он. — Первая: точность важнее вдохновения. Вторая: дисциплина важнее таланта. Третья: цена ошибки в наших стенах выше, чем вам кажется.

Он сделал короткую паузу. Слева от Анны кто-то в строю нервно переступил с ноги на ногу. Впереди стоявший студент ещё сильнее расправил плечи. Директор продолжил:

— В академию допущены и приезжие. Это давняя практика для закрепления дружеских отношений с соседними странами. Однако, они находятся под защитой только до тех пор, пока соблюдают порядок, как и все другие. Будь то гном или человек, сын мастера, чиновника или поставщика короны — любой, кто решит, что происхождение даёт ему право на травлю, самоуправство или грязные игры, — будет наказан.

Последняя фраза упала во двор тяжело. Несколько голов едва заметно повернулись. Анна почувствовала это почти физически. Слова вроде бы защищали, но вместе с тем ещё сильнее подчёркивали: чужая.

— Ваше место здесь вы будете подтверждать не фамилией, а трудом, — закончил директор. — А теперь — по корпусам на занятия.

Он ударил концом трости о камень. Строй распался мгновенно, но без хаоса. Ряды повернулись, потоки снова потекли по двору и коридорам.

Анна стояла ещё секунду, будто запоздала внутри себя. Потом выдохнула и двинулась вместе с другими в южное крыло. *Значит, вот как здесь начинается учёба,* — подумала она. *Не с книг. С предупреждения.*

Она пошла искать свой кабинет «5а», в котором будет проходить лекция по дисциплине «Высокая математика». Анна шла и ощущала, как взгляды окружающих давят на неё грузом. Коридор был высок, арочный, и по нему тянулся ряд узких окон, откуда врывался утренний свет. Пыльные частицы, подсвеченные этим светом, кружили в воздухе, будто скопление крошечных светлячков. Снаружи виднелись внутренние дворы академии, мостики между корпусами.

Наконец показалась дверь с заветным номером. До начала оставалось ещё 10 минут. Анна зашла, окинула взглядом зал. Почти все места уже были заняты. Это немного удивило. С одного бока выделялась группа — две девушки и восемь парней, люди. *Ну, хоть тут не одни гномы. Наверное, студенты по обмену с других факультетов,* — с каким-то облегчением решила Анна и двинулась в конец зала к свободным местам.

У окна позади сидела одинокая студентка-гном. Анна подошла к ней.

— Можно к тебе сесть? Меня зовут А... — чуть не вырвалось её настоящее имя. — Анна Миркнаэль.

— А, так это ты. О тебе уже пол-академии шепчется, — немного восхищённо произнесла в ответ собеседница. — Ой, прости. Конечно, можно. Садись. А меня зовут Дзоргрит Кхазррак.

Анна кивнула и села.

— Приятно познакомиться. Я разве такая известная? — спросила она, явно сконфуженная.

— Да, твоя слава летит вперёд тебя, — немного хихикнув, произнесла Дзоргрит.

Лицо Дзоргрит — аккуратное, угловатое, с чётко очерченной линией скул. Ни намёка на бороду — её народ уже давно признавал женщин безбородыми, особенно тех, кто выходит в светские или академические сферы. Кожа была нежно белого оттенка, будто пропитана вечными отблесками луны. Голос у неё был низкий, бархатистый, а глаза — большие, глубокие, темно-ореховые, с характерным для гномов блеском наблюдательности. Волосы, чёрные, как ночь, были заплетены в две короткие, плотные косы, перехваченные бронзовыми кольцами с выгравированными символами рода.

Оказалось, что Дзоргрит тоже поступила на Факультет Рун и была однокурсницей Анны. Они немного побеседовали. *Возможно, это мой первый друг в этом чужом месте,*

— подумала Анна. Вскоре в зал вошёл преподаватель и началось первое занятие — и студенческая жизнь.

Высокая математика прошла без особых сложностей. Пока что это был лишь вводный ознакомительный курс с несложными расчётами, которые Анне давались легко. Она хорошо умела считать, так как плотно проштудировала учебники по обычной математике под ворчливым руководством Бараздара.

Перемена только началась, когда Анна закончила конспект и закрыла тетрадь. Следующее занятие пройдёт в этом же кабинете. Можно было немного передохнуть. Из открытого окна веяло ароматом свежей травы, от воды в декоративных каналах поднималась лёгкая прохлада. Несколько студентов рядом обсуждали задания.

Анна уже собиралась открыть книгу, когда услышала характерный звук — как будто кто-то нарочно громко стучит каблуком по полу.

— Ах вот ты где, — прозвучал ленивый, самоуверенный мужской голос.

Она подняла взгляд. Перед ней стоял молодой человек в форме академии, точнее, щёголь: золотая вышивка на вороте рубахи, поверх которой висел массивный кулон с сверкающим бриллиантом, на руке перстень с блестящим сапфи-

ром. Лицо ухоженное, выражение — смесь скуки и превосходства. За ним — два спутника.

— Ты ведь новенькая, да? — спросил он, наклоня голову чуть вбок, словно любуясь собой в воображаемом зеркале.

— Сегодня — все новенькие, — ответила Анна, пытаясь улыбнуться.

— Я имел в виду в Беланкоре.

Анна вежливо кивнула, хотя впервые его видела. Он медленно провернул на пальце сапфировый перстень и только после этого улыбнулся.

— Хорошо. Прекрасно, — протянул он, опираясь рукой о спинку скамьи так, чтобы казаться небрежным. — Я Тейлор фон Варенбелл. Ты, должно быть, Анна Миркнаэль. Да, я слышал о тебе. Знаешь, учиться здесь... сложно. Особенно без людей, которые знают, как всё устроено.

Его спутник сделал полшага вперёд, улыбаясь так, будто озвучивал заранее подготовленный текст:

— Его превосходительство Тейлор обычно помогает новичкам. Из лучших побуждений.

Потрясающе, что вы решили объявить об этом, — сухо заметила про себя Анна.

— Я тут с друзьями подумал, — продолжил он, указывая жестом на своих — компанию в количестве двух, но он сказал именно «друзьями» так, будто за спиной стояла армия. — Ты могла бы присоединиться к нам сегодня вечером. Мы соберёмся в малом читальном зале. Там... уютно. И нет тол-

пы.

Последние слова он произнёс слишком громко, так что почти все студенты в зале бросили на него косой взгляд.

— Благодарю, но у меня сегодня важные дела, — немного жёстко ответила Анна.

— Ну, брось, — фальшиво-снисходительно протянул Тейлор. — Учиться — это прекрасно. Но есть вещи важнее. Например... связи. Ты выглядишь умной. Не заставляй меня помогать тебе после того, как станет поздно отказываться.

Эта фраза была сказана так гладко, что почти звучала, как угроза, хотя и замаскированная под дружеский совет. Анна медленно втянула воздух, где-то внутри отозвалась ярость.

— Я ценю ваше внимание, — ответила она спокойным, твёрдым голосом. — Но выбирать компанию я предпочитаю самостоятельно.

Тейлор заморгал, как будто услышал не то, что ожидал. Он натянуто улыбнулся.

— Что ж, новенькая, варварша из северных пустошей, — произнёс он, выпрямившись, — посмотрим, как долго ты продержишься без помощи.

Он развернулся, раздался стук шагов. Его два спутника бесшумно последовали за ним. Анна наконец выдохнула, ощущая, как напряжение постепенно отпускает плечи. Но странное, липкое чувство оставалось: она поняла — этот Тейлор фон Варенбелл проблемный человек. *Варварша*, — Анна повторила про себя. Слово впилось, как заноза. Она

сжала кулаки под столом. *Значит, и среди людей я здесь не своя. Похоже, я слишком наивная, раз...* Её мысли перебил голос:

— А ты хорошо держалась, молодец, — сказала рядом сидящая Дзоргрит.

— Да, ещё чуть-чуть и я бы ему вмазала, — довольно угрожающе произнесла Анна.

— Ха-ха... А ты мне нравишься всё больше. Но будь осторожна с ним.

К концу первого учебного дня голова уже пухла от навалившегося материала. *Высокая математика, основы механики, теория сплавов... Одни технические дисциплины. И это только начало.* Анна потёрла виски. Но последняя лекция, уже шестая по счёту — «Основы магии и магических инструментов». *Хотя бы интересно будет,* — подумала она.

Анна зашла в лекториум, оглядывая зал. *Дзоргрит куда-то исчезла после предыдущей лекции. Ну и ладно. Привыкать надо к одиночеству.* Она села на задний ряд, опёрлась спиной на шероховатую стену. Дисциплина обещала окунуть в тайны, о которых она лишь слышала в сказаниях и домыслах у себя в деревне, когда ещё была Арани.

Дверь скрипнула — шушуканья прекратились. Показался мастер Дурвин Олрэнберг — черноволосый гном в круглых

латунных очках. Взгляд учёного — острый, аналитический. Такой, что привык резать мир на части и собирать обратно. Он шагнул в центр зала, его тяжёлые шаги гулко отозвались от каменного пола. Лекториум технической академии выглядел строго — углы прямые, своды давящие, ни одной лишней линии. Гномы не терпели украшательства там, где нужна точность.

Он начал читать лекцию:

— “Наш мир пронизывает Мана — это первичная энергия мира, основа всех процессов, которые выходят за рамки чисто физического. Она существует повсюду: в воздухе, почве, воде, живых существах, даже в камнях и тени. Это не магия в бытовом понимании, а общее поле силы, питающее магические явления, жизненные формы и скрытые механизмы мира.

Природу Маны не объяснить просто — это не вещество и не дух. Это:

- смысл, который заставляет материю слушаться. Рана затягивается не потому, что ты залил её светом. А потому, что мана поняла: здесь должна быть целая плоть;
- поток, который постоянно движется и стремится к равновесию;
- отклик мира на эмоции, жизнь, смерть, память мест и

событий;

- форма силы, которая может быть преобразована, подчинена магами, существами и растениями, артефактами и рунами.

Большинство живых существ вообще не сталкиваются с явным проявлением маны. Но это не значит, что её нет. Ману нельзя увидеть глазами, но иногда можно почувствовать — как напряжение, тепло, холод, легкое давление или вибрацию.”

[Мастер Дурвин рукой прочертил в воздухе дугу, привлекая внимание.]

— “Вы думаете я просто провёл рукой, но нет. Мана есть даже здесь в зале, и ощущается. Но в мире она распределена очень неравномерно: в большинстве мест мана сильно разряжена, но есть редкие места, где она сгущается и образует места силы. Магия там более природная и мощная. Сильные эмоциональные события оставляют отпечатки — участки, где мана хранит память о произошедшем. Природные явления — бури, извержения, пожары — тоже влияют на ману, оставляя свой уникальный след.”

[Мастер подошёл к доске. Мел скрипнул. Он нарисовал круг, разделённый пополам. Затем повернулся к студентам.]

Анна задумалась: *Мана есть везде. Значит и во мне тоже. Может я всё-таки смогу стать магом?* Но времени мечтать не было, она продолжила записывать.

— “Как любое физическое свойство или инструмент при-

роды, мана имеет единую основу, но проявляется в противоположных аспектах:

- светлый аспект — творение, гармония, надежда;
- тёмный аспект — разрушение, хаос, гнев.

Это не отдельные сущности — это одна река, текущая в двух направлениях. И если не держать равновесие, река утащит на дно. Во всём нужен баланс — это главное, что вам нужно усвоить.”

[Дурвин Олрэнберг приподнял очки. Суровый взгляд устремился на студентов.]

Анна следила за лекцией, их взгляды пересеклись. Глаза цвета потемневшей бронзы смотрели прямо на неё и будто проникали прямо в её суть. *Словно видят насквозь. Вдруг он всё узнает?* Паника кольнула. Она поспешно уставилась в тетрадь.

— “Всегда существует риск потери контроля над маной при её использовании. Это может привести к критическому результату и смерти, вашей, окружающих. Последствия могут быть настолько катастрофическими, что такими историями можно пугать, сидя у вечернего костра. Магия — это не игрушка, не доброе волшебство из сказок про фей. Это всегда искусство с риском, словно ходить по лезвию ножа. Это надо вбить в голову и навсегда запомнить.

Негативные последствия могут быть разнообразны: мутации плоти, искажения души, взрывы и тёмные трансформации артефактов, пожирание рун. Однако при правильном

подходе риск использования маны можно минимизировать, даже свести почти к нулю при задействовании определённых техник и методик, но не устранить полностью.”

[Мастер снял перчатку. Под ней — не плоть, а шестерёнки, техномагия. Гномы в зале зашептались. Дурвин постучал протезом по столу.]

Анна вздрогнула и крепче сжала перо. *Неужели это так опасно?*

— “Это моя цена за ошибку. Но я ещё легко отделался. Я не практиковал какие-то запрещённые техники. Беспечность — вот результат.

Но тёмная мана — куда опаснее. Её прямое использование во много раз увеличивает риски. Но это даёт и преимущества: во-первых, повышение боевой эффективности; во-вторых, быстрое высвобождение энергии. Неспроста в мире довольно много чёрных магов и сект, практикующих подобные подходы. И их вечная борьба с белыми магами.

В крайнем случае может произойти прорыв Чёрного Морoka. Этот термин пришёл к нам от народов северных земель и образован от слова «*morъ*» или «*mrok*». Прямой перевод обозначает смерть, эпидемия или тьма, мрак. Он укрепился в магической среде, так как хорошо отражает суть.”

[Пауза. Показалось, что свет ламп дрогнул. Дурвин прищурился.]

— “Чёрный Морок — это, своего рода, максимальное проявление тёмного аспекта маны, можно сказать, что злая

мана в чистом виде. Психоактивная сила, влияющая напрямую на разум и душу. Он может вызвать уже необратимые негативные последствия и безумие.

Прорыв Чёрного Морока — это когда маг или, в целом, любое живое существо, а также магический инструмент теряет возможность контролировать тёмную ману. Тёмная мана могла использоваться сразу, либо она могла попасть извне, притянута общим потоком. И происходит самое страшное — он, она или оно становится сосудом, втягивающим тёмную ману.

У кого-нибудь из вас был родственник, кто столкнулся с прорывом?”

[Поднялось три руки. Одна дрожала. Дурвин кивнул.]

— “Значит, вы знаете. Остальные — поверьте на слово: лучше сдохнуть быстро, чем стать чудовищем.

Во время прорыва тёмная мана стягивается в одно место, запустившее процесс, из окружающего пространства — быстро, словно поток воды после прорыва дамбы. И энергия тьмы, хаоса, разрушения начинает почти мгновенно искажать — сначала то, что инициировало данный процесс, а затем и окружение. Именно так родились многие чудовища и катаклизмы.

Если вы не готовы к такому риску, то бросьте связанную с магией учёбу! Сейчас.”

Мастер Дурвин остановился. В зале стояла почти гробовая тишина. Он нагнал на студентов жути. Но именно этого он и добивался. Анна сглотнула. *Мама... она сгорела, чтобы нас спасти. Это тоже была мана?*

Выждав паузу, Дурвин повернулся к студентам:

— У кого есть вопросы?

Последовали обсуждения. Кто-то спросил про артефакты, кто-то — про руны. Анна слушала вполуха, всё ещё думая о матери. Легкомысленное отношение, если у кого оно и было, испарилось, словно утренний туман.

Лекция продолжилась:

— Школы магии подразделяются на четыре основных типа.

Дурвин повернулся к доске и начал писать: «Артефактная, потоковая, руническая, ритуальная».

— На нашем курсе упор будет на артефакты и руны, — он обернулся и взглянул на часы. — Но об этом в следующий раз.

В коридорах академии прокатился механический звон. *Неужели последняя лекция закончилась?* — подумала Анна и устало потёрла лоб. Голова гудела, как кузнечный горн. С утра руны казались ремеслом, к вечеру — чем-то, что может оставить от человека только шестерёнки и шрамы. Она встала, уставшая, и медленно направилась к выходу.

3.3 Искусство рунописи

Новый день в академии. Специальная дисциплина «Искусство рунописи». Анна вошла в небольшой зал с рядами столов, поздоровалась с Дзоргрит и присела рядом. По стенам висели чертежи, рунические схемы и полотна с чёрными письменами; между ними горели лампы, заливая зал ровным, плотным светом.

В зале была только её группа: у каждого на левой стороне формы, переливаясь серебром, виднелась нашивка с гербом Факультета Рун. Анна насчитала двадцать гномов, и она двадцать первая. *Словно лишний элемент.* Молодые гномы мужчины уже все носили довольно пышные бороды. На общих лекциях потока сильно перевешивала мужская сторона. Здесь же девушек-гномов оказалось немало: восемь учениц. Все с чистыми лицами и заплетёнными в косы волосами. *Почему они на меня так смотрят?* Анна чувствовала, как женские глаза оценивающе разглядывают её.

Она раскрыла кожаную сумку и достала большой набор с толстыми белыми листами для каллиграфии, чернила и три кисти разной толщины. Это был новый набор, который купили вчера в магазине «Лунная Кисть». От бумаги ощущалась сухость и свежесть новых листов. Воспоминание о вчерашней покупке нахлынуло само:

Анна стояла у стойки, глаза разбегались: бумажные листы, свитки, чернила... Цены сильно разнились: от 3 бронзовых за кисть до каких-то баснословных в 10 серебряных — написано «волос соболя».

— Нужен набор для изучения рунописи, — произнёс мастер Томер, переводя взгляд, а затем добавил: — Для неё. И бюджетно.

Продавец чуть замешкался, но вскоре начал подбирать товары. Он выложи на прилавок три группы кистей разных размеров и позвал Анну. Прошло около 5 минут, как раздался недовольный голос Томера:

— Да что ты медлишь? Не жениха же выбираешь.

Анна испугалась и схватила три разноцветных — синюю, зелёную и красную — с позолоченными обжимками.

— «Три Лепестка Вдохновения» — это отличный выбор, — довольно произнёс продавец.

— Разве это бюджетно? — возмутился Томер.

Всё обошлось в 6 серебряных и 3 бронзовых Эйре. Томер записал в счёт долга. Эх, ужасе долги, — Анна могла лишь печально констатировать. Но зато кисти хорошие, и смотрятся они отлично. Она улыбнулась уголком губ.

— Анна.

Она услышала голос Дзоргрит и повернулась. Возле неё стоял коренастый рыжеволосый гном. Глаза цвета ржавой меди очень вдумчиво смотрели на неё.

— Это Хорглин Маргдар, — представила студента Дзоргрит.

Он кивнул.

— Приятно познакомиться, — ответила Анна.

— А ты правда с севера? — спросил он.

— Да. А что-то не так?

— Просто у нас в основном купцы людей с юга и империи, а северные земли далеко на западе за Великим Лесом Джура. А как у вас там? — поинтересовался Хорглин.

Вот и сложности, — подумала Анна. Она сама мало что знала о своей «новой» родине, но надо было что-то отвечать.

— Холодно, прямо как здесь в горах, — ответила она первое, что пришло на ум.

— Слушай, а у вас правда водятся снежные люди? Или это купцы опять врут?

Снежные люди? Она впервые о них слышала. *Надо срочно узнать про север, иначе опять влипну в подобную ситуацию.*

А если меня раскроют? Она начала волноваться.

— Да что ты с ней любезничаешь? — резко вклинилась студентка, сидевшая рядом. — Людей вечно тащат через чёрный ход, а нам потом слушать про талант.

Анна сжала кулаки.

— Вообще-то я поступала на счётное дело. Я упорно готовилась. А из-за этих самых связей меня туда и не взяли.

На неё удивлённо уставились глаза гномов. Анна продолжила:

— И лишь из-за того, что я очень хорошо сдала вступительный экзамен, меня порекомендовали на Факультет Рун в качестве исключения, — гордо закончила свою речь Анна.

Студентка только хотела открыть рот, как в зал вошла пожилая женщина гном. Это была мастер Элгрид Гордхолл. На подбородке у неё красовалась аккуратная, короткая борода — не пышная, а собранная в небольшую косичку, перехваченную тонкой тёмно-синей лентой. Чёрные волосы в косичке серебрились, и казалось, что на их фоне лента сияет ярче. Глаза голубые. Уши были укрыты за волнистыми прядями, но на каждом висела тяжёлая серебряная серьга с сапфиром и рунической гравировкой — искусная работа. Они качались, когда она поворачивала голову.

Она представилась и начала занятие:

— Магия рун основывается на символах, глифах, знаках и языке силы. Руна — это правило, команда, ключ, изменяющий свойства мира или направляющий поток маны. Это наиболее сложная школа магии. Требует идеальной точности и знаний. Ошибка в одной черте меняет эффект или делает руну опасной. Сейчас мы проведём наглядный опыт.

Элгрид подошла к рядом стоящей тумбочке и начала доставать... *Кружки? Зачем ей кружки?* — Анна удивилась не

меньше других.

— Вот три обычные деревянные кружки: две из берёзы и одна из дуба. Самые дешёвые. Ценой 1-2 бронзовых, — произнесла мастер.

Она налила немного воды в берёзовую и дубовую из рядом стоящего стакана.

— А теперь проведём опыт. Сейчас я нанесу на них полностью одинаковые руны, которые должны нагреть воду внутри, испарить её, а затем прекратить действие.

Элгрид махнула рукой, перед ней в воздухе повисла кисть, которая начала делать пируэты. *Это магия?* — подумала восхищённо Анна, она ещё никогда не видела её в действии. Кисть остановилась. На кружку легли какие-то светящиеся синим цветом письмена. И так по очереди.

— А теперь смотрите.

Она что-то прошептала. Из берёзовой кружки с водой пошёл пар, потом всё прекратилось. Берёзовая кружка без воды начала быстро чернеть и трескаться. В нос ударил запах дыма — острый, как предупреждение. Дубовая кружка держалась чуть дольше, но затем также почернела, пошла дымом; раздался глухой щелчок, и она раскололась пополам. Студенты начали переглядываться.

— Надеюсь, что вы поняли. Руна должна учитывать все свойства объекта, с которыми взаимодействуют. Иначе — ничего хорошего, как вы только что могли заметить. Есть вопросы?

— А когда мы сможем так же делать? — спросил басыстым голосом один студент.

— Если будете хорошо учиться, то, возможно, и сможете. И даже более захватывающие вещи, — немного загадочно ответила Элгрид.

Дзоргрит наклонилась к Анне и шепнула:

— Ты видела? Кисть в воздухе. Это же потоковая магия. Элгрид не просто мастер рун.

Анна кивнула, не отрывая взгляда.

— А у всех рас есть талант к рунам? — второй вопрос задала студентка с серебряной заколкой в волосах.

— Это больше зависит от способностей отдельно взятого индивидуума, чем от расы. Эльфы хороши в творческих дисциплинах, гномы в технических.

В зале раздались смешки. *Укол в мою сторону*, — подумала Анна и напрягла плечи. Мастер продолжила:

— Но если так подумать, то руны — это во многом сплав творческого и технического начала. Люди редко достигают предельной чистоты в одной области, зато умеют соединять в себе разные стремления.

Она повернулась в сторону Анны и уже строгим тоном продолжила:

— Если вы, гномы, будете отлынивать, то одна наша новая ученица обгонит вас.

В зале повисла тишина. *От меня ждуют успехов. Если не справлюсь — стану посмешищем. Томера я тоже не долж-*

на подвести. Значит, придётся доказать, что я здесь не случайно, — подумала решительно Анна, в груди появилось неприятное напряжение.

Мастер Гордхолл продолжила говорить:

— А теперь я покажу, как это делается правильно. Без спешки. Без магии. Только кисть, чернила и намерение.

Она подошла к центру зала и развернула чистый свиток. Бумага зашелестела, как дыхание.

— Прежде чем мы начнём, вам нужно понять главное свойство рун. Они не изображают предмет. Они изображают отношение к этому предмету. Мир следует за смыслом, а не за формой. Поэтому любой неточный штрих — не ошибка, а ложное намерение.

Она подняла кисть, тонкую, длинную, с мягким ворсом. Затем окунула её в густые чёрные чернила.

— Сегодня мы изобразим хорошо известный всем символ. Руна Тваргрун.

Первая линия была проведена строго снизу вверх. Движение ровное, твёрдое, без колебаний — как удар, не требующий повторения. Чернила легли плотной тёмной полосой, идеально прямой, словно вытесненной из воздуха — который тут же застыл.

— Тваргрун, — произнесла она, — начало любого процесса. Не энергия, не действие. Намерение. Воля. Первичное стремление. Руна Пути, с которого не свернуть. Она не разрезает пространство, она отсекает сомнение. Это первая

руна, которую обязан освоить тот, кто желает пользоваться письменной магией. В ней — всё остальное. И если вы не сможете выразить чистое намерение — не сможете выразить ничего.

Второй штрих лёг под углом влево вниз — резкий, целеустремлённый, будто крыло орла, указывающее направление удара.

Третий — симметричный второму, вправо вниз. В нём чувствовалась не слабость, а уравновешенность — вторая грань одной и той же решимости.

Все линии сошлись точно в вершине вертикального штриха, образуя простую форму — стрелу, но с силой, готовой пронзить небеса.

— Руна хорошо всем знакома, из Нижнего Круга Огня, Стали и Рода. Запомните форму. Но главное — запомните состояние. Тот, кто выводит Тварггун без ясности, пишет всего лишь три линии. Тот, кто выводит её правильно, пишет Путь.

Мастер отошла от свитка.

— Теперь ваша очередь.

Анна задумалась: *Какую взять кисть? Лучшие, наверное, среднюю, тонких линий нет.* Пальчики зажали осторожно, стараясь не касаться ворса. Движения Элгрид казались простыми, но повторить их точно было непросто: кончик кисти должен был почти скользить по поверхности, но не дрожать.

Она выдохнула и вывела первый штрих на листе. Он по-

лучился слишком толстым. Чернила расплылись, нарушив очертание.

— Слишком много силы, — мягко произнесла мастер, оказавшись рядом, как будто она была тенью. — Руны не любят напора. Они отвечают только на понимание.

Анна взяла новый лист. Выдохнула. Руки стали менее напряжёнными. На этот раз она не думала о линии — лишь о намерении: *Начало. Намерение. Воля. Первый шаг.* Кисть коснулась бумаги.

Линия вышла тонкой, ровной. Она начала второй штрих — но рука дрогнула. *Чёрт.* Штрих ушёл в сторону.

— Не думай о форме, — тихо сказала Элгрид. — Думай о том, куда ты идёшь.

Анна закрыла глаза. *Путь. Я иду вперёд. Я не сворачиваю.* Она взяла третий лист. На этот раз рука была твёрдой. Первый штрих. Затем второй — лёг точно под нужным углом. И наконец — третий. Чернота символа будто блеснула холодным светом. Анна почувствовала, что будто погружается в черную глубину страницы. Мир вокруг затих. Не было звуков, не было дыхания других студентов. Только руна — и её воля, слившиеся воедино.

Её вырвали из мимолётного забытия слова мастера:

— Хорошо. Помни это чувство. Оно важнее, чем техника. Техника придёт с практикой. Намерение — нет.

Анна выдохнула. Кто-то из гномов за соседним столом хмыкнул. Другой покосился в её сторону. Дзоргрит улыбну-

лась ей, но несколько студенток отвернулись, продолжая рисовать свои руны. *Они заметили*, — подумала Анна и продолжила практиковаться ещё упорнее.

Вокруг звучало тихое шуршание кистей. Каждый раз мастер комментировала: одних — поправляла, другим — подсказывала, у кого-то — просто внимательно наблюдала, будто оценивая не работу, а личность.

К концу занятия перед каждым учеником лежало несколько листов — испорченных, удачных, спорных, но честных. Мастер ЭлGRID прошлась по рядам.

— Ваше задание на завтра. Вы напишете руну Тварггун десять раз так, чтобы все десять имели один смысл. Не одинаковую форму — одинаковое намерение. Тогда мы перейдём ко второй руне — Солгрин. Она сложнее. Она озаряет Путь и гарантирует успех при правильном приложении силы.

Мастер ЭлGRID коротко кивнула и вышла. Ученики остались в тишине, рассматривая свои работы. Дзоргрит наклонилась к Анне:

— Ты справилась с третьей попытки. Это быстро.

— Ты тоже, — сказала Анна.

Дзоргрит хмыкнула и показала свой лист. Руна была ровной, но линии дрожали.

— Я шесть листов испортила. Мастер сказала: «Слишком много думаешь, мало чувствуешь».

Анна улыбнулась:

— А мне наоборот: «Слишком много силы».

Они рассмеялись. Анна собрала свои листы аккуратно, чувствуя лёгкую дрожь в пальцах. Плечи ныли. Глаза устали от чёрных линий на белой бумаге. *Но получилось. Я справилась.* Она выдохнула и положила кисти в сумку с новым пониманием: магические руны — это не заклинания, магические руны — это язык, в котором сила мира разговаривает с тобой напрямую. И ошибаться в этом языке — значит ошибаться в себе.

Путь. Намерение. Воля. Она посмотрела на свою руну — три линии, сошедшиеся в стрелу. *Мой путь — вперёд.*

3.4 Цена золота

Уже восемь часов. Неужели выходной, и сегодня не надо никуда идти? Анна перевернулась на бок и посмотрела в окно. *Белая стена.* Хотелось домой, где за окном был зелёный лес. Но сейчас её домом была эта комната у Томера. Первая неделя выдалась тяжёлой: академия, задания, работа по дому. Усталость копилась, как пыль на его книгах.

Надо вставать. Меня всё-таки взяли помогать по дому. По вечерам она понемногу убиралась в доме, и пыли уже стало заметно меньше. Анна подумала, за что ей взяться на выходных: *Наверное, за книги.* Именно они были основным элементом беспорядка в этом доме, похожего на склад. К тому же надо было найти информацию о северных землях. *Надо спросить мастера Томера. У него точно должны быть книги о странах,* — решила Анна. Но тут взгляд упал на письмо, лежащее на столе. Вчера его подбросили ей в академии:

Девочка с севера, мы знаем кто ты. Знаем, зачем пришла. Если хочешь, чтобы с тобой ничего не случилось — приходи одна в кофейню «Вкус Бархата» в это воскресенье в 16:00. Или беги.

Скоро увидимся.

Может надо мной кто-то решил так нехорошо пошу-

тить в академии? — подумала Анна. Но она вспомнила, как за ней следили в Урбите. *Может это та «Тень» в чёрном?* Ощущения из воспоминания нахлынули, охватил озноб.

— Всё в прошлом. Успокойся, — произнесла шёпотом Анна и выдохнула.

Немного придя в себя, она встала. *Лучше расскажу всё мастеру Томеру.*

Мастер был в своей мастерской, из которой он почти не выходил. Это было понятно из-за периодической брани, глухо раздававшейся через толстую дубовую дверь. Анна подошла к ней и аккуратно постучалась. Раздался недовольный голос:

— Да кто там пожаловал? Что, не видите: я занят? — ответил немного странно Томер, он летал где-то в своих мыслях.

— Мастер, это я Анна.

— А-а-а... Анна. Точно. Кто же ещё может быть в доме? Можешь зайти.

Комната напоминала одновременно мастерскую и лабораторию. Через большое окно солнце освещало это место науки: стеллажи со свитками, огромная доска, вся исписанная мелкими формулами, рядом на стене металлический диск — тёмно-синий, с письменами и стрелкой в центре.

У окна — стол, на нём разноцветные баночки с жидкостями и порошками, стальной стилус с алмазным наконечником, щипцы и другие инструменты. То тут, то там валя-

лись исписанные листы со всякими схемами. На полу, метр на метр, лежала квадратная пластина. Холодный металл поблёскивал. Сверху — сложная схема из линий и рун. В круглых ложбинах пульсировали слабым светом кристаллы. Томер ползал на коленях, водил циркулем, записывал измерения в тетрадь.

— Что-то хотела?

— Мастер, а у вас случаем нет книг про северные земли, которые за Великим Лесом?

— Северные земли... — Томер остановился и задумался. — Да. Где-то что-то было. Там в последней комнате есть книги по истории и другие не особо нужные, можешь там поискать.

Анна кивнула и нерешительно осталась стоять с письмом в руках.

— Что-то ещё? — спросил, взглянув на неё, Томер.

Она подала письмо.

— Мне кто-то в академии написал это. Я понимаю, что это скорее чья-то шутка или что-то в этом роде, но...

— Что «но»? — Томер пробежался глазами по письму.

— Мне показалось, что ещё в Урбите за мной следила «Тень», — сказала осторожно Анна.

— «Тень»? — нахмурился Томер, поднёс письмо к окну, прищурился. — Ты видела? Бумага и чернила недешёвые. Почерк — старается казаться небрежным, но линии ровные. Кто-то привык писать.

— Нет. Просто... чувствовала. А теперь это письмо.

— Может, студент — может, нет. Я обращусь к нужным людям. А ты пока не ходи никуда одна и будь осторожнее. Понятно?

— Понятно, — кивнула Анна.

Она развернулась, чтобы уже уйти, как Томер спросил:

— Не хочешь съездить со мной в кузни после обеда, мне надо заказать один артефакт?

— Хочу, — ответила она с интересом. *Посмотрю, как там всё устроено.*

Анна открыла дверь в комнату с потенциально нужной информацией. В нос ударил запах старости. *Склеп*, — подумала она. Книги громоздились вдоль всех стен: одни на забитых полках, другие на полупустых; на полу стопки, часть завалились. Всё перемешано. В углу висела паутина. Анна отмахнулась.

— Фух, работы непочатый край.

Она взялась наводить порядок. Протирала книги и расставляла по порядку: технические труды слева от окна, книги по рунам — справа, остальное — как получится. Время пролетело незаметно. Анна взглянула на часы.

— Уже обед, — немного удручённо произнесла она.

Взгляд упал на стул, стоящий возле выхода. На нём пока

лежало две книги «Легенды Северных Пустошей» и «Тамдинт Итрауэн Узаггар» с мелкой подписью «Город золотых звёзд» — это название её заинтересовало. Анна подошла открыла первую страницу, на ней — карта далёкой страны, город в пустыне, золотая стела в центре. *Красиво*. Она отложила книгу. *Потом почитаю*. И вышла.

В комнате ещё осталось полно работы, но дышаться стало легче.

Повозка мчалась на окраину южной части города, где располагались литейные цеха и основные производства. Анна видела издалека тянувшиеся в небо трубы, из которых валил густой дым, собираясь над крышами в тяжёлые чёрные пласты. Но она никогда не думала, что трубы будут настолько колоссальными — десятки и десятки метров ввысь.

В центральной части города было чисто и дышалось свободно. Ветер относил дым в сторону. Но здесь уже было совсем не так. Кругом сажа, она поднималась за повозкой след, смешанная с дорожной пылью.

Рокот заводов становился всё громче и громче. Анна сжалась и сглотнула. *Мы едем как-будто в логово страшного монстра*, — подумала она, когда показались литейные цеха, вырезанные в чреве горы. Вдоль огромных входов тянулись толстые ржавые трубы, как вены, по которым струилась его

злоба.

Повозка остановилась. Они слезли. В нос ударил резкий душающий запах: горечь серы и угольный дым. Анна закашлялась, словно вдохнула проклятье. Томер взглянул на неё и произнёс:

— Вот оно — лицо настоящего процветания гномов. Пошли.

Они двинулись во мрак чёрного проёма, уходящего прямо в скалистую породу. В центре — сердца: огромные печи, пылающие красно-оранжевым сиянием. В них бурлил расплавленный металл — кровь этого места. Он плескался, искря и шипя, отбрасывая танцующие тени на лица гномов рабочих — в потрёпанных комбинезонах и масках, что скрывают глаза, полные усталости.

Анна чувствовала жар на расстоянии. По спине пробежал пот. Но гномы находились возле самих печей, их руки, обожжённые и мозолистые, работали с жидким металлом. Выливали его в формы: чугунные утробы, где рождаются орудия войны, якоря для кораблей и цепи. Грохот молотов эхом отдавался в костях.

Я думала у нас на шахте плохо, но здесь ещё хуже. Анна вздрогнула, когда мастер Томер окликнул её. Они двинулись в боковой проход, освещённый тусклыми фонарями. Подул прохладный ветер, и в голове у Анны чуть прояснилось. Она поняла: здесь ковали не детали, а судьбу целой страны; и цена — адский труд.

Когда они шли по коридору, Анна заметила на стене выцарапанную руну — кривую, будто сделанную ногтем. Рядом — тёмное пятно, похожее на кровь.

— Мастер, это...

— Не смотри, — отрезал Томер. — Здесь иногда срываются. Жар. Усталость. Не все выносят такой работы.

Они дошли до нужного места. Дверь. Стук. И они оказались внутри. *Не жарко и не холодно.* Фонари на стенах ярко освещали комнату. По бокам полки с документами. В центре дубовый стол, за которым сидел широкоплечий рыжебородый гном в чёрной робе — не новая, но довольно чистая. Он работал с документами.

— А, мастер Томер. Рад вас видеть, — произнёс тот, заметив вошедших.

— И я рад, Гордар, — они обнялись.

— Зачем пожаловали? Не просто же так.

Томер достал из наплечной сумки и подал свиток. Гордар долго разглядывал, чесал затылок.

— За цену не переживай, бюджет уже обговорён с Мастером Кузни и Академией, — сказал Томер.

— Сложная работа. Но сделаем. С середины недели приступим, если не будет задержек по руде,

Гордар потянулся к полке с рюмками, но Томер покачал головой:

— Извини, представляешь, я же взял себе ученицу. Теперь приходится быть примером. Да и дел сейчас невпрово-

рот.

Гордар перевёл взгляд на Анну, нахмурился, но промолчал. *Так вот для чего он меня таскал, отвязаться от очередного пьянчуги.* Они уже собирались выходить, когда из соседней комнаты донёлся женский голос — не громкий, но такой надломленный, что Анна невольно обернулась.

Дверь была приоткрыта. За столом сидел писарь в кожаном нарукавнике и быстро водил пером по ведомости. Напротив стояла женщина-гном в сером платке, с двумя детьми. На руках у младшего — сажа; будто он только что сидел на камне у цеха. Она держалась прямо, но пальцы так вцепились в край стола, что побелели.

— По уставу, — сухо говорил писарь, не поднимая глаз, — семье положена выплата за увечье кормильца в размере месячного жалования 26 серебряных Эйре.

Он перелистнул страницу.

— Однако за ним числился долг за жильё, сапоги, инструмент и аванс на зимний уголь. После вычетов к выдаче... — он помолчал, сверяясь с цифрами, — 6 серебряных и 8 бронзовых.

Женщина не сразу ответила.

— Он руку в печи оставил, — сказала она тихо. — Как он работать будет? Чем мне теперь детей кормить?

Писарь пожал плечами так, будто речь шла о мешке руды.

— Это уже не по ведомости.

Анна застыла. *Минус долг. Минус сапоги. Минус уголь.*

Значит, цена руки — 6 серебряных и 8 бронзовых. Её пере-
дёрнуло. Томер заметил её взгляд и коротко сказал:

— Пошли.

По дороге назад они заехали в пару мест и вернулись толь-
ко к ужину. Поездка вымотала. В своей комнате Анна зава-
лилась в кресло, вытянула ноги. Они гудели. Она положила
на стол перед собой две книги, которые нашла. *С чего бы на-
чать?* Город Золотых Звёзд звучал очень мистически. Рука
словно сама потянулась.

Далеко на юге за Черноморией и дальше, за водами Мо-
ря Звёзд есть страна. Солнце светит там круглый год, дуют
сухие ветра. Кругом пески, что поют древние стихи. А но-
чью светят звезды для пытливых умов. Говорят: они откроют
тайны. Но кругом — сушь да смерть. Лишь редкие оазисы
манят питьевой водой, пышной зеленью и надеждой. Но не
тешь себя путник: не всё, что ты видишь — истина.

Тамурт Узаггар Амеллаль — название той страны, что в
переводе занчит «Страна белого золота». И правда, та стра-
на богата. Есть залежи руд, металлов и золота. Но не от то-
го она получила название. Главная драгоценность страны —
это белые манокристаллы, что есть в рудниках на тех землях.
Это и есть белое золото. Идеальный источник чистой энер-
гии для магии, за который лились и льются реки крови.

Много было войн в тех землях. Прошли тысячи лет. Но до сих пор стоит их нерушимая столица Тамдинт Итрауэн Узаггар или «Город Золотых Звёзд». Славится он сильной школой науки и магии, что оставила отпечатки в эпохах. А в центре города — стела из золота, высотой 3 метра. Символ познания и богатства.

Ходит много предположений, кто и зачем построил ту стелу. На верхней части изображена карта звездного неба, но пытливый глаз учёного заметит, что карта искажена: созвездия поломаны, лишние точки.

По одной версии первый Великий Шах — основатель города — увидел во сне стелу и приказал её построить. Но имя самого шаха затерялось в пыли истории, и не осталось никаких документов, чтобы проверить — правда это или ложь. По другой версии в древние века в пустыне стоял настолько великий город, равных которому не было во всём мире. И там стояла стела, тянувшаяся ввысь до самих звёзд. Город тот был затерян, а стела лишь жалкая копия той.

Но всё это только легенды. И скорее всего выдумки, чтобы привлечь внимание. И это удаётся. Город Золотых Звезд стремятся посетить торговцы, учёные и маги из дальних земель. Неизвестно сколько тайн скрывают те земли.

Анна читала. В окне — тёмное пятно луны Эребус. Она

перелистывала страницы. И совсем не заметила, как уснула:

Выл ветер. Песок поднятый бурей бил в лицо. Ничего не видно ни на шаг вперёд. Но буря стихала. И показался огромный прозрачный защитный барьер с лёгкой синевой. Песок бил в него, но отскакивал, лишь немного поблёскивая на фоне ночи. А под ним город.

Идеально ровные улицы тянулись от края до края. Не дома, а дворцы из алебастра и мрамора. По краям яркие фонари, зелёные пальмы и алые гранаты. Город бурлил, словно ночь для него день. В центре огромная площадь, бьёт фонтан. Она заполнена: торговцы и покупатели в красочных одеяниях снуют туда-сюда. Лавки с шелками, блестящими драгоценными камнями, зельями и свитками запретных знаний. Анна вдохнула — шафран, ладан, что-то сладкое и пряное. В воздухе парили ковры, на них — мудрецы, творящие чудеса взмахом руки.

В роскошных ресторанах сидят люди, тихие разговоры о науке, магии. Им несут блюда от лучших поваров. Разлетается запах вин, мясных блюд и специй. В телескопы можно увидеть джиннов — в амулетах мерцают кувшины звёзд. А в центре главный символ — золотая стела, возвышающаяся над городом до небес. Их царь. На ней звёзды, они горят синими огнями. Она — их небо, она — их солнце. Царство си-

яет, как бриллиант в короне ночи, напоминая: знание — это магия, а магия — вечная наука.

Но что-то было не так.

Анна почувствовала это раньше, чем увидела. Словно мир вдохнул — и замер.

Город застыл. Звёзды на стеле дрогнули. Земля задрожала. Крики. Ужас. Стела закачалась. Бежали маги. За ними люди. Стела накренилась — великан, готовый упасть.

По улице бежала женщина с 10-летним мальчиком. Тень неумолимо надвигалась на них. Она прокричала:

— Аксиль, беги! Не оборачивайся!

И он бежал. Стела рухнула, погребая улицы, дворцы и жизни. Дети кричали. Но их уже не слышали. Мальчика отбросило, он ударился головой. Кругом пыль. Аксиль не умер. С трудом он встал и повернулся, по лицу текла кровь. Позади была стена из золота. Потекли слёзы. В голове слова: «Аксиль, беги!». И он снова побежал, как многие, и не оборачивался. Земля трескалась, а затем разверзнулась, будто пасть монстра, проглатывая город.

Башня с часами ещё стояла. Она уходила последней. Тик-так, тик-так... Истошно била её стрелка.

Первые лучи солнца. Утро. Беланкор просыпался.

Анна открыла глаза. Сон? И тик-так, тик-так... Двигалась стрелка часов на стене. Сердце билось учащённо. Она дотронулась ладонью лба — в поту. *Стела. Башня с часами? Они шли в обратную сторону?* Она приподнялась. Взгляд упал на книгу «Тамдинт Итрауэн Узаггар», лежащую рядом на столе.

Обложка блестела в утреннем свете. Анна потянулась к ней, открыла первую страницу. И замерла. Рисунок центра города. На нём площадь и стела: похожая, но другая — намного меньше. *Копия.*

3.5 Тень солнечного чайника

Техническая академия. Занятие по предмету «Рунные артефакты», которое вёл старый седой гном Гудвин Сэлиндзар:

— “Создание артефактов — это настоящее искусство по воплощению особых магических инструментов. Артефакты могут нести в себе специальные магические заклинания и чары. А также они могут функционировать как фильтр, как усилитель или как хранилище маны. На нашем же курсе мы будем изучать взаимодействие артефактов и рун.

Сила артефактов зависит от квалификации создателя и материалов. Это очень тонкий и кропотливый процесс.”

[Мастер замолчал. Он на мгновение задумался, водя старческой рукой по седой бороде. А затем выпрямился и гордо продолжил.]

— “Вы, наверное, все знаете про рунический поезд. Именно я занимался разработкой последней модели. 5 лет кропотливой работы. Удалось поднять мощность двигателя на 7% без увеличения количества потребляемого топлива.

Магическим артефактом может стать практически любой объект, если знать его природу, структуру и особенности взаимодействия с маной. Однако...”

[Мастер Гудвин поднял палец.]

— “Сколько не пропускай ману через обычный камень — пользы ноль. Для высвобождения настоящего потенциала создают специальные артефакты, где заложен, рассчитан и подготовлен материальный контур или канал для маны, учитывающий физические свойства вещества и форму.

Рунная запись накладывается поверх. Она создаёт информационный контур — команду, логику, условия для взаимодействия с маной. И это очень сложно. Вместе они действуют как система: материя + воля. Говорят даже, что великие учёные в прошлые эпохи создавали железных големов с разумом.

Если просто: артефакт — это тело, руна — голова, а мана их питает.”

[Мастер прошёлся вдоль доски, взял мел.]

Анна перестала писать. *Железные люди? Насколько же сильны они могли быть? У них же нет крови. А душа?*

— “Артефакт состоит из набора компонентов и материалов. Тип материала: дерево, живая ткань, жидкость, металл или их сплавы. Их процентное соотношение, структура материала, расположение компонентов. Всё надо учитывать, чтобы задать требуемую функцию, которая затем будет работать.

Руне нужна энергия, которая будет питать артефакт. Это может быть:

- природная энергия из окружения, как свет солнца, жар

огня, лунный свет, преобразуемая затем в ману;

- мана, передаваемая от мага;

- мана из компактных источников, как манакристаллы или другие созданные ёмкостные источники.

И сегодня мы с вами займемся созданием первого рунического артефакта.”

[Мастер взял паузу. Студенты заметно оживились, глаза загорелись. Именно за этим они и шли учиться. Мастер Гудвин довольно наблюдал. Это была его сцена.]

Анна задумалась: *Первый магический артефакт.... это так интересно. Может это будет фонарь? Или какой-нибудь маленький полезный предмет?* На миг ей вспомнились брат, сосновая шишка и запах смолы после дождя.

[Гудвин улыбнулся.]

— “Все представили, что бы хотели сделать? Возможно, вы это создадите потом сами. А мы пока займемся солнечным чайником. Точнее не самим чайником. А практикой по нанесению последней рунической записи, которая будет собирать свет и переправлять энергию дальше, на руны нагрева, если так можно выразиться.

Это один из самых простых и практичных артефактов с внешним источником энергии, которую можно преобразовать в ману. Когда светит солнце, то всегда можно будет попить горячего чая, хоть и придётся подождать немало. Руна запуска основана на стабильной солнечной руне Солгрин. Солнечный свет имеет довольно невысокую интенсивность

энергии, поэтому ждать надо долго, а опасность низкая. Максимум перегрев чайника, но металл справится. Это одна из самых безопасных конструкций.”

[Мастер Гудвин достал из шкафа 21 солнечный чайник. Они были полностью чёрного цвета. Он позвал двух студентов, они помогли их распределить вместе со специальной плотной чёрной рунической бумагой, особыми белыми чернилами и свитком.]

— “Так, я вижу вам раздали все нужные материалы. На чайнике уже имеются специальные руны:

- материальная руна — описывает объект как закрытую ёмкость и преобразует поступающую ману в тепло;

- руна потока — описывает внутренние каналы, по которым течёт мана;

- руна стабилизации — предотвращает всплески маны и равномерно её распределяет.

Вам нужно изобразить на рунической бумаге такую же руна, что на свитке. Это руна сбора солнечной энергии и преобразования в ману. Затем оберните листом чайник. Руна должна начать слабо светиться, а от чайника появится мягкое тепло.

Если допущена ошибка, то лист либо не активируется, либо даст совсем слабый эффект, почти незаметный, либо будет нагреваться сам по себе.“

Анна подняла руку. Гудвин Сэлиндзар увидел её и кивнул.

— Мастер, а почему чайники и бумага чёрные? Это надо для какого-то эффекта?

— Хороший вопрос и предположение, Анна. Свет — это поток энергии, который летит, словно ветер. Днём мы его видим, а ночью — нет. Так почему чайник чёрный?

— Вы хотите сказать, что чёрный цвет поглощает энергию? — задумчиво спросила Анна.

— Именно, молодец. Лучи падают и поглощаются, поэтому нам кажется, что объект чёрный. При наличии какого-либо цвета на материале часть лучей отражается. Это эффект восприятия. Законы физики. А теперь за работу. День выдался ясный.

Анна развернула свиток. *Это очень сложно.* Хорошо, что на нём было описание внизу. Схема изображала крупный квадратный контур с лёгкими наружными зачесами — стабилизаторами потока. Внутри, на трёх сторонах рамки, кроме верхней, были нанесены миниатюрные руны Солгрин, каждая с тремя короткими штрихами — для захвата лучей. Верхняя сторона оставалась свободной, направляя энергию вверх.

Центральная часть содержала две ровные вертикальные параллельные линии — главный канал подачи солнечной энергии. К каждой из них под острым углом примыкал ко-

роткий диагональный штрих, выполняющий функцию запуска. Над каналом, почти касаясь рамки, располагался полукруг — символ световой арки, а под ним точка-узел концентрации, собирающая и преобразовывающая солнечный импульс в единый поток маны.

Анна достала свой набор кистей «Три Лепестка Вдохновения». Без тонкой синей и средней зелёной здесь было не обойтись. Вокруг она то и дело слышала вздохи студентов. Она уже хотела приступить к работе, как её отвлекла другая сцена.

К воротам академии подъехала чёрная карета — гладкая, как чёрный мрамор — с отделкой из жёлтого сафьяна. Обода колёс позолочены. На дверях гравировка в виде гранённых драгоценных камней. Перед каретой неслись три пары тёмно-гнедых. На лбах лошадей сверкали небольшие гербовые пластины в форме заострённого ромба. Прохожие удивлённо оглядывались.

Выглядит как-будто из сказки. Какой-то богач, — подумала Анна, заметив её из окна. В городе она таких ещё не встречала, но быстро отбросила мысли и продолжила скрупулёзно выводить руну.

Охрана проверяла документы у подъехавших. Бреннан фон Варенбелл — статный мужчина в тёмно-бордовом пи-

джак — сидел внутри кареты и барабанил пальцами по подлокотнику. Вскоре карета заехала в ворота и остановилась.

— Ваше высочорodie, мы прибыли, — произнёс слуга, открыв дверь кареты.

Бреннан холодно кивнул, поднимаясь со своего места. За ними, стоя у окна, наблюдал ректор академии. Лицо — строгое, недовольное. Руки за спиной.

— Пожаловали. Ведут себя так, будто они здесь хозяева, будто это их богатства, — ректор сказал так, как будто застиг воров в своём амбаре.

Он отошёл от окна и сел в кресло. Раздался удар кулаком о стол.

— Ни толики почтительности. Ни толики уважения. Ещё этот его придурок-сын. Мог ли я когда-нибудь представить, что ученик, ещё и человек, будет угрожать другим. В моей академии! О, нет. Мы позволяем слишком многое этим людям. Всё это до добра не доведёт.

Ближе к концу занятия пара студентов подняли руки. *Им удалось*, — отметила Анна немного удручённо.

— Неплохо, — сказал мастер, — уже два студента справились. Порой и никто не справляется с первого раза.

Перед самым звонком была поднята ещё одна рука. Анна повернулась. *И Дзоргрит справилась. А я нет. Это сложнее,*

чем я думала. Может я просто недостаточно стараюсь?

— Кто не выполнил задание, тот может взять солнечный чайник домой и практиковаться дальше. Это и будет ваше домашнее задание. А три наших героя, могут отдыхать, — сказал довольно мастер Гудвин.

После учёбы дома, пока было светло, Анна практиковалась с начертанием руны, но результат был неудовлетворительный. Она ловила форму, но не чувствовала смысла. Солнце оставалось для неё просто светом, а не живым теплом. Начало темнеть.

— Что я делаю не так? — произнесла Анна, когда уже готовила еду.

Наступил ужин. Анна и Томер сидели за столом.

— Анна, что-то не так? Выглядишь, как холодный чай без мёда, — сказал Томер и хохотнул.

— Да, чай... С солнечным чайником проблемы. Не могу изобразить правильную руну, — устало и печально ответила она.

— Эх... — Томер задумался, а затем гордо добавил: — Помню, помню. Я когда учился, то первым в группе был, кто освоил. А что не получается?

— Линии вроде верные, но греется либо лист, либо очень слабо.

— Я когда выполнял это задание, то представил: тёплое весеннее солнце восходит; я иду по дороге и ощущаю его лучи, на сердце становится теплее; снег в горах тает. Или

что-то в этом роде. Главное передать личное восприятие и смысл. Руны — это зеркало души.

— Я понимаю. Элгрид Гордхолл нам сказала приблизительно тоже самое, — ответила Анна и вздохнула.

— Кстати, слышал — одного из студентов арестовали за угрозы. Тейлора фон Варенбелла. Его отец примчался из Урбита вытаскивать сына, — сказал Томер и подмигнул.

Анна уставилась на него. Вилка замерла в воздухе. *Значит это не «Тень». Тейлор.* Лицо его всплыло в памяти — самоуверенная улыбка, кулон с бриллиантом, взгляд сверху вниз. *Что он теперь сделает?* Пальцы сжались на ручке вилки так, что побелели костяшки.

— Анна, — Томер нахмурился, — ты в порядке?

Она разжала пальцы.

— Да. В порядке.

Нет, не в порядке. Он меня не простит. Томер же принялся за тушёное мясо баранины. Анна приготовила его сама.

Так они и сидели, пока мастер не вытер рот салфеткой и не заговорил:

— А не хочешь попробовать изобразить другую руну? Также для солнечного чайника. Но принцип работы другой. Представь! Будет работать даже без света.

Анна посмотрела на него вопросительно с удивлением, но ничего не ответила.

Томер задумался: *Если хотя бы будет небольшой отклик на тёмную руну — значит, талант к ним есть. Артефакт*

на экзамене показал проблемную предрасположенность к тёмной мане. Надо проверить. Риск невелик — лист с руной должен быстро сгореть, если что-то пойдёт не так. Затем он поднялся и вышел.

Вернулся он уже со свитком. На нём была изображена странная руна: линии разной длины, асимметричные штрихи, полукруги. *Сложнее раза в три точно*, — подумала Анна, чем та, с которой у неё и без того были проблемы. Она недоверчиво посмотрела на мастера.

— Если будет желание, просто попробуй. Да, она сложнее. Это, можно сказать, моя частная работа. Я исследую нестандартные руны. Эта собирает природную энергию разных типов, поэтому сможет работать и без света. Ну... или по крайней мере, я так надеюсь. Но она уже опаснее обычной руны, задействует тёмную ману. При её начертании надо представить тьму: к примеру, ночь и энергию циркулирующую в ней. Встраивается в ту же рунную систему, что и на чайнике.

Анна сидела и ничего не говорила. Она чувствовала, что её толкают к какому-то опасному мероприятию. Томер же решил, что у него выторговывают более выгодные условия.

— Если справишься, я даже куплю, что захочешь. Конечно, в рамках разумного. Но если почувствуешь усталость или головокружение — сразу останавливайся. Понятно?

Она всё-таки решила попробовать и кивнула.

— Я серьёзно, — Томер посмотрел ей в глаза. — Не рискуй.

Роскошно обставленная комната. Тейлор фон Варенбелл стоял в центре, потупив взгляд в пол.

— Подними голову, — раздался властный мужской голос.

Он осторожно поднял. Их взгляды пересеклись. Перед ним стоял его отец Бреннан. Как в тот же момент по лицу прилетела хлёсткая пощёчина.

— Ты что придурок?! — громко, чуть не закричав, произнёс отец. — Мне пришлось бросить все дела и примчаться сюда.

Щека жгла. Тейлор потёр её рукой. Отец ещё никогда не бил его по лицу.

— П-прости. Я просто хотел немного приструнить эту наглую выскочку.

— Приструнить? — отец кипел. — Да там были угрозы. Мне пришлось вызволять тебя из-под ареста, будто какого-то преступника. Боже, за что мне это? Наша семья должна прокидывать мосты, налаживать связи. Именно на этом мы заработали состояние. А ты?

— Я перегнул палку.

— Ну, хоть это ты понимаешь. Больше не приближайся к той девочке, — произнёс Бреннан фон Варенбелл и, хлопнув дверью, вышел.

Тейлор остался один. Он стоял неподвижно, сжав кулаки.

Затем рванулся к столу, схватил стул и швырнул об стену.

— Да. Не сейчас. Я не подойду к ней сам. Для этого есть другие люди, — злобно произнёс Тейлор.

Полуночь. Томер вышел из мастерской и устало проворчал:

— Опять провозился допоздна.

Он направился на кухню, чтобы чем-нибудь перекусить. Приблизившись ко входу, он остановился, на стене был красноватый отблеск и, как сначала показалось, под потолком дым. Он рванул в кухню.

Было темно. Лишь сбоку светило красное пятно. Он зажёл фонари. На кухне клубился пар словно туман — густой, липкий. На металлической плите всю кипел солнечный чайник.

— Как она смогла? Неужели у неё получилось? — воодушевлённо произнёс Томер.

Он вдохнул. Это был не запах дыма, металла. Пахло чем-то живым. *Как тиной и разложением на болоте ранним утром*, — возникло сравнение в голове. Томер понял: *Не получилось. Или я ошибся в схеме? Эх, эти тёмные руны очень сложны и нестабильны.* Крышка чайника побрякивала, а по кругу его обвивал раскалённый до красна лист со странной руной, сияющей фиолетово-жёлтыми переливами, которую

он сам предложил использовать Анне во время ужина.

Взгляд Томера скользнул вниз, и он увидел её. Анна лежала на полу. Томер испугался и подбежал. *Пульс есть. Живая. Слава шестерёнкам.* Она лежала без сознания. Он поднял её на руки, отнёс в комнату и аккуратно положил на кровать. Лоб был горячий. Томер подставил ладонь ко рту.

— Дыхание ровное. Повезло. Всего лишь ментальное переутомление, — произнёс Томер и облегчённо выдохнул.

Он поспешил обратно в кухню, по пути забежал в мастерскую и схватил первые попавшие под руку металлические клещи и защитные перчатки.

Уже в кухне Томер схватил чайник за ручку и клещами стал отдирать лист с руной. Лист с трудом, но поддавался. Под ним местами открылись прожжённые в металле отверстия, кипятки хлынул наружу, ударил пар. Руки Томера обожгло, но он стиснул зубы и продолжал тянуть. И вот — последнее движение руки, лист был оторван.

— Проклятье... Я не должен был давать ей эту руну. Слишком рано. Слишком опасно, — оседая на пол и тяжело дыша, произнёс Томер.

Он посмотрел на обугленный лист с руной. Руническая цепь была разорвана. Процесс прекратился. Продырявленный чайник медленно остывал. Из нижних отверстий ещё медленно вытекала вода.

— Отделались небольшим испугом. Но отклик был. Значит, талант к тёмной мане есть.

На следующее утро Анна с трудом встала. Она была в одежде. Голова раскалывалась. Она лишь помнила, что прошлым вечером практиковалась с солнечным чайником, но его нигде не было видно. Мастера Томера уже не было. На кухне был какой-то беспорядок. Разбираться времени не было, она быстро собралась и поплелась в академию.

Соседняя улица. Мусорный бак. Чёрный солнечный чайник лежал под грудой мусора. Прожжённые дыры зияли, как раны. На дне — светлая линия. Тонкая, еле заметная. Что-то упало сверху. Бак дрогнул. Линия шевельнулась. Медленно, словно веко, она разошлась. Глаз. Зрачок цвета крови уставился в черноту. А затем глаз моргнул.

3.6 Зимний город

Зима. Близился новый год. Около 3 часов дня. Чёрная карета остановилась в южной части города у таверны с закопчённой вывеской «Весёлая Кирка». Двое в чёрных плащах с капюшонами вылезли. Один был высокий широкоплечий человек, другой — молодой парень с высокородным видом, Тейлор фон Варенбелл.

Они зашли. В таверне было почти пусто. Подошли к стойке, за которой гном-бармен протирал пивные кружки.

— К Кольдморгу, — сказал высокий и подал одну серебряную монету.

Бармен не обратил внимания. Высокий подал ещё одну.

— Пойдёмте, — сказал холодно бармен.

Они спустились в подвальное помещение. За столом сидело двое гномов и играли в карты. Гномы удивлённо взглянули на них. У одного была татуировка на руке с киркой и ножом накрест. Он резким движением вынул кинжал.

— Ха, какие гости, люди, — произнёс он злобно хриплым голосом.

Высокий вынул лист с изображением Анны и передал. Внизу подпись: «Анна Миркнаэль — студентка технической академии по обмену с севера. Бедные дворяне, без влияния». Далее шло описание: где живёт, приблизительный распорядок дня.

— Нужно, чтобы она поняла свою ошибку, — сказал Тейлор и, вспомнив лицо отца, добавил: — Не переусердствуйте. Мне не нужен труп или калека.

Гном с татуировкой взвесил лист на ладони.

— Академия, — произнёс он. — Значит дороже.

Тейлор кинул увесистый мешок с монетами.

— Половина сейчас. Остальное потом.

Гном с наколкой развязал шнурок, заглянул внутрь и криково усмехнулся.

— А если она с первого раза не поймёт?

Тейлор выдержал его взгляд.

— Тогда объясните доходчивее.

Гном с наколкой протянул руку, Тейлор решительно шагнул и пожал её.

Несколько дней спустя, 24 января.

Анна вышла из технической академии. С неба не спеша опускались пушистые хлопья белого снега. Они поблёскивали на солнечных лучах. Спустившись по ступенькам, Анна остановилась. Тёплое бордово-коричневое пальто из шерсти отлично смотрелось на молодой девушке. Сверху вязаные серый шарф и шапка.

Изо рта шёл пар. Она глубоко вдохнула. Морозный воздух попал в лёгкие. Он бодрил. У неё было хорошее настроение.

Закончился первый семестр и экзамены. Она всё сдала, и по оценке мастеров была одной из лучших в группе на Факультете Рун. *Через два дня у гномов Новый 3356 год. Наконец можно отдохнуть.*

Анна, немного поразмыслив, двинулась по оживлённой улице в сторону дома. Снег укутал Беланкор мягким одеялом. Гирлянды тянулись по зданиям, переливаясь мягкими цветами. Раздавались звуки колокольчиков. Гномы спешили за покупками: корзины, свёртки, ленты, мелкие подарки.

Вывеска «Медовый Лес» встретила на пути. Анна не удержалась и всё же зашла. Она на секунду закрыла глаза. *Запах лета: мёд, ягоды, орехи.* Торты, пирожные и другие кондитерские изделия стояли на прилавках. Глаза разбежались.

Тёмный переулок с противоположной стороны. За ней наблюдали. Высокий воротник, чёрные очки, серо-чёрная шинель. Гном стоял неподвижно, пока Анна расплачивалась за торт, а потом отступил в тень, будто его и не было.

Анна купила небольшой торт с кедровыми орехами и вышла из магазина. *Эх... стоит 5 бронзовых. Почти все оставшиеся деньги уже потратила. Одежда, теперь торт. Этот старый скряга совсем не ест сладости. Ну и ладно, всё-таки праздник.* Она улыбнулась и хотела направиться домой, как заметила совсем юного попрошайку, переходящего дорогу в грязной фуфайке со стороны тёмного переулка. Он приблизился и протянул коробочку, в которой виднелись разные

медяки.

Не у всех праздник, — с печалью подумала Анна и положила в коробочку крупную медную монету. Хватит хотя бы на булочку хлеба. И пошла дальше.

— Спасибо, госпожа, — донёсся ей вслед детский голос.

Она обернулась почти машинально. Мальчик смотрел слишком спокойно, слишком пусто для обычного голодного ребёнка.

Мастер Томер был дома. Анна оставила торт на кухне и пошла переодеваться в комнату. Вернувшись, она чуть не потеряла дар речи. Томер уже сидел за столом и ел её торт. Лицо у него было почти довольное — редкость для человека, который обычно жил в книгах, свитках и схемах и почти всегда выглядел хмурым.

— Мастер... Вы... Это мой торт!

Томер поднял взгляд, виновато улыбнулся.

— Прости, Анна. Просто... праздник. Захотелось чего-то сладкого. Давно себе не позволял. Я съел всего пару кусочков.

— Да он стоил мне 5 бронзовых! Надо было хотя бы спросить разрешение, — произнесла недовольная Анна.

Была злость, но она потихоньку спадала, когда она посмотрела на него, он выглядел... человечно. Не как строгий мастер, а как усталый старик, которому захотелось маленькой радости.

— Вот держи. Жалование за месяц и небольшая премия

от меня за чистый дом. И за торт тоже, — сказал Томер и придвинул 4 серебряных Эйре.

Мусорная яма, к югу от столицы. Недавно вывалили очередную партию. Старый чумазый гном Доргэн ковылял к только что привезенной добыче. Слева болтался пустой рукав куртки.

— Доргэн, поторопись я уже здесь! — прокричал ещё совсем юный голос Фликдрана.

Старый гном и хотел бы ускориться, но старая травмированная на рудниках нога сильно ныла. Он взглянул вперёд. Там гордо возвышалась столица. Когда-то он там жил. Но уже давно оставил надежды вернуться. Доргэн лишь надеялся, что в мусоре найдется что-нибудь ценное к празднику.

За час они нашли две булки плесневелого хлеба и полсумки подмёрзших, уже подгнивающих овощей.

— Хоть что-то, — удручённо произнёс Доргэн.

К нему подбежал Флики. И начал весело махать находкой.

— Это что у тебя? Чайник? Дай-ка сюда, — он протянул руку и взял. — Металл неплохой. Эх, жаль, что дырявый. Просто выкинь. А то мать снова заругает. Скажет: хлам при-тащил.

— Нет. Мой, — буркнул Флики, прижимая чайник к себе.

— Ну, как хочешь. Ладно, пошли. Снег навалил, что уже

ни черта не видно.

Старый гном поковылял в сторону хибар у леса, которые виднелись поодаль. Флики назойливо мельтешил рядом.

Ночь. Метель. За окном свистел ветер. Старые ставни постукивали о стены. Флики проснулся. Было холодно. Он с головой залез под одеяло и съёжился. Но всё равно не спалось.

«Тук-тук» — только и раздавалось.

Флики встал. В комнате спали ещё пять человек. Флики подошёл к столу и выпил воды. Рядом возле кувшина стоял найденный на мусорке чайник. От чайника шло тепло. Не такое, как от печки — глухое, плотное, будто он грелся изнутри сам собой. Флики прижал его к груди и почти сразу почувствовал сонную тяжесть в веках. Он уснул. Чудеса. Ему снились чудеса, от которых стынет кровь.

Утро. Доргэн проснулся. Флики уже сидел за столом. Перед ним стоял чайник, а сам он смотрел в стену так, будто слушал что-то, чего не слышал больше никто.

— Флики, — подошёл Доргэн. — Ты чего?

Мальчик медленно повернул голову. Глаза... пустые. Словно смотрел сквозь Доргэна.

— Флики! — Доргэн тряхнул его за плечо.

Мальчик моргнул. Глаза снова живые.

— Дедушка Дор? — голос слабый, испуганный. — Мне... приснился плохой сон.

Доргэн взглянул на чайник. Металл тёплый. Слишком тёплый.

— Выброси эту штуку, — произнёс он.

Флики сжал чайник руками.

— Нет. Он мой.

Анна и Томер обедали. Стол был накрыт просто, но с заботой. В центре стоял толстостенный металлический казан с запечённым мясом, нарезанным аккуратными ломтями, вокруг травы и овощи, от него шёл тёплый аппетитный аромат. Ржаной хлеб, порезанный ломтями, лежал в небольшой плетённой корзинке сбоку. Рядом стояла глиняная тарелка с яблоками и орехами.

Анна доела последний кусочек вчерашнего торта с кедровыми орехами. Она аккуратно облизнула губы, чтобы не было заметно. *Так вкусно.* Она заговорила:

— Мастер, мы с ребятами с факультета сегодня собираемся погулять. Я скоро уйду. Не теряйте меня.

— Хорошо. Только будь осторожна. Не задерживайся допоздна.

Анна кивнула и пошла собираться. Встреча была намечена на небольшой площади напротив академии.

Как ни странно, Анна добралась первой. По периметру площади росли вековые ели. В центре стояла величественная статуя из гранита: гном в броне, в правой руке поднят меч. Она остановилась у неё. Снизу была позолоченная таб-

личка с надписью «*Кхандар VI Железнокровый — последний Великий Король Черноморши*». Она задумалась: *Это было так давно, уже почти 3500 лет. Сколько событий произошло с тех пор, но его помнят...*

— Анна! — её окликнули.

По тропинке шли трое её однокурсников: Дзоргритт и Кардмила, они были в тёмно-синих пальто и выглядели, почти как сёстры; Хорглин в серой меховой шубе, он одет был теплее всех. Анна поприветствовала их и сказала:

— Пойдём на смотровую площадку, как планировали?

— Подожди, ещё должен подойти один наш товарищ. Будет для тебя сюрприз, — сказала Дзоргритт с ноткой таинственности.

Хм, сюрприз. Анна повернулась к статуе и заговорила:

— Я заметила, в старых книгах у вас всё делят по эпохам.

А в новых просто ставят год.

Дзоргритт нахмурилась.

— Сейчас Эпоха Расколотого Трона. Просто мы не любим это название.

— Из-за войны?

— Из-за поражения, — ответила Дзоргрит. — Черномория пала, короля больше нет, только кланы, правители и вечная грызня.

Хорглин фыркнул:

— У людей не лучше. Год 2945 до какого-то греха. Летоисчисление в обратную сторону, как будто приближается

конец света.

— Это да, — согласилась Анна.

Другие гномы кивнули и засмеялись. Наконец показался последний их товарищ, молодой парень в чёрном пальто, которого они ждали — это был Грэй де Ланге. Это удивило Анну. Она видела его на общих занятиях. Он учился как раз на счётное дело, куда её не приняли.

— Приветствую всех, — произнёс запыхавшийся Грей, стряхивая с рукава снег. — Извините, что задержался, кажется, на площади сегодня весь город собрался.

Группа выдвинулась.

— Грей, а ты откуда? — спросил Хорглин.

Опять он пристаёт с расспросами. Хоть не ко мне, — подумала Анна, идя рядом.

— Я из Алийской Империи. Моя семья занимается текстильным бизнесом, держит цеха. Родители решили, что у гномов мне будет полезно поучиться, — рассказал о себе Грэй, чувствуя, что не отделается коротким ответом.

— А как ваш старый император?

— Совсем сдаёт. Хоть народ и любит его, но обостряется борьба за престол. На второй принцессе женился Стор Матиас фон Эрнер. Некоторые даже ему пророчат судьбу нового императора, их род набрал в последние годы большое влияние.

Слова ударили, как если бы кто-то вдруг произнёс «Арани фон Эрнер». Анна почувствовала, как пальцы сами собой

сжались. В сердце вспыхнул знакомый жар — но не страх, а глухая, давящая ненависть. Она остановилась. *Это моя настоящая фамилия. А теперь я скрываюсь под другой личиной, как и мои родные. Всё из-за этого человека.*

— Анна, что-то случилось? — произнесла Дзоргритт.

— Нет, просто одно воспоминание нахлынуло, — догоняя, сказала Анна, но голос дрожал.

Ребята вышли на центральную площадь города. По краям на зданиях висели разноцветные ленты с новогодними пожеланиями. В центре стояли прилавки с блестящими на свету вывесками: новогодние игрушки, сладости, мёд, бочки с выпивкой... Громкие голоса зазывали покупателей. Дети тянули родителей к ним.

Анна почувствовала запах глинтвейна: тёплый аромат вина и пряностей. Он притягивал, но она отмахнулась, вспомнив, как перебрала за столом с Бараздаром и Томером. Чуть поодаль пьяные гномы затягивали песню:

Год прошёл — мы здесь. Камню нужен тост. Лей, лей, не жалей. Кружка — друг, не гость.

Ребята наняли повозку и отправились в западную часть, где вдаль виднелись белоснежные пики Уфальских гор. Извозчик, пожилой гном в жёлто-зелёной куртке, не торопясь, вёз пассажиров. Копыта глухо постукивали по утопанному снегу мощённой дороги.

Они приближались к скале со смотровой площадкой наверху. И вот она показалась. *Целая гора, словно разрезанная ножом сверху вниз*, — удивлённо подумала Анна. На камне были высечены массивные руны: Родхарн, Ингрумм и Зархулир. *Мы твёрже камня в веках. Мы выдержим тьму. Мы двинемся дальше.* Смысл рун эхом отдался в её голове.

Дальше был крутой подъём по лестнице, высеченной в скале.

— Я уже не могу, — тяжело дыша, произнесла Анна.

— Мы уже почти наверху, — сказал, рядом плетущийся Грэй.

Да они совсем не устали. Гномы поднимались уверенно, будто на прогулке, горы были их домом. Они прошли ещё несколько лестничных ярусов, когда показалась площадка. Но путь того стоил.

Наверху выл ветер, он нёс холодный воздух с севера. Позади на фоне заката — заснеженный лес и горы, впереди — сияющий разными красками новогодний город из белого камня. Цеха молчали. Большие руны поблёскивали мягким сиянием на величественных стенах. В небе тонким белым серпом таяла луна Фаэтус. Рядом висела полная луна Эребус — тяжёлая, тёмная, она будто молча провожала свою старшую сестру.

Так красиво. Анна любовалась, она была здесь впервые. Хорглин указал рукой. С южной стороны — дым над лесом. — Наверное, лесорубы или кто из деревень, — сказала

Кардмила. — Перед праздниками всегда жгут больше.

Анна всматривалась дольше остальных.

— Нет, — тихо сказала она. — Дыма слишком много.

Они постояли ещё какое-то время, а затем отправились назад на центральную площадь.

На город опустились сумерки. Площадь была забита горожанами, все ждали. И вот раздался громкий хлопок, Анна вздрогнула, а потом позволила себе улыбку. Огни салюта вспыхивали один за другим, разноцветные, шумные, слишком яркие для ночного неба. Салют был не только огнём. В каждом взрыве, казалось, мелькали символы — краткие, почти неуловимые, словно руны, удерживавшие форму света. Они вспыхивали и тут же распадались, не оставляя следа.

Анна смотрела внимательно, будто пыталась запомнить рисунок. *Магия праздника*. Вдруг кто-то дёрнул её за полу пальто. Анна обернулась. Позади стоял чумазый мальчишка в рваной одежде, по щекам текли слёзы.

— Мисс, мисс, помогите. Моей сестрёнке стало плохо, — рыдая, произнёс мальчишка.

Он показал в сторону края площади, туда, где у домов на сугробе темнела маленькая фигура. Анна даже не успела подумать, как бросилась к девочке. Салют ещё гремел над площадью, люди смотрели вверх, и никто не заметил, как она выбежала из толпы. Девочка лежала неподвижно с закрытыми глазами.

— Эй... слышишь меня?

Анна наклонилась, протянула руку — и в тот же миг сзади кто-то её схватил. На рот легла мокрая тряпка с тяжёлым сладковатым запахом. Она дёрнулась, попыталась вдохнуть мимо неё, закричать, но салют в небе поплыл перед глазами. Кто-то крепко держал её за руки. Мир качнулся и провалился в темноту.

В небе разорвался последний залп. На площади раздались хлопки, аплодисменты. Гномы провожали старый год. Новый год они встретят завтра в кругу семьи.

— Анна, ну как тебе наш праздник? — произнесла Дзоргрит.

Ответа не было. Дзоргрит повернулась, Анны не было, она словно испарилась.

Холодная вода ударила в лицо. Анна открыла глаза. Голова кружилась. Она сидела на стуле, тугая верёвка впивалась в кожу на связанных руках. Под низким потолком висел тусклый фонарь. Пахло сыростью и плесенью. Анна поняла: *Меня похитили. Какой-то подвал.* Перед ней стояло двое мускулистых гномов в тёмно-коричневых свитерах и в масках клоунов.

— Очнулась, — сказал один.

— Хорошо, — добавил другой.

Он шагнул ближе и без замаха ударил — прямо под грудь,

в рёбра. Боль вспыхнула так резко, что воздух сразу оборвался. Стул качнулся и упал с ней назад. Анна закричала, но слышалось лишь мычание. Кляп во рту мешал. Потекли слёзы.

— Рёбра, кажется, треснули, — спокойно сказал он, будто речь шла о доске. — Ну, и ладно. За это нам не доплачивали, но сойдёт.

Анна попыталась вдохнуть и не смогла. Воздух будто оборвался где-то под грудью. Следующий вдох вошёл рвано, через боль, как через нож. Гномы потушили лампу и вышли.

Она осталась лежать связанной на полу, согнувшись пополам. Холод от сырой земли подвала поднимался вверх, по телу, и проникал в кости. Она начала дрожать. Каждый вдох отдавался болью. *Наверное, сломаны рёбра. Что со мной будет? Меня не убили. Значит у них другая цель. Что же делать? Даже детям нельзя верить...* — мысли истерично крутились в голове.

Прошло некоторое время. Двое в клоунских масках вернулись. Который бил её, подошёл, наклонился и произнёс:

— Один молодой богатенький хмырь просил тебе косточки пересчитать. Знаешь, нам всё равно, мы просто выполняем работу. Но в следующий раз тебе может не повезти.

Он выпрямился. Перед глазами мелькнул сапог. Сильный удар пришёлся в руку. Резкая боль. Что-то внутри плеча сдвинулось неправильно. Рука сразу стала чужой — тяжёлой, бессильной, не подчиняющейся.

— Ты поняла? Не жди, когда тебя прикончат, — сказал он без злости и обратился к другому: — Надевай ей мешок на голову! И потащили!

Дальше была дорога в закрытой повозке с сеном. Её снова усыпили. Анна очнулась уже в грязи возле мусорного бака. Ночь. Она узнала это место. Дом Томера находился на соседней улице. Правая рука опухла и не слушалась. Она потянулась левой и вытащила кляп изо рта.

— Вставай! — скомандовала себе Анна. — А-а-а...!

Она кричала. Резкая боль в груди резала чуть ли не до потери сознания. Но она встала, а затем, осторожно делая вдох и выдох, поковыляла. *Только бы не здесь. Только не в грязи. Лишь бы дойти до двери.*

Взволнованный Томер сидел у себя в мастерской. На часах 02:20. Дзоргрит с ребятами уже заезжали к нему. Они сообщили о пропаже студентки страже, но новостей пока не было. Мысли прервал стук. Он вскочил и поспешил к входной двери.

— Анна... — потрясённо произнёс Томер.

Она, шатаясь, стояла у входа — вся в грязи, ссадинах и ушибах. Когда она увидела Томера, то стала заваливаться вперёд, теряя сознание. Он подхватил её.

— Тише. Всё, ты дома.

Тейлор сидел в кабинете, довольный. На столе — письмо от отца: «Слышал, ту девочку избили какие-то мерзавцы. Надеюсь, что ты не имеешь к этому никакого отношения».

Тейлор усмехнулся. *Конечно, не имею.* Он взял бокал вина и обратился к человеку в комнате:

— С теми, кого нанимали, разобрались?

Слуга помедлил.

— Мы потеряли их след, господин.

Улыбка медленно сошла с лица Тейлора.

— Потеряли?

— Да, господин. Они пропали, как будто провалились сквозь землю.

Он покрутил бокал в пальцах.

— Скверно. Ни на кого нельзя положиться.

3.7 Последствия

Вдох — выдох, — мысленно повторяла Анна. Грудная клетка медленно поднималась, затем опускалась. Ноющая боль разливалась по груди, но она уже привыкла. Вот уже пятый день подряд она каждые 1-2 часа выполняла дыхательную гимнастику, как велел доктор. Были сломаны два нижних ребра.

Она в синяках и ссадинах лежала у себя в кровати в полусидячем положении. От кожи тянуло эфирным маслом лаванды. *Кажется, мастер Томер слишком переборщил с его количеством, —* подумала она и провела пальцем по животу. Кожа была жирной, липкой, почти чужой. К лаванде примешивался солёный запах пота.

Плечо правой руки было крепко зафиксировано кожаным ремнём. Анна попыталась сжать кулак, но в руку ударила резкая боль. Она бросила эту затею и поёжилась: нахлынуло воспоминание, как ей вправляли руку. *Теперь остаётся только лежать и медленно восстанавливаться. Это всё из-за Тейлора. Он затаил злобу. Но что делать?* Вопрос повис и остался без ответа. Перед глазами был только потолок. Анна так и лежала. За окном светило солнце. Вдруг раздался стук в дверь.

— Да, входите.

Дверь распахнулась и на пороге показался знакомый ры-

жебородый гном. *Бараздар*. Она не видела его уже больше полугода. За ним вошёл и седой Томер.

— Анна, привет! Я гляжу ты бездельничаешь на кровати, — шуточно произнёс Бараздар.

— Да, немного обленилась. Всё-таки каникулы, — ответила она, с трудом выдавив улыбку.

— Эх... — вздохнул Бараздар. — Но ничего, потихоньку выздоровеешь. Да, Томер?

— Доктор сказал, что ничего непоправимого нет. Главное — покой. Через месяц, если всё пойдёт хорошо, к занятиям уже можно будет вернуться. Руку только придётся беречь дольше и очень медленно давать ей нагрузку.

— Ну вот, видишь. Всё не так плохо. Скоро будешь уже, как новенькая. Вот я тебе принёс гостинцев: сыра, орехов — они полезны для костей — и мёда с горных лугов. Знаю, ты ещё та сладёна, — подбодрил Бараздар и хохотнул.

Анна улыбнулась, искренне, на душе стало теплее. Бараздар был хорошим гномом. Она вспомнила, как на воротах Беланкора проверяющий говорил о каких-то его тёмных делах. Но он отличался от Тейлора, который гулял на свободе и строил козни. *Каждый может совершить ошибку*, — подумала она, а затем спросила:

— Тех бандитов не нашли?

Томер нахмурился.

— Нет. Пропали, как дым. Никаких следов.

— А Тейлор?

— Тейлор чист. У него алиби. Он был в резиденции отца, свидетели подтвердили. Но я почти не сомневаюсь, что это он нанял этих негодяев.

Бараздар чуть не сплюнул прямо в комнате, но удержался. Злоба кипела в нём. Томер отвернулся.

— Я должен был тебя уберечь. Но даже не думал, что его проделки перейдут за грань дозволенного, ещё и в праздник, в толпе... — он не закончил. — Прости, Анна.

— И как быть? — спросил Бараздар.

— Пока поднят шум он не будет предпринимать никаких действий. Но всё равно надо быть вдвойне осторожнее.

— Анна, зря я тебя, наверное, затолкал на эти руны. Может тебе стоит подумать и вернуться домой? — осторожно спросил Бараздар.

— Нет, — резко произнесла Анна.

Грудь пронзила ноющая боль. Выражение лица на миг исказилось от боли. Она успокоилась и продолжила:

— Нет, я должна отучиться. Это мой путь. Не Тейлор, так кто-нибудь другой. А если такие люди придут снова? Мастер, как мне защититься?

Гномы переглянулись. Томер молчал. Потом тяжело вздохнул.

— Боевые руны. Годы обучения. У тебя повреждено плечо — правой рукой ты ещё пару месяцев толком не поработаешь.левой?левой придётся учиться почти с нуля.

— А есть... быстрый способ? — тихо спросила Анна.

Томер замер. Посмотрел на неё. Долго.

— Даже не думай. Цена за быструю силу всегда слишком высока. Ты не знала, что случилось с солнечным чайником: ты потеряла сознание. Я хотел скрыть, но теперь скажу. Я был беспечен. Дал тебе тёмную руну — простую по схеме, но всё равно тёмную. Защитный лист с руной не сгорел, она просто пылала и проедала металл. И это нам ещё повезло, я вовремя заметил. С людьми бывает хуже.

Он встал, направился к выходу. У двери остановился, не оборачиваясь:

— Я принесу тебе книгу о боевых рунах. Там краткая глава про запретные методы. Не для изучения. Для понимания, почему их запретили.

Томер вышел. Анна посмотрела вслед, взгляд задержался на закрывшейся двери. *Есть быстрый способ. Иначе он бы так не испугался. Неужели это и правда настолько опасно?*

— Кстати, вот тебе письмо, — сказал Бараздар после небольшой паузы и положил его на стол. — Что-то передать твоим родным?

— Скажи, что у меня всё хорошо, — произнесла Анна, но голос дрожал.

— Выздоровливай. Я скажу, что ты подскользнулась и ударила руку, поэтому не смогла написать ответ. А так у тебя всё хорошо. Сдала экзамены.

Анна легонько кивнула. Бараздар попрощался и тоже вышел. Она протянула левую руку и взяла письмо, прикусила

его кончик и вскрыла. Густав писал:

Дорогая доченька, поздравляю тебя с наступлением Нового года! Ты загадала желание? Твой папа знает, что да. Так пусть оно обязательно сбудется. Желаю тебе здоровья, хороших оценок! Расти большой и сильной!

Оскар и Уинстон тоже присоединяются к поздравлениям. Представляешь, они на рыбалке поймали щуку. Так она такая большая, длиной почти с тебя. Наварили уху с луком и угулумбуром, как ты любишь.

...

Как у тебя дела в городе?

— У меня всё хорошо, папа, — произнесла тихим шёпотом Арани.

По щеке скатилась слеза. Сейчас она снова была Арани — просто его дочкой.

Вечером мастер Томер принёс толстую потёртую книгу.

— Вот держи. Это немного староватая книга, — сказал Томер и почесал затылок. — Я занимаюсь исследованиями, а не боевыми искусствами. Но все основные постулаты остались такими же и в наше время. Как справочник она тебе подойдёт. А дальше уже надо будет углубляться во что-то одно.

— Спасибо, мастер. Я почитаю.

Следующий день. Анна взяла книгу. Название — «Боевые руны. Краткий анализ школ и направлений. От эпох древно-

сти до настоящего». Она открыла первую страницу:

Общий справочник боевых рун гномов

«Мы помним многое не потому, что слишком дотошны — мы потеряли слишком много» — Элдруин Кардгар

Издание: 24-е, 3295 год. Дополненное

Автор: Дорфин Гролдфейн из Ирка, Черномория. Ныне затерянная крепость

Годы: конец Эпохи Процветания — начало Великой Войны (3480 лет назад)

Анна читала книгу и не заметила, как настал вечер. Информации было очень много. Техники рун в основном были направлены на тяжёлую броню и оружие. Многие были для коллективного использования. Мощным рунам требовался мощный поток маны от мага или из манакристалла — редкого камня с маной, стоящего баснословных денег.

Она отметила две школы, которые показались интересными и могли стать полезными для неё:

1) Школа Раскола. Основной принцип — концентрированный удар в одну точку для увеличения пробивной силы. В неё входили рунические техники для разного оружия: то-

поров, пик, клинков, болтов и многого другого. А также техники для пробития магических барьеров и защитных артефактов.

Подойдёт для моего кинжала.

2) Школа Ветра Теней. Основной принцип — быстрые скрытные атаки и отступления. Она включала рунические техники для сокрытия и увеличения скорости. Однако требовалась хорошая физическая подготовка, гибкость. Техники напрягали тело. Последствия: усталость, внутренние травмы.

Анна пролистала главы. *Школа Раскола, Школа Ветра Теней — годы, десятилетия отработки. Я не могу ждать так долго.* Она тяжело вздохнула и перешла к небольшому обзору запрещённых школ с тёмными рунами, который был в конце книги.

Школа Чёрной Стали специализировалась на создании проклятого оружия, удары которого разрушали материю, искажая саму её суть, но это вызывало отдачу в виде страшных мутаций. Руны доспехов Школы Кровавой Ярости давали существенный прирост боевой силы, но терялся рассудок использующего. Школа Железного Культа вживляла тёмные артефакты прямо в тело, это давало невероятную силу, но риск — мутации, отторжение, сумасшествие. Школа Живых Рун практиковала специальные техники взращивания в теле рун, которые могли придавать разные усиления. Процесс был кропотливым и опасным, и он сразу приводил к необра-

тимым изменениям плоти.

Анна медленно провела пальцами по обложке. *Мутации. Сумасшествие. Такие страшные последствия.* Она вспомнила удар сапога, лица в масках клоунов. *Но эти техники могут дать силу в момент опасности.* В голове всплыли слова: *«Не жди, когда тебя прикончат».* Я не могу ждать. Я ведь не собираюсь пользоваться такой силой постоянно — только в самый опасный момент, и то редко. Вот, например, руны Школы Кровавой Ярости... Ярость? Ну и что. Я умею сдерживаться. Сожму зубы — и выдержу.

Она закрыла книгу. В окне уже светил тонкий растущий диск белой луны Фаэтус. *Мастер Томер не расскажет. Значит, надо искать самой.* В его мастерской точно что-нибудь есть... Вот только немного выздоровею.

Прошло две недели. Анна уже потихоньку могла вставать и ходить. Сильная боль отступила. Мастер Томер отправился на работу.

— В академии начались занятия. А я тут, — с негодованием произнесла она. — Он то, наверное, преспокойненько гуляет. Этот Тейлор. Всё из-за него.

Анна вышла из комнаты в коридор. Дом начинал возвращаться к своему первоначальному виду. Уже появилась пыль, копились кипы книг там, где им не место: на полу, на ку-

хонном столе, на подоконнике... Она подошла к двери, ведущей в мастерскую Томера и остановилась, взявшись за ручки двери.

— Это для защиты, — прошептала она, сжимая ручку ещё сильнее. — Я ничего не ворую. Просто ищу способ выжить.

Почти весь день она перебирала книги и свитки, некоторые были написаны на незнакомых языках. Анна старалась возвращать всё на место так, чтобы Томер ничего не заметил. Время пролетело незаметно. Она посмотрела на часы. *Скоро вернётся Мастер.* На столе лежал лишь один толстый свиток: «Живые Руны эпохи Чёрной Стали. Тёмные контуры маны».

Уже в своей комнате она развернула его и начала читать. Живые руны выращивались внутри тела постепенно, но первый отклик силы могли дать почти сразу. Дальше эта сила росла вместе с самой руной. Одним из главных преимуществ была скрытность: под кожей они были незаметны. Недостатков было то, что от них не избавиться, как поняла Анна.

Среди рун школы были такие, как:

- руна усиления (Кайдарнак — Рука Ярости). Она усиливает физическую силу в момент ярости. Цена: ярость не уходит, остаётся внутри, пока не найдёт выход.

- руна восприятия (Оул'видгроан — Глаз Тени). Усиливает восприятие (видит руны, чувствует магию, замечает врагов раньше). Цена: головные боли, галлюцинации. В крайнем случае можно перестать отличать реальность от видений.

- руна трансформации (Неохартран — Изменённая Плоть). Усиливает регенерацию (раны заживают быстрее), повышает выносливость. Мутации наступают практически мгновенно. Тело изменяется — сначала незаметно (кожа чуть плотнее, ногти крепче), потом сильнее. В крайнем случае можно перестать быть самим собой.

Руна Кайдарнак — вот что может подойти. Почти то же, что руны Школы Кровавой Ярости, только внутри тела. Опаснее и сложнее. Но мне нужна сила для моего слабого тела. Она пригодится в сложный момент.

Дальше было описание методики. Сначала требовалось вырастить из спор гриб с названием *чёрно-зелёный вывертыш*. Споры помещались в питательную почву с органикой: навоз, опилки, старое дерево. Место — тёмное, прохладное. Поливать чернилами, смешанными с кровью будущего носителя. Почву нельзя пересушивать. Ниже подпись: «Ты не просто поливаешь, а заключаешь тёмный договор с грибом». *Как жутко*, — подумала Анна.

После посадки мицелий формируется 2 или 3 недели. Затем прорастает гриб. Шляпка — 3-5 сантиметра в диаметре, чёрная, как смола. От центра идут тонкие и редкие ярко-зелёные радиальные линии. На краях — будто волоски, которые на ветру слабо колышутся. Под шляпкой волнистые пластинки, которые при надломе выделяют едкий млечно-зелёный сок. Ножка белая, тонкая, с 2-3 кольцами.

Гриб слабоядовит, произрастает обычно в заброшенных

шахтах, иногда пещерах. Главная особенность, что споры могут попасть в раны живого существа и там прорасти, постепенно поглощая жертву. Требуется незамедлительная операция по удалению зараженной плоти. Снизу подпись: «Поэтому и требуется возвращение гриба на своей крови, чтобы он считал носителя частью своей системы. Своего рода налаживание симбиотической связи — жизнь за кровь».

Руну Кайдарнак следует наносить на плечо. Иглой необходимо произвести проколы по схеме на свитке — точка за точкой, пока не проступит кровь. Затем приложить мицелий гриба, влажный и холодный. Он прилипнет к ране, словно живой. Место плотно закрыть. Нельзя охлаждать — мицелий должен вращать в тепле. Так в 3 этапа с недельными перерывами. Подпись: «Дай мицелию путь. Руну можно направить. Но принять её — всегда выбор воли, тела и гриба».

Анна легла, закрыла глаза. *Это безумие*, — подумала она, тяжело выдохнула. Боль в груди откликнулась, но уже слабее. Опять нахлынули воспоминания: удар сапога, маски клоунов, лицо Тейлора. Она попыталась сжать кулак на больной руке. Слабо. Но всё-таки смогла.

Где найти этот гриб? А если что-то пойдёт не так — что со мной станет?

3.8 Жизнь, что ждёт во мраке

Тусклые огни фонарей горели вдоль стен главной штольни, по которой тянулись блестящие, похожие на змей железнодорожные пути — кровяные артерии этого места. Грохочущие вагонетки без перерыва везли руду, а вдали раздавались глухие удары — разработка новых жил. Шахта гудела, словно улей. Она принадлежала семье Кхазррак и была одной из крупнейших по добыче меди в королевстве.

Анна стояла перед уклоном, ведущим в заброшенную выработку. Правая рука находилась в свисающей на груди косынке. Травмированный сустав надо было ещё немного поберечь до полного выздоровления. В левой руке горела масляная лампа. Уклон вёл вглубь древних пород Уфальских гор, где виднелся лишь мрак — тёмный, обволакивающий.

Рядом стояла Дзоргрит. Девушки были одеты в серые рабочие куртки гномов, которые им выдал управляющий. Анна ощущала себя в ней, как карандаш в стакане: её фигура совсем не подходила под широкую одежду крепких гномов. Позади стоял брат Дзоргрит — Корон, широкоплечий, с ухоженной чёрной бородой и спокойным, почти благородным лицом. На широких лямках свисал с плеч увесистый рюкзак. Рядом с ним стояли два стражника в латах.

— Анна, тебе точно нужен этот гриб? — спросила с сомнением подруга.

— Да, — коротко ответила Анна.

— Что тогда стоишь? — недовольно спросила Дзоргрит.

— Я... — хотела было ответить Анна, но слова застряли в горле. Дзоргрит не стала ждать ответа и продолжила:

— А вот я с трудом уговорила дядю, чтобы нас пустили. Не стой, пошли, моя подруга ведьмочка, — она хохотнула и первой шагнула во тьму.

Анна невольно дёрнула плечом. Слово кольнуло неприятно, слишком близко к правде. Затем направилась вслед за подругой, остальные тоже двинулись.

Масляные лампы тускло освещали стены, приземистый потолок и опасную дорогу под ногами. Мелкое крошево из земли и мелких камней шуршало и катилось под ногами непрошенных гостей. Рваные камни торчали из стен, их острые сколы были готовы в любой момент распороть плечо неосторожного путника этого подземного мира. Приходилось аккуратно идти по спуску.

Анна вглядывалась то в одну стену, то в другую, монотонный тёмный рельеф давил. Она представила огромные пласты земли над головой, ей стало совсем некомфортно. *Я просто ещё одна песчинка, которая копошится под горой.* Они шли минут 10, но казалось, что прошла будто вечность. *Интересно, как глубоко идут эти тоннели? И как долго гномы копали их?*

По мере спуска на стенах всё больше выступала влага, мириады крошечных капель побёскивали от света ламп, вода

медленно скапливалась, стекала, образуя по краям прохода ручейки. Пахло сыростью и холодным тяжёлым воздухом.

Делая очередной шаг, Анна не заметила, что ступает в лужу, её нога начала проваливаться в месиво из липкой грязи. Заваливаясь набок, она непроизвольно ухватилась за камень, выпирающий из стены. Фонарь ударился, дребезжащий звон искажающимся эхом разошёлся по сторонам. *Чёрт. Как тяжело с одной рукой.*

— Ты в порядке? — спросила, спешно подошедшая, Дзоргрит.

— Да, немного оступилась, — ответила Анна, стараясь держать максимально уверенный тон.

Она с трудом вытащила ногу из грязи и почувствовала, что ладонь зацепало. Взглянув, она увидела, как сочится кровь. Капля стекла по вымазанной сырой грязью коже и упала в мутную лужу. Деревянная ручка фонаря побагровела. *Просто небольшой порез. Или уже первая плата?* Анна машинально вытерла ладонь о куртку.

Группа шла дальше. Показались очередные подпорки сводов из массивных толстых брёвен, распухших от вечной сырости. Старая древесина почернела, уже став частью окружающего мрака. Кое-где на ней выпирали пушистые белые наросты плесени. Неживое и живое здесь почти срослись: плесень доедала последние питательные остатки этого места. Когда они прошли их, Дзоргрит взглянула на Анну и заговорила:

— Зачем тебе этот гриб на самом деле?

— Для одного исследования. Мастер Томер изучает токсины грибов для противоядий, — ответила уклончиво Анна.

— На живом существе? — Дзоргрит нахмурилась.

— На мышах, — быстро добавила Анна. — Томер проводит опыты на мышах.

Дзоргрит помолчала. Анна чувствовала её взгляд — пыливый, недоверчивый. Но подруга лишь вздохнула.

— Дзоргрит, ты знаешь про свойство гриба? — спросила Анна.

— Конечно, знаю. Если бы не знала, я бы тебя и не повела. Его ещё называют «крысиная плесень», потому что он убивает этих противных грызунов, но и для человека опасен: может прорасти в теле.

Анна потупила взгляд и не сразу ответила.

— Это не для мести. Он нужен, чтобы проверить один уникальный алхимический метод на живом существе, — осторожно подбирая слова сказала полуправду Анна.

— Хм... Не знаю для чего он тебе нужен, но будь осторожна и никому не говори, что мы ходили в шахту, — строго произнесла Дзоргрит.

— Почему ты мне помогаешь?

— Мне было бы печально, если бы ты сгинула одна в заброшенных катакомбах, — сказала Дзоргрит и, переведя взгляд, обратилась к своему брату: — Когда мы уже спустимся?

— Прошли где-то полпути до горизонтального уровня, то место находится на нём.

Корон говорил грубо, но всякий раз первым вслушивался в тьму, прежде чем двинуться дальше. Шли долго. Анна чувствовала, как затекают ноги. *Неужели спустились?* Она увидела как впереди показалась довольно просторная выработка, от которой расходились три высоких хода. Запахло окисленной медью. Группа остановилась, чтобы передохнуть. Вдоль стен местами валялись пустые деревянные ящики, обрывки стальных тросов. Тишину нарушал лишь далёкий стук капель, резонирующий от стен пустых проходов, создавая иллюзию чьих-то осторожных шагов.

Двум стражникам в латах было тяжелее всех. Они жадно пили воду из небольших кожаных фляжек. Один сплюнул. Анна поймала его взгляд — мрачный, усталый. *Зачем к нам приставили их? Они явно чего-то опасаются.* Корон покосился и недовольно заговорил грубым басистым голосом:

— Пойдёмте. Я из-за вас уже полдня угробил. Грибы... В лесу их собирают.

— Брат, не ворчи. Нельзя же нас одних отпускать в такое жуткое место, — произнесла с непривычной робостью Дзор-грит. — Дядя просил за нас.

Корон лишь хмыкнул, глянув в блеснувшие хитринкой глаза сестры. Он поправил лямку рюкзака и пошёл в сторону правого магистрального штрека. Остальные потянулись за ним. Путь дальше лежал по довольно ровной поверхности,

идти стало намного проще. Было видно, что здесь когда-то велась активная добыча руды. Порода здесь была буквально изгрызана кирками и бурами.

Через небольшие промежутки встречались боковые ответвления. Они уходили в темноту под разными углами. Одни через пару метров упирались в тупиковый забой, другие круто уходили вверх или вниз, превращая уровень в трехмерную паутину. *Это настоящий лабиринт*, — подумала Анна. В местах, где руда была особенно богатой, были вырезаны огромные пустоты — камеры. К их потолкам уходили мощные деревянные стойки, которые подпирали своды. Местами в них уже были видны обвалы пород.

Они шли ещё около часа, прежде чем свернули в небольшую узкую ветку. *Как долго мы ещё будем идти? Дзоргрит сказала, что знает, где растёт этот чёрно-зелёный вывертьишь, но кроме белой плесени на древесине ничего и не встречалось*, — у Анны закрадывалось всё больше сомнений. Но вскоре мир вокруг резко изменился. Свет масляной лампы, привыкший упираться в тесные стены рассеялся в стороны. Он больше не освещал путь, а лишь выхватывал фрагменты чего-то колоссального.

Потолок уходил в непроглядную высь, откуда свисали сталактиты — каменные сосульки, острые и тонкие, словно зубы неведомого исполина. С некоторых из них мерно срывались тяжёлые капли, разбиваясь о пол с хрустальным звоном. Вместо рваного, щетинистого камня шахты здесь возвыша-

лись натечные образования. Они напоминали застывшие водопады из воска или складки тяжелого бархата, переливающиеся в свете огня мягким жемчужным блеском. Под ногами больше не было ровного пути, теперь это была бугристая поверхность из скользких валунов и лужиц, заполненных ледяной водой настолько прозрачной, что казалась просто слоем холодного воздуха.

— Ах... — вырвалось у Анны.

Она подняла лампу выше, и свет отразился в миллионах крошечных кристаллов на стенах. Там, где просочилась вода, камень зацвел ядовито-зеленым малахитом и глубокой, почти ночной синевой азурита. Масляное пламя — желтое и мягкое — дробилось в тысячах граней кварца. Кристаллы, вросшие в медную руду, вспыхивали острыми искрами.

— Ну, как тебе? Стоило это того, чтобы спуститься? — спросила немного самодовольно Дзоргрит.

— Да. Будто тысячи звёзд застыли в камне, — восхищённо ответила Анна.

Их перебил Корон:

— Тихо! Не шумите.

— Здесь кто-то водится? — тихонько и удивлённо спросила Анна у Дзоргрит.

— Возможно. Говорят в таких местах есть древние существа. Моя бабушка рассказывала, что под землей в древние эпохи образовывались пустоты, куда волей судьбы могла попасть жизнь. Прошли тысячи, а может, и сотни тысяч лет.

И неизвестно, какие формы могла она принять, и насколько опасно то, что живёт в таких местах, — Дзоргрит выдержала паузу. — Конечно, если такие существа смогли выжить.

Они шли дальше за Короном. И вскоре Анна увидела их. Они засветились зелёными радиальными линиями: целая гряда небольших грибов с неприятным видом и названием чёрно-зелёные вывертыши. Место, где они росли, нагоняло ужас. Анна застыла в оцепенении. *Сотни. Или... может, тысячи мелких костей. Целый бугор.* Это был не просто гриб, а настоящий хищник этого места. Она чуть подошла, как в нос ударил заметный запах гниющей плоти. К горлу подкатила тошнота, и она отпрянула. Гномы стражники переглянулись. Анна стремительно отошла назад к лужице с освежающей леденящей водой.

— Одну храбрую исследовательницу уже стошнило, — съёрничал Корон.

— А ты сам попробуй подойди, — в защиту сказала Дзоргрит и обратилась к подруге: — Ты как, Анна?

— Нормально. Я просто не ожидала этот запах, — отдышавшись, ответила она.

Поздно бояться. Я за этим и пришла. Анна собралась с духом и снова двинулась в сторону грибов. Их радиальные зелёные линии поблёскивали тусклым гипнотизирующим светом. А бугор костей, на котором они росли, раскрывал всю их зловещую суть. Анна медленно приближалась к грибам, приторный смрад разлагающейся плоти душил. *Све-*

жих трупов не видно. Но откуда этот запах гниения? Каждый шаг сапог отзывался глухим хрустом, эхом расплзающимся по пещере. Стало совсем жутко. Словно плач мёртвых.

Анна делала медленные шаги. Время замедлилось. *Наконец. Вот они,* — устало подумала она и вздохнула, когда перед ней показались грибы. Она наклонилась и потянулась левой рукой, на ладони которой виднелась тёмно-бордовая засохшая вперемешку с грязью кровь. И чёрно-зелёный вывертыш почувствовал её, свисающие по краям отростки гриба, напоминающие волоски, зашевелились. Не от ветра — по воле гриба. По спине прошёл холодок. На миг ей показалось, будто гриб смотрит ей прямо в глаза. Анна тут же почувствовала мягкий грибной запах. *Они испускают споры, чтобы заразить новую жертву. И это я.*

Она не стала больше ждать, быстро сорвала первый гриб, следом ещё несколько, росших поблизости, и убрала их в небольшую сумочку на плече. *Этих должно хватить, но соберу ещё немного.* Анна выпрямилась, как вдруг, будто почувствовала чей-то взгляд за спиной. Она обернулась. Из теней выскочили две фигуры, они стремительно неслись на её спутников. Они были размером с крупных собак, мохнатые, белого цвета. Анна только успела выкрикнуть:

— Сзади!!!

Один из стражников только успел повернуться, как в его руку вцепилась разинутая пасть.

— А-а-а! — раздался крик.

— Инестые волки! — выкрикнул второй стражник, вынул меч и принял защитную стойку.

Быстрым движением первый стражник вынул короткий меч и рубанул им по диагонали. Свежая кровь окропила камни. Хватка волка ослабла, и он замертво рухнул. Второй волк отступил к показавшимся из теней ещё двум. Они стали кружить чуть поодаль.

— Чёрт! Откуда они здесь? Надо уходить! — скомандовал Корон. — Они атакуют стаями, и их может оказаться здесь намного больше.

Паника ударила в голову жаркой волной. Анна инстинктивно приготовилась к бегу. Она всем весом упёрлась в вершину костяного бугра, готовая к рывку. Но вместо сухого костяного треска из глубины донесся тяжелый, хлюпающий всхлип. Что-то внутри, под слоем костей, податливо просело, будто надутый кожаный мешок. Раздался резкий звук — мокрый хлопок, словно лопнула перезревшая ягода или прогнивший бурдюк.

Бугор с костями качнуло, нога поехала, и Анна упала. Под кучей костей, в самом центре, лежала огромная туша животного, разлагавшаяся неимоверно долго, почти уже превратившаяся в жижу. Давление ноги стало последней каплей. Истончившаяся шкура лопнула, и из разрыва, чавкая, хлынул поток мутного, белесого гноя вперемешку с темной сукровицей и полусгнившими внутренностями.

В нос ударило настолько сильное зловоние, что заслезившись глаза: запах старой мертвечины, смешанный с едким аммиаком. Волки застыли, принюхиваясь к новому запаху. Их вытянутые морды опустились к земле, ноздри судорожно дрогнули. Один из них тихо, почти по-щенячьи, заскулил и попятился.

— Назад, — сказал Корон. — Все назад. Медленно.

— Смотрите! У них нет глаз, — произнесла удивлённо Дзоргрит.

— Эти твари прозябают здесь поколениями, — злобно прорычал раненный в руку стражник.

Анна стояла на коленях у разорванной туши и только теперь поняла, что лежит под ней. Из-под костей показалась тёмная матовая поверхность — панцирь, гладкий, без единой трещины, около 1 метра в поперечнике.

— Это... — выдохнула Анна. — Сколько же веков должно было пройти, чтобы здесь, под костями, оказался панцирь?

— Адамантий, — сказал изумлённо Корон. — Древняя адамантиевая черепаха.

— Брат, надо забрать панцирь, — сказала Дзоргрит, глаза у неё горели.

Анна не знала, что это был за материал, но определённо очень ценный. Волки больше не бросались. Они отступали, но не убегали — кружили, словно не решаясь оставить территорию. Их худые тела дрожали, рёбра вздымались под кожей. Сросшиеся глаза не видели, слух и обоняние заменили

им зрение.

— Нет времени, он слишком большой и тяжёлый. Надо уходить, — строго отрезал Корон. — Волки скоро вернутся. Голод всегда сильнее страха.

И словно подтверждая его слова, из дальних проходов донёсся ответный вой — высокий, сорванный. Другой. Третий.

— Быстрее! — рывкнул Корон.

Они бежали. Анна вынула руку из косынки на бегу. Плечо вспыхнуло болью — она сжала зубы и выхватила кинжал правой рукой. Она спотыкалась, лампа металась, свет рвал тьму на клочья. Первый волк настиг их у выхода из пещеры — он выскочил сбоку, вцепился стражнику в ногу. Металл лязгнул, раздался хрип и ругань:

— Сука-а-а!

Корон развернулся, вытянул руку. Пламя вспыхнуло резко, жёстко — не костром, а ударом. *Mag!* — удивлённо отметила Анна. Волка отбросило, шерсть вспыхнула, и он заскулил — тонко, почти по-человечески. Но на его место тут же рванули ещё двое.

— Их слишком много! — крикнула Дзоргрит.

Огонь освещал тоннель рваными вспышками. Волки не боялись боли — худые, истощённые, они лезли вперёд, натываясь на мечи, на огонь, на друг друга. Один прыгнул Анне под ноги — она упала, ударилась ещё невыздоровевшим плечом, от резкой боли в глазах потемнело. Челюсти клацнули в воздухе. Анна ткнула кинжалом вслепую — лезвие скольз-

нуло по шерсти, не пробив. Меч опустился сверху. Хруст. Тело дёрнулось и обмякло.

— Вставай! — Дзоргрит рванула её за куртку.

Тоннель был уже рядом. Узкий. Низкий. Корон сорвал рюкзак и высыпал на камень два объекта цилиндрической формы. Это были специальные шахтные бомбы. Руки дрожали. Он активировал руны. Бомбы засветились. Волки уже были близко — слышно было, как когти царапают породу, как они толкаются в тесноте. Один из них прорвался, получил рубящий удар меча.

— Готово! — крикнул Корон. — Всем назад!

Чуть отбежав, прогремел взрыв. Не громкий — он был глухим. Камень вздрогнул, воздух ударил в спину, свет погас. Анну швырнуло о стену, из лёгких выбило дыхание. Что-то обрушилось, завалило проход. Вой оборвался резко, как перерезанный.

Пыль стояла стеной. Анна кашляла, прижимаясь к холодному камню. Где-то рядом стонал стражник. Корон тяжело дышал, опираясь на стену.

— Оторвались? — прошептала, поднимаяющаяся с земли Дзоргрит, и закашляла.

— Да, — ответил он после паузы. — Надо скорее возвращаться и рассказать обо всём.

Из-за завала ещё несколько мгновений доносилось скребущее царапанье, потом всё стихло.

— Находка слишком ценная, чтобы оставлять её этим тва-

рям, — произнёс стражник, державший раненую руку.

Где-то за завалом, в темноте, остались волки. И панцирь — единственное напоминание о древней адамантиевой черепахе, медленно умиравшей под землёй, пока гриб терпеливо ждал своего часа.

3.9 Металл, золото и кровь

«Глаза могут солгать, руна может потухнуть, но звон металла всегда говорит правду», — Анна произнесла про себя слова мастера Дурвина Олрэнберга и, замахнувшись увесистым молотком резонанса, нанесла резкий удар по стальной заготовке. Звон вышел чистым, ясным.

— Эта заготовка в порядке, — сказала Анна.

Сейчас проходило практическое занятие по предмету «Основы магии и магических инструментов». Это был первый день без косынки. Правая рука наконец была свободна и двигалась уверенно. *Зажила. Но память о боли осталась*, — отметила про себя Анна. Она усердно старалась нагнать сверстников по учёбе. На столе находилось 5 стальных рунических заготовок прямоугольной формы. Молоток резонанса был сделан из специального закалённого серебра: по его звону можно было выявить дефекты заготовки. Анна ударила по следующей заготовке. *Дребезжание.*

— Внутри трещина или пустота. Если пустить ману — может выйти из строя или в худшем случае взорваться.

Затем Анна нанесла ещё 3 удара. *Звук чистый. Но должна быть заготовка ещё с одним дефектом.* Рядом стоял мастер и ждал ответа. Пальцы сжали рукоять сильнее. *Не надо волноваться. Лучшие перепроверю.* Она снова ударила по предыдущим заготовкам и наконец уловила слегка глухова-

тый звук.

— У первой заготовки повреждена руна. Она может работать нестабильно, выйти из строя или взорваться. В худшем случае есть вероятность проникновения тёмной маны в руны, что может вызвать катастрофический эффект.

— Хорошо. Если нет уверенности в правильности выбора, то лучше перепроверить, — сказал Дурвин Олрэнберг.

Он сделал у себя в журнале запись и перевёл взгляд на сидящих за столами студентов.

— Все сегодня справились, хоть некоторые и не сразу. В целом, это очень хороший результат. Раз у вас это последнее занятие, то закончим пораньше. Все свободны.

Анна сняла серый халат для практических занятий, под которым был тёмно-синий жакет с гербом факультета. Она чувствовала себя в нём по-особому, более уверенно. Учёба ей нравилась. *Здесь спокойно. Распорядок. Знания.* Она вышла из кабинета. За окном — дневное солнце, камень стен, студенты переговаривались о лекциях.

— Ты что так долго возишься? — спросила недовольно Дзоргрит, ожидавшая в коридоре. — Помнишь я тебе говорила, что на выходных будет проходить аукцион?

Анна кивнула в ответ.

— Приезжай завтра ко мне к обеду. Тебя будет ждать подарок, — хитро улыбнулась Дзоргрит. — Только ни в коем случае не опаздывай. А сейчас мне надо срочно бежать по делам.

Подарок? — удивлённо подумала Анна и только хотела спросить про него, как Дзоргрит в припрыжку унеслась. *Что с ней? Странно.* Она медленно пошла по коридору. Вскоре она услышала знакомый голос:

— О, Анна! Здравствуй.

Она остановилась, обернулась. Тейлор фон Варенбелл стоял у колонны, опираясь плечом о камень. Лицо — приветливое. На губах — улыбка.

— Вижу, вы уже выздоровели, — произнёс он мягко. — Я так за вас рад. Переживал.

Анна молчала. Сердце забилося чаще. Она кивнула, стараясь не выражать эмоций.

— Спасибо.

Тейлор шагнул ближе. Взгляд скользнул по её плечу — правому, свободному от косынки.

— Рука совсем зажила? — спросил он, будто из вежливости.

Рука Анны дрогнула. Непроизвольно пальцы коснулись плеча — того самого, что было выбито. *Чёрт.* Тейлор это заметил. Улыбка стала чуть шире. Едва заметно. Их взгляды встретились.

— Берегите себя, — произнёс он и, не дожидаясь ответа, развернулся.

Анна стояла, сжав кулаки. Он хотел увидеть страх. И увидел. Плечи дрожали. *Не здесь. Не сейчас. Ты у меня ещё попляшишь.* Она выдохнула и пошла к выходу. На улице с

крыш падали небольшие капли талой воды. Близилась весна. Но внутри неё не было тепла — только холод решимости. Она шла по улице, не замечая прохожих. В голове крутилось: улыбка, взгляд, слова «берегите себя». Кулак в правой руке она так и не разжала.

Дома было тихо. Томера не было. *Он задержится как обычно.* Анна закрыла дверь. Щёлкнул замок. Академия осталась позади. Анна быстро прошла на кухню, достала из ящика латунный шприц с толстой иглой. Положила его в кастрюлю с водой, поставила на плиту. Вода закипела. Пузыри, шипя, лопались на поверхности.

Она достала шприц щипцами, остудила. Затем закатала рукав рубашки. На левой руке — синяки. Четыре. Тёмные, почти фиолетовые. Следы проколов. *Уже две недели прошло.*

Анна села за стол. Перед ней — флакон с чернилами, пустая чашка. Она вспомнила лицо Тейлора. Улыбку. Взгляд. Злость вспыхнула резко — как спичка. Рука сжалась на шприце. *Он улыбался.* Толстая игла вошла в вену. Анна стиснула зубы. Поршень потянулся назад — тёмная кровь наполнила шприц. На миг в глазах потемнело. Она вытащила иглу, прижала ватку к месту прокола. Кровь капнула на стол. Она вытерла тряпкой.

Вылила кровь в чашку. Добавила чернила. Размешала. Жидкость стала густой, почти чёрной, с красноватым оттенком. Анна взяла чашку и пошла в дальнюю комнату — ту, где делала уборку. В углу, в старой тумбочке, стоял горшок. Она открыла дверцу.

Чёрно-зелёные вывертыши. Первые грибы. Маленькие. Шляпки — чёрные, как смола. По краям — тонкие зелёные линии, едва заметные. Под шляпками — белые ножки, тонкие, будто нити. Мицелий оплёл почву, вросся в неё белыми паутинными корнями.

— Две недели. Они растут, — тихо констатировала Анна.

Она наклонилась, медленно, полила грибы. Жидкость впиталась в почву, потемнела. Запах — лёгкий, грибной, с примесью чего-то едкого. *Кровавый договор*. Теперь это уже было не из книги. Вдруг грибы будто шевельнулись. Зелёные линии на шляпках слабо блеснули. Анна отпрянула. *Показалось?* Из тумбочки ещё пару мгновений тянуло сырой землёй и чем-то сладковато-гнилым, будто грибы дышали.

Она закрыла тумбочку. Вернулась на кухню, вымыла чашку, шприц. Закатала рукав обратно. Синяки скрылись под тканью. За окном темнело.

Вечером Анна села у окна. Луна Эребус уже висела над городом — тёмное пятно на фоне неба. Светлая луна Фаэтус только поднималась из-за горизонта. Рука побаливала — не сильно, но ноющее. *Путь. Намерение. Воля*. Слова мастера Элгрид эхом отозвались в голове. *Я не стану чудови-*

щем, — подумала она. *Я просто буду сильнее.* Но где-то глубоко, под слоем уверенности, шевелился страх. Тонкий. Холодный. Как корни гриба, вросшие в почву.

Утро. Анна проснулась с тяжёлой головой. К обеду она собралась и вышла из дома.

Обособняк семьи Кхазррак возвышался в западном квартале Беланкора — массивный, сложенный из плит белого камня. Вход был огорожен тяжёлым кованым забором. Ворота охраняло два стражника. Дверь открылась, показалось знакомое угловатое лицо подруги. Дзоргрит, не выходя, выкрикнула:

— Пустите её. Это мой гость.

Ворота открылись, Анна зашла. У порога её встретила подруга. В богатом особняке Анна ощущала себя некомфортно. Они прошли в небольшую комнату с каменным столом. На нём в кружках был разлит ароматный чай, в чашках лежало печенье.

— Будешь чай? — спросила Дзоргрит.

Анна кивнула. Они сели за стол. Анна осторожно взяла печенюку, откусила. *С орехами, вкусные,* — отметила она и запила чаем.

— Дедушка скоро заедет за нами, и мы вместе отправимся на аукцион. — сказал Дзоргрит. — Кстати, я давно хотела

тебя спросить о кое-чём.

— О чём? — спросила Анна с набитым ртом.

— Как он тебе? — подруга закинула в рот печенье и придвинулась ближе. — Я же видела вас вчера в библиотеке.

— Мы просто... — Анна уткнулась в кружку с чаем, — мы просто обсуждали математику. Высшая математика сложная, ты сама знаешь.

— Ой, не смейся! Он о тебе несколько раз спрашивал, пока ты выздоравливала. И вы там сидели только ради теории? Он глаз с тебя не сводил, пока ты ему что-то там шептала. Признайся, Грэй тебе нравится! Ну, хоть чуть-чуть?

— Ни капельки, — возразила Анна с появившимся румянцем и начала крошить печенку в блюдце. — Просто он... ну, нормальный. Не то что этот Тейлор. Всё, давай пить чай и не выдумывай!

Дзоргрит хихикнула. Затем она достала кожаный свёрток, развернула. Внутри — два тёмных осколка. Матовый металл поглощал свет, словно застывшая ночь.

— А это тот самый подарок. Адамантий, — произнесла Дзоргрит. — По 50 грамм. Один продашь сегодня на аукционе — хватит надолго. Второй... на то, чем сможешь защититься. Наш клан достал тот панцирь, хоть и с трудом.

Анна взяла осколки. *Увесистые. Холодные.*

— Это слишком дорого, — тихо сказала Анна, всё ещё не веря, что держит это в руках.

— Мы с братом могли погибнуть, если бы ты не выкрик-

нула предупреждение, — отрезала Дзоргрит. — Так что, по сути, это не подарок — а расчёт. К тому же я просила за тебя.

Анна медленно кивнула. Дзоргрит задумалась, а затем спросила:

— Я видела, что у тебя есть кинжал. Может использовать адамантий для него?

— Но его же слишком мало? — спросила непонимающе Анна.

— Да. Кинжал из адамантия это слишком роскошно, и его не хватит. Но можно сделать из него только наконечник. Кинжал сможет пробивать броню. А если нанести руны, то и с магическими барьерами будет справляться. Правда...

Анна смотрела на неё не отрываясь.

— Что ты на меня так смотришь? — немного смущённо спросила Дзоргрит, но затем продолжила уже уверенно: — В общем, это будет стоить довольно дорого. Я думаю, что около половины золотого. Но у меня есть очень хороший знакомый кузнец. Наша семья заказывает у него оружие и доспехи. Он не обманет и сможет выполнить заказ на высшем уровне.

Аукционный зал находился в центре города в подземной части под крупным двухэтажным зданием. Это была одна из крупнейших торговых палат, на входе висела позолоченная вывеска «Чертог Мастеров». В ней продавались различные

артефакты, зелья и прочие товары. *Место для богачей*, — решила Анна, когда проходили мимо и взглянула на ценники возле главного входа. Они обогнули здание и зашли в боковую дверь. Крутая узкая лестница вела вниз. Дзоргрит, её дедушка — седой гном с тяжёлым взглядом — и Корон шли впереди, Анна — следом.

Их встретил учтивый пожилой гном в чёрном костюме и моноклем.

— Господин Дорин, мы вас ждали. Вас ожидает самое лучшее место. Будут ли какие-либо пожелания? — сказал он и улыбнулся.

— Главное пожелание, чтобы всё прошло успешно и прибыльно, — сухо ответил Дорин.

— Дедушка, — обратилась Дзоргрит.

— Ах, да. Девчуля, — Дорин строгим взглядом обратился к Анне, — другого момента не будет.

Анна, немного замешкавшись, достала кусочек адамантия и подала.

— Здравствуйте, можно ли выставить этот адамантий в начале торгов, чтобы в залог его стоимости я смогла приобрести другие товары?

Гном удивлённо взял его и стал рассматривать.

— Как я вижу, он тоже из вашей коллекции господин Дорин. Мы не занимаемся изменением списка в день торгов. Но ради вас, можем сделать и исключение.

— Спасибо, — поблагодарила она в ответ.

Дальше им вручили чёрные вуали и жетоны с номерами. Анна надела вуаль — лицо скрылось. *Здесь все анонимны и нет имён.* Она выдохнула от напряжения.

Их провели в отдельную комнату — небольшую ложу с окном, выходящим в зал. Внизу — ряды сидений, затянутых в полумрак. Фонари горели тускло. На сцене — подиум, покрытый чёрным бархатом. Вскоре вышел аукционист — высокий гном в тёмном сюртуке. Голос — ровный, без эмоций.

— **Лот номер 1.** Адамантий. Фрагмент. Происхождение подтверждено. Извлечён из панциря древнего существа. Структура цельная. Вес — 51 грамм. Для крупной брони не годится. Подходит для наконечников, режущих кромок и специальных рунных изделий. Стартовая цена — 2 золотых Эйре.

Тишина. Затем — первая ставка.

— 3 золотых.

— 3 золотых и 120 серебряных.

Пауза. Никто не повысил. Аукционист стукнул молотком.

— Продано.

Анна сглотнула. Пульс отдавался в висках. *3 золотых и 120 серебряных. Я никогда не держала таких денег.* Корона хмыкнул.

— Хорошая цена. За кусок мёртвой твари.

Анна промолчала. *Тварь? Это же великое древнее существо.* Она не могла понять Корона. Сама черепаха им не угрожала, хоть они и могли остаться в пещере навсегда.

Лоты сменялись. Древний меч эпохи Чёрной Стали ушёл за 24 золотых. Корон пытался торговаться, но цена улетела. Он был не в духе и сплюнул.

— Богачи. Им бы что-то блестящее на стену повесить.

Лот номер 25. Эльфийские сапоги ветра.

— Трофей. Носят разведывательные подразделения эльфийской армии. Высококачественная кожа, чары сохранены. Накапливает ману носителя. Эффект — снижение веса шага, кратковременное ускорение. Стартовая цена — 100 серебряных.

Кто-то в зале хмыкнул. Кто-то выкрикнул проклятие. Анна подняла взгляд. *Почему они так относятся? Это просто не для них,* — решила она. Цена вскоре поднялась до золотого. *Уже так дорого, но я попробую.* Анна подняла жетон. Рука немного дрожала. Дзоргрит покосилась на неё.

— Зачем тебе эльфийские сапоги?

— Для моего телосложения и быстрых перемещений самое то, — ответила Анна.

Дзоргрит задумалась, а затем кивнула. Молоток стукнул. Сапоги — её.

Лот номер 26. Защитный корсет «Хладная Бездна». На подиум вынесли массивную конструкцию — доспех, закрывающий торс от тазовых костей до груди. Он не просто облегал тело — он держал его, как экзоскелет. Аукционист заговорил:

— Шкура глубоководного змея. Кожа чернильно-синего

цвета, крупная чешуя на животе, мелкая — на боках. Твёрдая, как сталь, но эластичная в сгибах. Кожа змея, выдерживающая давление океанского дна, не боится колющих ударов. Довольно лёгкая. Вдоль позвоночника и по бокам вшиты пластины из красной меди. На них выгравированы руны холода. В активном состоянии медь покрывается льдом, который не тает даже рядом с лавой. Защита от огненных техник. Стартовая цена — 3 золотых.

Дзоргрит выпрямилась. Взгляд заострился.

— 4 золотых, — произнесла она, подняв жетон.

— 7 золотых.

— Сестра, ты серьёзно? — спросил удивлённо Корон.

— 8 золотых, — не отвечая, подняла она ставку.

Пауза. Дзоргрит сжала жетон. Дедушка кивнул ей. Она подняла руку.

— 10 золотых.

Лот ушёл. Дзоргрит откинулась на спинку кресла, словно устала.

— Доспех глубоководного змея... — тихо произнесла она.

— Такое редко выставляют, — сказал Дорин старческим голосом.

Анна взглянула на подругу. *10 золотых. Она потратила такую большую сумму. У неё есть богатая семья. Защита.*

Лот номер 44. Зелье тёмной маны. Аукционист сделал паузу. Слишком длинную.

— Происхождение — подземные алхимические мастер-

ские. Состав нестабилен. Эффект — временное усиление отклика на потоки маны, в том числе тёмные. Побочные реакции — истощение, дезориентация, навязчивые состояния и более печальные. Реализация без гарантий. Ответственность — на покупателе.

В зале — неловкое молчание. Кто-то откашлялся и сказал: — 30 серебряных.

Анна вспомнила часть названия свитка с техникой и задумалась: «... *Тёмные контуры маны*». *Это зелье может пригодится в сложный момент.* Она подняла жетон.

— 50 серебряных.

Никто не увеличивал ставку. Молоток стукнул. Дзоргрит повернулась. Взгляд — острый, изучающий.

— Анна... ты уверена, что знаешь, что делаешь?

— Да, — ответила она, не отводя глаз.

Лот номер 45. Трактат «Сумеречные каноны». На подиум вынесли тонкий потёртый том в тёмной кожаной обложке, переплёт был потрескавшимся.

— Книга о забытых богах и их ритуалах. Содержание: культы древности, магия подземелий, взаимодействие божественных энергий с минералами, растениями, подземными существами. Не предназначена для боевой магии. Показывает связь между жизнью, смертью, энергией и материалами подземного мира. Гарантий безопасного применения нет. Стартовая цена — 50 серебряных.

Кто-то в зале фыркнул:

— Слишком тёмная...

Анна подняла жетон.

— 60 серебряных.

— 150 серебряных.

Она сжала кулак. Ногти впились в ладонь. *Уже слишком дорого.*

— 1 золотой и 100 серебряных, — кто-то сделал ставку.

Она опустила руку. Цена росла дальше.

— 3 золотых.

Аукционист завершил торг. Анна выдохнула. *Не моё. Там могло быть что-то важное.* Дзоргрит наклонилась к ней.

— Зелье тёмной маны. И ты хотела книгу про забытых богов? — голос тихий, но настороженный. — Анна, что ты задумала?

— Защищаться, — коротко ответила она.

Дзоргрит помолчала, выдержав паузу.

— Ты идёшь по опасному пути. Не делай глупостей, лучше попроси помощи.

Анна не ответила.

Лот номер 46. Книга «Методы Тонкой Руны».

— Книга известного в определённых кругах и изгнанного мастера рун Хёрда Шалангарда. Методы наблюдения, комбинирования, считывания энергии. Прямых боевых схем нет. Позволяет адаптировать руны под индивидуальные способности. Книга не сертифицирована гильдией. Все риски на клиенте. Стартовая цена — 100 серебряных.

Анна подняла жетон. Цена поползла вверх. 120 серебряных. 1 золотой. 1 золотой и 20 серебряных. Лот ушёл. Книга — её. *Остался 1 золотой и 50 серебряных. Надо оставить деньги. Часть в уплату долга Бараздару, часть на кинжал.*

Корон покачал головой.

— Ты почти всё спустила на странные вещи.

— Зато полезные, — тихо возразила Анна.

Дзоргрит ничего не сказала. Но взгляд её стал тяжелее.

Лот номер 50. Главный. Аукционист поднял руку. Вынесли массивный объект, накрытый тканью. Ткань сдёрнули. Панцирь. Тёмный. Гладкий. Огромный.

— Древняя адамантиевая черепаха. Обнаружена на дне горного озера. Чистый адамантий. Половина панциря. Вес значительный — 152 килограмма. Обработке поддаётся с трудом.

Анна замерла. *Скрыли правду. Но это она. Та самая.* В памяти вспыхнуло: пещера, сталактиты, бугор костей, гной, белые нити мицелия. Волки. Взрыв. *Я стояла на ней. Я сорвала грибы с её тела.* Торг начался. Цифры росли стремительно. 2000 золотых. 3000 золотых. Анна сжала подлокотник кресла. Костяшки побелели.

4000 золотых. Молоток стукнул. В зале — гудёж. Кто-то потратил баснословные деньги, но приобрёл ценнейший ресурс. Анна сидела неподвижно. В голове — одна мысль: *Я была рядом. А теперь он стоит... столько.* Дзоргрит взглянула на неё.

— Ты в порядке?

Анна кивнула. Но рука дрожала. *4000 золотых. Это 640,000 серебряных. Целая гора. Это... около 42,500 месяцев, 3500 лет работы отца.* Она медленно выдохнула. *Значит вот она: цена опасности и крови.* Анна сжала второй осколок адамантия в кармане. Он был маленький, но казался тяжелее всей её прежней жизни. Металл впился в ладонь. Холодный, как решимость.

Вчера утром она проверяла заготовки молотком в академии. Аккуратно. Методично. Мастер поставил зачёт. Сейчас она сидела в вуали, покупала зелье тёмной маны, смотрела на панцирь существа, сорванные с которого грибы поливала собственной кровью.

Как быстро всё изменилось. Не правда ли, Арани? Она обратилась сама к себе и вспомнила о фон Эрнерах, о Штурмовых Птицах — врагах, кто гнался за её семьёй, — о жертве матери. Мне нужна сила. И я заплачу любую цену.

3.10 Грибные чудеса

Она дрейфовала в густом киселе из времени и спор. Не стояла. Не лежала. Просто была — размазанная по пространству, словно слизь в затянутом тиной старом пруду. Стены реальности пошли рябью, как отражение в луже, в которую бросили камень. Вместо горизонта — бесконечная стена из гигантских белёсых жабр, которые всасывали пространство и выдыхали его обратно, окрашивая всё в неоновый цвет переспелой сливы.

Взор устремился ввысь. Вместо звёзд — гигантские шляпки поганок. Они росли сверху вниз: красные, пурпурные, синие, жёлтые и других едких цветов, к которым невозможно было подобрать названия. Анна попыталась сделать вдох, но не смогла. Она просто ощущала воздух вокруг: густой, перенасыщенный сладковатым запахом гнили и старой меди, как в старой шахте. Он состоял не из кислорода, а из видимой разноцветной пыли спор. И каждый цвет пах по-своему. Она ощутила дрожание, шляпка гриба рядом затряслась. Густое пурпурное облако спор опустилось. Его привкус — металл на языке, как у крови из ранки в детстве. И тело задрожало от возбуждения.

Она попыталась поднять руку, но та была тяжёлой, как сырое бревно. Из-под её ногтей, медленно разрывая плоть, пробивались крошечные зелёные грибы чешуйчатки. Они росли

с лихорадочной скоростью, раскрываясь и выбрасывая облака золотистой пыли. Пальцев было по 12 на каждой руке, и с каждого стекала слизь с поблёскивающими частицами.

Её охватил ужас. Она попыталась закричать, но вместо крика из рта вылетела стая прозрачных мотыльков с крыльями из тончайшей грибной плесени. Они кружили в сумасшедшем танце, выстраиваясь в созвездия, которых никогда не видело небо живых. Голова закружилась. Раздался булькающий голос:

— Твоя кровь слишком жидкая, — пропел гриб-исполин, чья ножка уходила в бесконечность, а шляпка светила ярче солнца.

Пространство внезапно сжалось до размеров спичечного коробка, а затем взорвалось миллионом искр. Она увидела себя со стороны: тело было огромным трутовиком, приросшим к дереву, корни которого тянулись из непроглядной бездны в невидимую высь. Каждый вдох — это выброс спор, каждый удар сердца — это содрогание всей грибницы в радиусе тысячи километров.

Мир начал плавиться. Скалы вдали потекли серым воском, превращаясь в пену из сморчков. Её сознание дробилось, распадалось на крошечные атомы, и в каждом атоме она проживала отдельную жизнь: жизнь гриба, жизнь плесени в гниющем пне, жизнь ядовитого тумана.

«Нет больше Я. Есть только Мы, Мы — Великий Распад и Обновление, Мы прекраснее любого заката и рассвета»,

— звучало в голове. *Нет. НЕТ. Я — Анна. Я... Кто такая Анна?*

Вдруг мир начал сужаться в точку. Она почти исчезла, как вдруг ощутила сырую, тяжёлую плоть. У неё больше нет глаз, нет рук, нет имени. Есть только кольчатое, влажное тело. Она — единичное усилие, рывок сквозь мрак. Её сознание сосредоточено в шляпке, которая с неистовой, гидравлической силой раздвигает пласты тяжёлой, липкой глины. Это жизнь, полная невыносимого давления, но награда неистово сладка.

Она чувствует вибрацию сверху — это шаги существ, которые кажутся богами, но для неё они лишь потенциальный перегиб. Её жизнь — это триумф поглощения. Она прорывается через землю, пропитанную питательной жидкостью недавно умерших богов. *Уже бывших богов.* Она вгрызается в их сладковатую, разлагающуюся ткань на поле битвы, и этот вкус — её единственный смысл существования. Она ест смерть, превращая её в иную жизнь. Темнота здесь не пугает, она ласкает тонкую слизистую на поверхности шляпки.

Она пробивается на поверхность, и первый глоток ночного воздуха ощущается как обжигающий холод. Она стоит на тонкой, полый ножке, вибрируя от каждого движения ветра. Её существование — это ожидание момента. Она чувствует, как внутри созревают миллионы спор, как они щекочат изнутри, умоляя о свободе.

Нет. Я не это. У меня есть имя. Имя... А... Арани... Мысль разлетается спорами. Охватывает экстаз. Споры сы-

пятся из-под шляпки. *Я — факел, несущий семя, перерабатывающее смерть, и это моя единственная цель.*

Настаёт день. Анна чувствует — разум расплывается. Охватывает страх, страх забвения. Но нет, она становится чем-то другим. Теперь у неё нет плотности. Она — взвесь, марево, лиловый выдох больного леса. Она плывёт над оврагами, и там, где её парящие «пальцы» касаются живого, начинается агония.

Она чувствует панику в лёгких зверя, который случайно вдохнул часть её существа. Она наслаждается тем, как её споры оседают на влажной слизистой глаз добычи, прорастая там за минуты. Она не имеет формы, но она вездесуща. Она — это само ожидание беды. Её сознание — это шепот тысяч крошечных частиц, которые хотят только одного: осесть и прорасти. *Тейлор? Кто это? Он вдыхает меня. Ха-ха...* Она смеётся, наслаждается его болью. *Сожрать его изнутри. Ха-ха...*

Анна перемещается в другое место. Её сознание теперь — это бесчисленная сеть тончайших, прозрачных волосков, окутавших мертвый пенёк дуба. *Нет. Не пенёк. Панцирь. Огромный, холодный. Адамантий не гниёт. Нет. Это древесина.* Она чувствует её не как преграду, а как сахар. Она облизывает губы. *Какие губы?* Но вкус сахара на губах остаётся. Она — белая пелена, медленный пожар, который не горит, а растворяет.

Это жизнь в состоянии абсолютного поглощения. Она

проникает в каждую пору, в каждый годовой слой, выпивая саму память дерева о солнце и листьях. Она чувствует, как пень, в котором она растёт всё больше и больше, превращается в труху, теряет твёрдость. Он становится частью её самой. Это триумф мягкого над твердым. Это тихий пир, который длится десятилетиями. Она не ест дерево — она медленно переписывает его плоть своей собственной, превращая историю могучего дуба в рыхлую, влажную субстанцию.

В тот момент, когда плесень доела последний узел древесины, лиловый газ спор развеяло холодным ветром, а одинокий гриб выбросил своё облако спор над полем брани, мир схлопнулся. Что-то вспыхнуло. *Огонь?* Плесень боится огня. Огонь сжигает споры, обращает мицелий в пепел. *Мама горела. Мама кричала.* Её сознание, только что бывшее и грибом, и плесенью, и газом, с размаху впечаталось в человеческий мозг. Боль была такой, будто мозг пропустили под пресс.

И тут тишину разорвал крик. Звук был живой, тёплой гортани существа, совершенно чужого в этом царстве гниения и смерти. Он был надрывный, человеческий, полный такой первобытной жути, что реальность вокруг окончательно рассыпалась прахом.

Анна распахнула глаза.

Воздух ворвался в лёгкие, как битое стекло. Сердце колотилось о рёбра, словно пойманная птица, напоминая о том, что у неё снова есть плоть. Ощущения были отвратительно

конкретными. Во рту был настоящий, не галлюциногенный вкус земли и горькой слизи. На коже ощущался липкий, холодный пот, который казался грибницей, всё ещё пытающейся прорасти сквозь поры. А в ушах стояло эхо того самого крика, который заставил её вынырнуть из небытия.

Она дёрнулась, пытаясь сесть, но мышцы онемели — тело всё ещё верило, что оно гниющий пень. Зрачки лихорадочно обшаривали пространство вокруг. *Моя комната*, — поняла Анна. Одеяло было скинуто. Она лежала на кровати и ещё несколько секунд боялась моргнуть — вдруг мир снова поплывёт.

— Это был просто сон, — произнесла она тихо, пытаясь успокоить себя, но голос дрожал.

Рука потянулась к правому плечу — медленно, будто боялась, что найдёт там не кожу, а шляпку гриба. Пальцы коснулись кожи. Плоть человеческая. Анна обхватила повязку. Под ней — горело и пульсировало. Мицелий чёрно-зелёного вывертыша проростал под кожей.

Анна медленно села. Ноги коснулись пола. Холодный камень. *Камень. Твёрдое. Мёртвое. Нет. Не мёртвое. Просто... камень.* Она подняла руки. Пересчитала пальцы.

— Десять. Должно быть десять. Раз. Два. Три... Десять. Хорошо.

Но ощущение оставалось — будто кто-то невидимый дёргает за нити, которых нет. Она провела уже два этэпа создания живой руны Кайдарнак. *Что я натворила? Охватил*

страх. *Но пути назад уже нет.* Вдруг раздался стук в дверь. Она легла, схватила одеяло и накрылась.

— Анна, ты в порядке? Я войду? — раздался голос Томера за дверью.

— Да, — выдавила она.

Дверь открылась. Она подняла взгляд. Томер стоял в дверях. *Органика. Тёплая. Влажная.* Анна дёрнулась. Мысль исчезла так же резко, как пришла, но Анна испугалась. *Только бы он не подошёл ближе.* Томер был в чёрном костюме. *Собирается на работу. Утро,* — поняла она. Он вопросительно взглянул на лежащую под одеялом Анну и нахмурился.

— Выглядишь паршиво. Ты кричала.

— Просто плохой сон, — постаралась спокойно ответить она, а затем, взяв паузу, добавила: — Правда, может немного и приболела. Езжайте без меня, я скоро соберусь.

— Ладно, — сказал Томер. — Но если себя плохо чувствуешь, то лучше оставайся дома. Померяй температуру.

Анна кивнула в ответ. Вскоре она услышала, как захлопнулась дверь. Она встала, подошла к зеркалу, взглянула в него. Под глазами были мешки. *Остался последний этап,* — проговорила она про себя, но радости не было. Она опустилась к тумбочке, достала свиток с техникой и небольшую коробочку с приспособлениями.

— «Дай мицелию путь. Руну можно направить. Но принять её — всегда выбор воли, тела и гриба» — сказала Анна,

разбинтовывая плечо.

Нити мицелия торчали прямо из кожи в местах проколов, тёмно-бордовые, вокруг которых виднелась запёкшаяся кровь. *Они напитались кровью. Моей кровью,* — мысль бросала в холод. Мицелий сбился в комок, впившись корнями, словно щупальцами какого-то монстра. Под кожей бугрились чёрные прожилки руны, от которой в стороны отходили тонкие нити, словно корни.

— Правильно ли я поступаю? — спросила Анна у своего отражения.

Она сжала кулак, ощущая прилив энергии. *Эта сила обязательно пригодится. А это просто был сон и галлюцинации. Побочные эффекты.* Большая часть руны была готова. Анна взглянула на схему, изображённую на свитке, все линии совпадали. Не хватало только последних штрихов. Она взяла ватку, пропитала её спиртом из небольшого стеклянного флакончика. Протёрла ею плечо и толстую железную иглу.

Прокол. Боль. Сильная, жгучая. Анна стиснула зубы. Выступила кровь. *Почему каждый раз всё больше? Это ещё одна цена?* Она сделала второй прокол. Третий. И далее. Каждый новый прокол будто пробуждал под кожей что-то спящее. В комнате разносились тихие стоны.

Анна обмотала плечо бинтом, легла на кровать. *Ещё потерпеть неделю, мицелий вырастёт, и руна будет завершена.* Она закрыла глаза и впала в короткое забытье. Прошло пару

минут.

— Надо идти на занятия. Вставай! — скомандовала она себе. — Первое я уже итак пропустила.

Она быстро собралась. Выпила почти залпом кружку чая. Хотела её убрать, как в руку ударила резкая боль. Она непроизвольно сжала пальцы, фарфор хрустнул и раскололся. Осколки врезались в ладонь. *Чёрт. Опять это случилось.*

Анна быстро перебинтовала рану, подошла к шкафу, достала коробку с сапогами ветра. Открыла. И замерла. *Они уже совсем почернели.* Не тёмно-зелёные, какими она их купила на аукционе. *Чёрные — как обсидиан, как ночь без луны, как... Как мицелий под кожей,* — пронеслась мысль.

Она подняла сапог к окну. Кожа поглощала свет. На швах — едва заметные зелёные нити, будто прожилки. *Они напитались тёмной маной?* — возник вопрос. Рука дрогнула. Сапог упал на пол. *Моей тёмной маной.* Она вспомнила лекции мастера Дурвина Олрэнберга: *Тёмная мана опасна, но позволяет быстро высвободить энергию.* На секунду ей захотелось выбросить сапоги обратно в коробку и никогда больше не трогать.

— Я научусь её контролировать. А это просто побочный эффект, — прошептала она. — Тёмная мана меняет материалы. Это нормально.

Но голос звучал неубедительно даже для неё самой. Она надела сапоги. Они сидели идеально. Лёгкие. Мягкие. Эле-

гантные. *Словно созданы специально для меня.* Анна встала. Сделала шаг. Почувствовала: вес тела почти исчез. Она вышла из дома, ступила на дорогу, затем оттолкнулась — прыжок получился вдвое дальше обычного. *Работают. Даже лучше, чем раньше, когда я их надела в первый раз.* Тепло разливалось по телу, она улыбнулась и пошла по улице, необычно быстро удаляясь.

В том месте, где она оттолкнулась на камне дороги, остались тёмные, невидимые без магии следы. Они медленно таяли, пока Анна удалялась, и исчезли почти в тот же момент, когда она свернула за ближайшим поворотом.

Занятия закончились. Улица. Тёплое солнце пригревало. Птицы щебетали. По мостовой бежали небольшие ручейки. *Весна,* — подумала Анна. Но вместо тепла ощущался пульсирующий жар. Дзоргрит была рядом, они шли.

— Ты последнюю неделю совсем бледная, как призрак, — сказала подруга.

— Просто устала. Учёба, — коротко ответила Анна.

— Учёба, — повторила Дзоргрит, в голосе слышалось сомнение. — И это всё?

Анна кивнула. Дзоргрит остановилась. Взгляд — острый.

— Покажи руку.

— Что?

— Левую руку. Покажи.

Анна медленно протянула ладонь, на ней виднелся лишь небольшой шрам. *Она, наверное, подумала о той ране, полученной в шахте. Думает, что гриб мог прорасти.*

— Ты не спишь. Ешь? — пауза. — Тот гриб... ты его действительно отдала Томеру?

Молчание.

— Анна...

— Да, — тихо сказала Анна. — Томер проводит исследование. Я помогаю. Всё.

Дзоргрит смотрела долго. Потом вздохнула. Они пошли дальше.

— Хорошо. Но если у тебя есть проблемы — скажешь мне.

Анна кивнула. *Ей лучше не знать. Правда намного страшнее.*

— А с правой рукой что?

Правой? Она узнала? Нет. Она просто увидела бинт.

— Готовила еду и просто порезалась, — ответила Анна.

Ложь. Но другого выхода нет. Дзоргрит снова тяжёло вздохнула. Они шли дальше молча. Вскоре запахло раскалённым железом, дымом и маслом. Вдали показались кузнечные цеха. Они подошли ближе. В огромных скальных породах были вырублены большие помещения, в которых кипела работа, раздавались звуки металла.

Они зашли в нужный цех. Внутри было жарко. Тусклый

свет и красное марево от раздуваемой печи освещало тёмные каменные стены. В глаза ударил нестерпимый блеск раскалённого металла. Анна прищурилась, пытаясь привыкнуть к сиянию. У дальней стены за тяжёлой наковальней стоял сам мастер Грондир — гном с седой бородой до пояса и руками, покрытыми старыми ожогами. Он наносил тяжёлые удары молотом по заготовке.

— А, Дзоргрит, — произнёс он, не глядя. — И твоя подруга. Наверное, за заказом. Подождите немного, я вот-вот закончу.

Они сели на скамейку. Время шло. Они молчали. Дзоргрит начала покачивать ногами. И тут Анна вспомнила: *Тогда в деревне я сидела также, покачивала ножками на скамейке и ждала подарки перед Новым годом. Папа подарил мне книги.* Анна улыбнулась. *Эх, теперь я жду оружие.*

— Да сколько можно? Уже прошло, наверное, полчаса. Где этот старый прохиндей? — выругалась Дзоргрит.

Анна взглянула на подругу, выражение лица Дзоргрит было совсем кислым и не таким, как у неё в прошлом.

— Ха-ха... — рассмеялась Анна от контраста картин.

— Что ты смеёшься? — непонимающе спросила подруга. — Я вся уже пропотела.

— Я тоже. Ха-ха... — Анна смеялась. От смеха стало только жарче. Она ощутила, как по груди сбежала капелька пота.

— Я даже не помню тебя такой, — сказала, хихикнув,

Дзоргрит.

— Кхм! — кашлянул мастер Грондир, привлекая внимание. — Смотрю, вы тут без меня веселитесь. Пошлите, я закончил.

Девушки встали и направились за гномом. Они зашли в небольшую светлую комнату. На столе что-то лежало, накрытое грубой серой тканью. Грондир подошёл, поглаживая бороду. Он самодовольно стоял и ничего не делал. Дзоргрит не выдержала:

— Сколько можно? Почему ты такой медлительный?

— Это вы слишком нетерпеливы, молодая мисс, — хохотнув, сказал Грондир.

Он играет с ней, — поняла Анна. Грондир протянул руку и снял ткань. На столе лежало два кинжала. Один — подаренный Уинстоном. Он блестел чистой белой сталью. А другой — похожего исполнения и такой же длины, но глубокого матово-черного цвета. Рукоять — из тёмного дерева, обмотанная кожаным шнуром. И наконечник. Адамантий. Тёмный металл, едва отличимый от стали, если присмотреться, то он вспыхивал холодным блеском — словно застывшая ночь.

— Сделал, как просили, похожий. Воронил в пять слоёв, — произнёс Грондир с гордостью. — Сталь теперь не ржавеет. А адамантий... — он постучал пальцем по наконечнику. — Пробьёт латы. Или череп.

Анна шагнула вперёд. Протянула руку. Пальцы коснулись

рукояти. И мир дрогнул. Не снаружи — внутри. В правом плече что-то откликнулось. Руна. Она пульсировала, словно проснулась. *Оружие. Кровь. Жадность. Ярость*, — в голове пронеслись картины и чувства. Анна сжала рукоять. Кинжал лёг в руку идеально — словно был сделан для неё. Вес — лёгкий, но ощущался. Она подняла его. Свет фонаря скользнул по воронёной стали.

— Хороший, — сказала она.

Грондир хмыкнул:

— Не хороший. Смертоносный. Береги его. И себя.

Он взглянул на её правое плечо. Слишком долго. *Он что-то почувствовал? Или показалось?* Анна опустила кинжал. Убрала его в ножны. И забрала второй. Она достала 90 серебряных Эйре и передала Грондиру.

— Спасибо, мастер.

Он кивнул. Когда они вышли, Дзоргрит заговорила:

— Не зря же я его посоветовала, он хороший мастер. Кстати, у меня возникла идея.

— Какая? — спросила Анна.

— Давай создадим отряд.

Анна остановилась.

— Отряд?

— В гильдии наёмников. Мы не можем вечно сидеть под защитой взрослых и семей. Сформируем отряд, будем брать заказы. Мелкие, сначала охота на зверей, зачистка подземелий... — Дзоргрит взглянула на неё. — У тебя теперь есть

оружие. У меня — доспех. Наберём ещё троих. Это опыт. И деньги.

Анна молчала. В голове крутилось: *Отряд. А если они увидят руну? Если узнают?*

— Не знаю, — осторожно ответила она.

— Подумай, — Дзоргрит не давила. — Не обязательно сейчас. Но мы могли бы...

— Я подумаю, — перебила Анна.

Дзоргрит кивнула, но Анна заметила: её взгляд стал чуть холоднее. *Я не могу ей доверять,* — решила она. Так они и шли, молча.

3.11 Тайные техники

Анна читала недавно купленную на аукционе книгу:

Гильдия учит, что руна должна быть чистой, повторяемой и подчинённой. Но ни одна душа неповторима. Так и любая руна — отражение души её автора. Техника Тонкой Руны не требует копирования. Она не схема, а диалог. Она реагирует на дыхание, на дрожь пальцев, на скрытое сомнение. Если твоя рука дрожит — позволь руне дрожать вместе с ней. Если твоя энергия холодна — не пытайся зажечь огонь кузни, адаптируй её до тлеющих углей.

[Анна протянула руку и взяла со стола зелёное яблоко. В её комнате раздался хруст. Приятный кисло-сладкий сок растёкся по рту. Она перевернула страницу и продолжила читать книгу.]

Каждая руна имеет отклик, подобно картине, где важен не сюжет, а давление кисти и жест руки. Ты можешь скопировать форму — но не понять истинного смысла. Ты можешь повторить пропорции — но не поймёшь, почему она выполняет свою функцию. Это как сложный механизм, в который вложили не только металл, но и намерение. Как устройство, начинающее работать иначе, стоит лишь отойти от канона.

Меня изгнали за утверждение, что руна знает больше, чем мастер. Что она способна к изменению. Что она ломается не от ошибки, а от насилия над своей природой.

Тонкая Руна не масштабируется. Она не подлежит стандартизации. Попытка привести её к шаблону вызывает рост паразитных откликов, аналогичных люфту в перегруженном механизме. Гильдия проектирует руны так, будто они должны существовать вечно. Это ошибка категории. Даже камень признаёт износ. Даже символ умирает.

Мастер, не различающий стадий распада, называет их отказом. Мастер, различающий — использует их как данные. Как механизм проходит стадии нагрева, вибрации и разрушения, так и руна проходит формы: возникновение, удержание, искажение, растворение. Это цикл жизни и смерти.

Я не предлагаю спасения. Как и любой честный механизм, руна не различает «мастера» и «материал». Оба подлежат износу. Разница лишь в осознании момента перехода. Дальнейший текст предназначен для тех, кто понимает:

отказ — не наказание, распад — не ошибка, а промежуточное состояние — не враг.

[*Получается, Кайдарнак ещё в стадии возникновения. Сейчас происходит последний этап формирования. Я на пути к удержанию? Хм... Интересно. Что же ты натворил Хёрд Шалангард, что тебя изгнали?* — немного задумалась Анна, а затем снова погрузилась в текст.]

...

Проанализировав и собрав воедино наработки 60 лет своих исследований я приступил к разработке величайшей рунической техники Тонкая Руна Призрачной Кости. Она расматривает душу как руну и позволит запечатать распад души. Ха-ха... Избежать смерти? Возможно.

Анна перевернула страницу.

— Другая глава? — удивлённо произнесла она и присмотрелась.

Текста о технике не было. *Автор решил не описывать её? Или кто-то другой скрыл? Странно. Название-то оставили. Избежать смерти? Разве может...* Но вдруг — шаги. Быстрые, тяжёлые. Анна подняла голову. Шаги ближе. Прекратились возле её двери. Тишина. Сердце забилось чаще. Стука нет.

Дверь распахнулась. *Томер.* Лицо — красное. Рука — сжата в кулак. Дыхание тяжёлое. Их взгляды встретились.

— Ты использовала технику из свитка! — выкрикнул он. Не вопрос. Утверждение. Анна испугалась, продолжая молча сидеть.

— Покажи, — голос Томера уже тихий, слишком тихий. Она не двинулась. Плечо начало пульсировать под повязкой. Жжение.

— Анна, покажи. Сейчас, — сказал он снова, спокойно.

Она медленно встала. Руки дрожали. Начала разматывать бинт. Виток. Ещё виток. Ткань упала на пол. Плечо было обнажено.

Томер смотрел. Мицелий. Кроваво-красный. Чёрные прожилки руны. Кожа вокруг — чуть серая. Анна ощущала его взгляд. Он не злился. В его глазах был страх. Он зашёл, опёрся руками о стол. Посмотрел вниз. Закрыв глаза. Она слышала его дыхание. Тяжёлый вдох, выдох. Он открыл глаза.

— Что ты натворила... — почти шёпотом произнёс он.

— Я хотела защититься! — вырвалось у Анны. — Меня избili, сломали кости, я была беспомощна!

Томер поднял голову. Посмотрел на неё, задержав взгляд.

— И теперь ты умираешь.

Слова упали. Тяжёлые. Как валуны. Она не поняла сразу. Смысл прятался где-то далеко, глубоко, словно на дне океана.

— ...что?

— Ты... умираешь, — повторил он более чётко и медленно.

Возникла пауза. Затем он продолжил:

— Тёмные контуры маны — они заставляют тёмную ману циркулировать по телу. Постоянно. Без остановки.

Анна смотрела на него, не моргая.

— Она отравляет. Плоть. Разум. Душу. Ты станешь сосудом Чёрного Морока. Прорыв неизбежен. Это преступление.

Преступление прежде всего против себя.

Томер повернулся, взглянул в окно. Анна почувствовала холод в груди.

— Нет, — сказала она тихо, в голосе звучал ужас. — Ты ошибаешься.

— Не ошибаюсь.

Ноги подогнулись. Она осела на кровать.

— Это твоя вина! Я хотела просто стать счетоводом! — выкрикнула она. Слезы навернулись на глазах.

Томер вздрогнул.

— Ты дура, — вырвалось у него, в голосе появились нотки вины. — И я дурак. Нельзя было оставлять такую технику в доме.

Анна заплакала. Она протёрла рукавом катящиеся по щекам слёзы.

— А если... — она подала книгу. — Если техника Тонкая Руна Призрачной Кости?

Томер замер.

— Что? Какая ещё техника?

— На аукционе. Там написано... можно избежать смерти...

Томер вырвал из рук книгу. Начал читать. Его лицо, показалось, окаменело.

— Из-за таких книг и случаются трагедии! — выкрикнул он и швырнул книгу о пол. — Где ты вообще её взяла?!

— На аукционе, — тихо повторила она и всхлипнула.

— В любом случае там нет метода. Нет описания.

— Сколько? — дрожащим голосом спросила Анна.

— Что «сколько»?

— Сколько у меня времени?

Томер помолчал.

— Месяц. Может два, три. Если повезёт — год. Зависит от того, как часто используешь руну, и других факторов.

— Есть способ остановить?

— Нет, — Томер покачал головой. — Остановить нельзя. Но есть способ... выжить.

Анна вцепилась взглядом с покрасневшими глазами в него.

— Сформировать ядро тёмной маны, — медленно произнёс Томер. — Концентрировать её. Контролировать. Стать тёмным магом.

Повисла тишина. Анна не сразу поняла, что он предложил не спасение, а ещё один шаг во тьму.

— Но я не хочу быть тёмным магом. Я не хочу творить зло, — сказала она тихо, почти себе под нос. — Я не хочу умирать.

— Поздно. Ты выбрала. Теперь иди до конца. Или умри.

Томер развернулся и пошёл к выходу из комнаты.

— Не используй руну, — сказал он, не оборачиваясь, и закрыл дверь.

Анна осталась одна. Посмотрела на руну. Потом на книгу. *Месяц. Год. Или стать тёмным магом. Или... Или найди другой способ.* Подняла её с пола. Прижала к груди. Тихо

заплакала.

Папа. Я хочу домой. Комната давила. Стены будто сжимались. Воздух острый, тяжёлый. *Не могу. Я не могу здесь находиться.* Она встала. Надела сапоги, схватила куртку. И выбежала из дома. Солнце уже клонилось к закату, провожая день алыми лучами.

— Анна, стой, — раздался голос Томера. — Не уходи! Я подумаю, что можно сделать.

Но она не слышала его. Она бежала. Просто вперёд. Сапоги ветра несли её. Порыв холодного воздуха сорвал слезу. Слеза упала на ледяную гладь талой воды. Но Анна не видела этого, она была уже далеко.

Зажигались фонари. Таверны стояли открытыми. Музыка. Голоса. Воскресный вечер. Кажется, что город только оживал. Анна уже не бежала. Она шла. Быстро. Не куда-то конкретно. Просто — прочь. От дома, от мыслей, от себя.

Крик? Кто-то кричит? Она свернула. Переулок. Пошла на голос. Впереди троё. Приблизилась. Услышала грубый голос:

— Что ты кричишь, малолетка? Ещё один писк, и ты не уйдёшь отсюда целым. Гони деньги.

Гномы. Рабочая одежда. Запах грибного эля. *Пьяные,* — поняла она. Резкое воспоминание возникло в голове: Урбит, матросы, сабля над головой. *Меня чуть не убили.* Плечо вспыхнуло. Руна откликнулась. Ярость начала заливать. Чистая. Первобытная.

Я не слабачка, — пронеслись слова в голове. Она побежала, словно в пелене. Рука двигалась сама. Удар. В лицо гному. Он отлетел. Упал. Кровь хлынула из носа.

— Да ты...! — закричал другой.

Кулак полетел в неё. Она увернулась. Быстрее, чем обычно. Контратака. Ударила в солнечное сплетение. Гном согнулся. Начал падать на колени. Следующий удар — в лицо. Тело начало заваливаться, но Анна схватила его за горло и прижала к стене. Сжала. Ещё один удар. Второй. Третий. Перед глазами красная пелена. Всё лицо гнома в крови. Глаза выпучились. Он хрипел. И Анна чувствовала — сладость. Как во сне с грибами. Пульс под пальцами слабел. *Ещё немного...*

Кто-то потащил её назад.

— Прекрати! — крик.

Она пришла в себя. Разжала руку. Отпустила шею. Пьяный гном завалился на землю, жадно хватая воздух и хрипя.

— Ты его чуть не убила, — в панике сказал подросток.

— Я... Я...

Анна посмотрела на руки. *Кровь. Я хотела убить. Я хотела...* Двое лежали. Стонали. *Живы.* Но избиты. Она попятилась. Повернулась. И побежала. Побежала по улице. Не видела куда. Прохожие расступались. Кто-то прокричал вслед. Она не слышала. Только плечо. Оно пульсировало. Оно жгло. *Я не хочу быть такой.* Пальцы ещё помнили чужое горло. Чужой пульс. Слезы побежали из глаз.

Прошло три часа.

Анна вернулась в дом Томера. Тихо. Свет горел лишь в его мастерской. Она вымыла руки, покрытые засохшей кровью. Костяшки болели. Зашла в свою комнату. Закрыла дверь. Прислонилась к ней. Дыхание тяжёлое. Она взглянула на руки. Чистые. Но она помнила кровь на них. Горло под пальцами. Пульс. Сладость. *Что со мной?* Она повернула голову. Плечо пульсировало. Спокойно. Довольно. Как сытое животное. Долго смотрела на него. *Ему понравилось? Руне? Или мне?* Поднялась тошнота. Она упала на колени. Поползла в угол. Между кроватью и стеной. Сжалась. Обхватила колени. Закачалась. Слёзы текли.

— Я не хочу. Не хочу умирать. Не хочу быть монстром.

Плечо молчало. Только пульсировало. Как второе сердце. Усталость накрыла. Веки потяжелели. *Не могу... Так устала...* Глаза закрылись.

Темнота. Холодная. Но не пугающая. Анна открыла глаза. Ночь. Звезды. Она лежала. *Как тихо и спокойно.* По бокам трава. Она прикоснулась к правому плечу. Гладкая кожа. Нет пульсации. *Может всё это был сон?*

Она поднялась. Поле. Бескрайнее поле. Она посмотрела в небо, там светил крупный диск бело-синей холодной луны. Его образ завораживал. Она не отводила взгляд, время

тянулось. Но было чувство, будто она видела её впервые. И тишина. Кругом ни звука. Анна закрыла глаза, сделала вдох. Свежий воздух — но ничего не ощущалось, ни единого запаха. *Странно.*

Анна пошла. Поле. Кругом трава. И лишь она в белом платье среди моря тёмных трав. Впереди большой диск холодной луны, позади — ночь. Она шла, пока не увидела впереди реку. Она подошла ближе, к берегу. Водная гладь. Спустилась к воде. Она вспомнила тот жгучий жар и сладость, что ощущала в драке. Хотелось забыть о них. Она села и опустила ноги в воду. *Освежающая прохлада. Как в деревне, когда я ныряла в реку в летнюю жару.*

В воде было отражение луны, звездного неба. *Река словно полотно, в котором застыло отражение. Но так спокойно. Застыть бы с ними,* — пронеслась мысль. Она произвольно шевельнула ногой. И пришло понимание: вода в реке совсем не двигалась, а её отражения отсутствовало. Анна подняла голову. А за рекой — зима. Белоснежная равнина уходила за горизонт. Он — чёткая линия. Сверху в небе ленты. Разных цветов. Они не горели, а лениво тянулись, переливаясь мягкими цветами. *Как красиво.* Это напомнило пещеру с разноцветными минералами, но чувства были иные. Это было безбрежное пространство. Огромное. Ленты текли, мягко, обволакивали звезды, не в силах их сдвинуть.

— Кар.

Вдруг раздалось где-то. Анна подскочила. Это был первый

звук, который она услышала здесь. Она повернулась. Сбоку возвышался величественный хвойных лес. *Разве он здесь был?*

— Кар, кар.

Раздалось где-то из леса. *Меня будто зовут.* Она пошла. Столетние сосны росли ввысь. Под ногами сухая хвоя. Босые ноги ступали по ней, но ощущалась мягкая сырая земля. Впереди — поляна, в центре — старый пенёк. На нём сидела ворона, большая, чёрная. Вдруг она клюнула в край пня. Раз. Второй.

— Тук, тук.

Звук разлетался по лесу. Анна замерла. Ворона заметила её, подняла голову. *Смотрит на меня.* Ворона начала крутить головой, затем спрыгнула за пень и исчезла. *Куда она делась?* Прошло пару минут. Анна сделала шаг, как ворона показалась и снова запрыгнула на пень. В клюве у неё был свиток, перевязанный синей лентой.

— Кар, — выкрикнула ворона, свиток упал на пень. И снова: — Кар, кар...

Ворона каркала ритмично, словно отбивала в барабан, а затем раздался голос, глубокий, холодный:

— Возьми свиток. Или умри.

Холод голоса отозвался страхом в груди.

— Кар, — последний раз выкрикнула ворона, взмахнула крыльями и улетела.

Анна стояла. Свиток, перевязанный синей лентой, лежал

на пеньке. *Взять?* Сердце колотилось. Вспомнились слова Томера: «*Иди до конца. Или умри*». *И этот голос: «Возьми свиток. Или умри*». Одни слова. Это знак? Она сделала шаг. Неуверенно. Потом ещё. Подошла к пеньку. Протянула руку. На миг заколебалась. *Если возьму — что изменится?* Взяла. Холод пробежал по руке. *Как лёд*.

Анна проснулась. Тишина. Комната. Темно. Ещё ночь. Она в углу. Между кроватью и стеной. Тело затекло. *Сон. Это был сон*. Встала. Медленно. Ноги онемели. Подошла к кровати. Легла. *Ворона... Свиток...* Закрыла глаза. Заснула снова. Без снов.

Утро. Свет бил в окно. Анна, съёжившаяся в кровати, открыла глаза. Голова болела. Тело — как чужое. Встала медленно. *Почему так холодно?* Заметила: окно нараспашку. *Я совсем схожу с ума?* — печально подумала она, подошла, закрыла его. Затем направилась к умывальнику. Плеснула воду на лицо. Посмотрела в зеркало. Под глазами были круги. Лицо бледное. *Что я натворила?*

Начала вспоминать: разговор с Томером, пьяниц, ярость. *Я чуть не убила*. Потом — сон, ворона. *Очередной кош-*

мар. Она вернулась в комнату. Возле подушки что-то лежало. Подошла медленно, посмотрела. Старый свиток, потрепанный, перевязанный синей лентой. *Может это галлюцинация?* Анна замерла, протянула руку, взяла его. Лента влажная и холодная, будто её только вынесли из зимней стужи. *Как в ту ночь. Или... сон был реальным?*

Анна развязала ленту, стала читать: «Техника Тёмного Ядра Льда. Путь Покоившейся Зимы». *Я спала. Дверь была закрыта.* Взглянула на окно. *Может это судьба? Спасение?* Она выскочила из комнаты. Начала искать Томера, он спал в мастерской за своим столом. Анна вздохнула. *Он переживает за меня.* Подошла и аккуратно толкнула его в плечо.

— Мастер, просыпайтесь, уже утро, — тихо сказала она.

— Утро? Анна, ты? — неразборчиво пробормотал Томер, с трудом раскрывая глаза. — Что-то случилось?

— Подождите, я сейчас приготовлю завтрак.

Кухня. Томер за столом. Чай, бутерброды. Он заметил свиток в её руках.

— Что это?

Она протянула его молча. Он развернул свиток и прочитал. Лицо изменилось.

— Где ты это взяла?

— Нашла, — колеблясь, ответила Анна.

— Где нашла?

— В... в комнате. Утром.

Томер поднял взгляд. Смотрел долго, подозрительно.

— В комнате. На... возле подушки.

Молчание. Томер отложил свиток.

— Анна. Серьёзно. Где ты это взяла?

— Я не помню! — голос сорвался.

— Я знаю, ты вчера вечером была не дома. Я хотел тебя остановить, но ты унеслась.

— Простите. Вчера... вечером я вышла. Гуляла. Потом вернулась. Уснула. Утром — он был там.

Томер встал. Подошёл. Посмотрел ей в глаза.

— У тебя кровь на воротнике. Костяшки ободраны.

— Я... Это не моя.

— Что ты натворила? — допытывался Томер.

— Просто подралась с двумя пьяницами. Я не смогла вытерпеть. Ярость бурлила во мне, — выдыхая, сказала она.

— Ты их убила?

— Нет. Нет. Просто... избил. Я сама напугалась.

— Руна помогла?

Анна кивнула.

— Ладно. И ты хочешь сказать, что этот свиток просто появился возле подушки?

— Я знаю, это звучит...

— Безумно. Звучит безумно.

Он подошёл к окну, бросил взгляд за стекло.

— Анна. Я не дурак. Ты что-то скрываешь. Или не помнишь. Или боишься сказать.

Она смотрела в пол. Томер вздохнул.

— Ладно. Я не буду давить. Но если ты что-то скрываешь

— это может быть опасно.

Анна ощущала его тяжёлый взгляд.

— Для тебя. Понимаешь?

Она кивнула.

— Хорошо. Но эту технику нужно проверить. Я свяжусь со своим другом, он лучше разбирается в потоковой магии и культивации. Подумаем, может ещё есть варианты.

Томер взял кружку, сделал большой глоток чая.

— А ты... больше без всяких глупостей,— произнёс он строго. — Сама ничего не делай. Если руна вспыхнет — не поддавайся. Ярость — это не ты. Это она. Ты должна научиться её контролировать.

3.12 Тёмная мана

Анна перешагнула порог и сразу почувствовала небольшое облегчение. Тёмная мана, бурлившая в теле весь день, здесь чуть успокоилась, словно подстраиваясь под внутренний ритм дома. У Томера было почти как в убежище. В этих стенах ощущалась защита — не настоящая, но телу её хватало. Анна сняла обувь. Пол был каменным. Холод стал подниматься через ступни, медленно вползая в мышцы. Накопленное за день напряжение чуть отступило, и мана потекла тише, почти лениво.

Не смогла вывести руну, — в голове всплыло неудачно выполненное задание по учёбе. Анна замечала, что стала импульсивнее, делала больше ошибок. И это буквально ощущалось всем телом. Тёмная мана проявлялась не зрительно — она отзывалась на любые эмоции. Что-то густое и холодное текло под кожей — по рукам, по бокам, по спине. Не жгло. Не резало. Лишь оставляло после себя тяжёлую плотность, будто тело становилось материальнее. И в любой миг эта тяжесть могла вспыхнуть безумным пламенем.

С завершения руны Кайдарнак прошло уже два месяца. Два месяца учёбы. Два месяца тренировок. Два месяца удержания себя от срыва. Днём — студентка, с сумерками — медитации. Она училась управлять тёмной маной, её потоками.

Порой эмоции захлёстывали, Анна пыталась сдерживать-

ся, но становилось всё сложнее. Руна теперь не чувствовалась, точнее, не чувствовалась отдельно. Само тело будто становилось руной. Контуры маны шли по всему телу, они то пульсировали, перегоняя энергию, то замирали, отдыхая. *Я сосуд, который в любой момент может переполниться*, — мысль стала навязчивой. Не ошибочной. Она не отпускала, потому что на кону была жизнь.

Анна прошла по коридору. Зашла в свою комнату. На столе лежала стопка книг по потоковой магии. Но полезной информации было не так много. Использование тёмной маны не одобрялось и, по сути, было запрещено у гномов. «Никто не хотел помогать», — сказал Томер. Но перед созданием ядра маны надо было научиться управлять ею: уметь задавать вектор движения, освоить её циркуляцию по телу. Анна старалась — и очень усердно.

Она села, выпрямила спину, положила ладони на бёдра — не по правилам, а так, чтобы тело не мешало. Закрыла глаза. Сначала была тишина. Потом — тело. Тёмная мана не отзывалась на мысль. *Спокойнее. Не сразу*. Под кожей мелькнуло знакомое ощущение тяжести, будто воздух внутри стал плотнее. В груди — холодное давление. В плечах — тянущая вниз усталость. Она не пыталась ухватить это чувство. Только не мешала ему двигаться.

Мана бежала сама — медленно, неровно, оставляя после себя следы: в одних местах — покалывание, в других — лёгкую боль, где-то — вспышку раздражения без причины. Те-

ло отзывалось напряжением.

Анна сосредоточилась на выдохе, на том, как воздух выходит из лёгких. Длинно. Тяжело. Холод собирался глубже, ближе к центру тела. Мана отозвалась с задержкой, словно нехотя, но всё же потекла туда, уплотняясь, делаясь осязаемее. Кожа там похолодела, мышцы сжались.

Слишком резко. Внутри вспыхнула ярость — короткая, резкая, как искра. Сердце ускорилося, дыхание сбилось. Мана рванулась следом, грозя вырваться из-под контроля. Анна остановилась. Не стала гасить. Не стала усиливать. Просто переждала.

Через несколько ударов сердца ярость схлынула, оставив после себя пустоту и усталость. Мана замедлилась, снова стала текучей, податливой. Вторая попытка была мягче. Она не вела ману — только убирала то, что мешало ей течь — там, где могла.

Контурсы маны ощущались отчётливо — не линиями, а пределами: вот здесь мана есть, а дальше — уже мир. Пока граница существовала, тьма оставалась внутри. Это состояние было долго. Слишком долго. Мышцы начинали ныть, в висках появлялась тупая боль. Каждый миг без срыва — победа.

Она наконец смогла направить избыток маны наружу, к поверхности кожи. Тело становилось легче, будто свинец вытекал через поры. Холод медленно отступал, оставляя после себя облегчение и ясность. Анна выдохнула. Сегодня тёмная

мана слушалась. Не подчинялась — но откликалась. Этого было достаточно.

Анна открыла глаза и не сразу поняла, что всё ещё сидит в своей комнате, а не где-то внутри этой холодной, вязкой тьмы. Она встала. Медленно. Включила свет. На тумбочке стояла ваза. В ней — букет. Нежно-розовые пионы. Она подошла и вдохнула их аромат. Перед глазами возник небольшой горный луг, травы. Лёгкий ветерок нёс запах сладкой росы, капель мёда, которые ещё не успели загустеть. Анна улыбнулась. *Спасибо, Грэй.* Это был первый букет в её жизни. Вчера, 23 мая, ей исполнилось 15 лет. Воспоминание нахлынуло, как будто это происходило сейчас:

— Анна, что такая кислая? У тебя же сегодня день рождения, — сказала Дзоргрит, когда они вышли на улицу через массивный свод технической академии.

— Просто я хочу домой, — ответила она, чувствуя своё нестабильное состояние.

— Может, зайдём в кофейню?

Дзоргрит не знает, не понимает, что со мной.

— Я не... — хотела сказать Анна.

— Смотри, а это, наверное, для тебя, — перебила подруга.

В тени дерева стоял молодой статный парень в белой элегантной рубашке. В руках у него был букет пионов. *Грэй де*

Ланге. Он подошёл.

— Анна, это тебе. С днём рождения! — сказал Грэй и протянул букет.

— Мне? — на щеках появился небольшой румянец. — Спасибо.

— Ладно, до завтра. Не буду вам мешать, — улыбнулась Дзоргрит и пошла дальше, оставив их одних.

— Я тебя провожу? — спросил Грэй.

— Хорошо, — согласилась Анна.

Она несла букет. Парк. Тропинка. Лёгкий ветер трепетал зелёные листья деревьев. Они шли вместе. Неловкое молчание заставляло биться сердце чуть учащённо.

— Анна, ты мне нравишься, — вдруг произнёс Грэй.

Она остановилась. Грэй заметил. Развернулся. Их взгляды встретились. *Голубые глаза, как чистое небо.* Сердце забилось ещё чаще. Анна подошла, поцеловала его. И мир взорвался. Его руки обняли её.

Что я делаю? Мы встречались лишь несколько раз. Но мне хочется. Мне так приятно. Чувства накатили волной. Тёмная мана вспыхнула, разгоняя эмоции. Тепло начало разливаться по груди. Сердце замерло, а потом начало биться так быстро, что она не смогла уследить за ритмом. Кожа начала гореть.

Время замедлилось, и Анна ощутила: каждое биение его сердца, каждый его вдох, каждое движение его губ. Это было так приятно. Это было счастье. Невыносимое счастье. При-

торно сладкое, как во сне. *Сладкое? Как тогда. Нет, нет. Не думай.* Появились слёзы. Они побежали по щекам. *Мне хочется любить его. Хочется — слишком сильно. Почему так? Почему это так больно?* Страх. Страх себя.

Грэй отстранился:

— Анна, что с тобой? Ты плачешь?

— Я... я просто...

Она не может объяснить. Не может сказать: «Поцелуй такой сильный, что я теряю в нём себя. Схожу с ума. Будто это и не я. Даже любовь отравлена. Я боюсь».

— Прости, я не могу. Мне надо домой.

Анна прижала букет к груди и побежала. Прочь. От него. От себя.

— Спасибо, — прокричала она, не оборачиваясь.

Возможно, это был последний подарок. И поцелуй — первый и последний, — подумала про себя печально Анна, улыбка исчезла. *Им не надо знать.* Она вышла из комнаты. *Сколько же времени я просидела?* В мастерской горел свет, дверь была открыта. Она зашла.

— Анна, как самочувствие? — раздался голос Томера. Он что-то выводил на бумаге, сидя за столом.

— Так себе. Но я думаю, что уже смогу справиться с формированием ядра.

— Ты уверена? Ошибка критична. Ты должна это понимать.

Повисла пауза.

— Я знаю, мастер. А разве ещё есть варианты?

Карандаш Томера замер.

— Та техника Тёмного Ядра Льда... рискованная. Правда, ничего лучше я найти не смог. По описанным в свитке подходам она тяготеет к магическим культурам севера. Но...

— Томер прервался.

Он поднял взгляд на Анну, она смотрела на него.

— Но даже для тех мест она очень тёмная, если ты понимаешь, о чём я.

— Мастер, мне кажется, что у меня осталось не так много времени, — печально вздохнула Анна.

— Я понимаю... понимаю. Я почти собрал все ингредиенты, они оказались довольно редкими.

— Спасибо. Они дорогие?

— Ты ещё думаешь о деньгах? Да ты, кажется, скупее гномов, — хмыкнул Томер с улыбкой. — Всё пересчитаю. Расплатишься за каждую бутылочку. И с процентами.

— Я обязательно расплачусь, — Анна вытерла показавшуюся слезу рукавом.

— Ладно. Скоро у вашей группы будет поход в горы для выполнения практических занятий. Гном, который не умеет работать в горах — не гном, — произнёс, хохотнув Томер. — Не хнычь. Ты же не ребёнок.

Анна улыбнулась сквозь слёзы. Томер смотрел на неё. Долго. Лицо стало серьёзнее, он сложил руки на столе.

— Я думаю, что это лучший момент. В горах можно найти спокойное место для формирования ядра маны. Этот процесс вызывает заметные атмосферные явления. Ты это не видела, но я видел. В городе ни в коем случае нельзя это делать.

— В горах, — повторила Анна.

— Да. Там безлюдно. Тихо. Я пойду с вами, мне надо будет провести одно исследование. И если что-то пойдёт не так...

Томер не закончил. Не нужно. Анна поняла: *Если что-то пойдёт не так, Мастер позаботится о том, чтобы никто больше не пострадал.*

Горы. Шум небольшой реки Алдай разлетался по каньону. Необычная вода цвета бирюзы текла навстречу. По бокам — редкие хвойные деревья. Анна остановилась, поправила ляжку большого походного рюкзака и на мгновение посмотрела в реку. *Что-то блеснуло в воде? Или показалось?* Она вытерла пот со лба. Раскаленное солнце висело в зените. Останавливаться было некогда, она зашагала дальше. Её студенческая группа тянулась тонкой змеёй вдоль берега по извилистой каменистой тропе.

Рядом шёл Томер и несколько её одноклассников, среди них — Дзоргрит и Хорглин. Они замыкали группу, кото-

рая двигалась вверх в сторону белоснежных пиков Уфальских гор, гордо стоящих впереди. У Томера на спине висел довольно массивный металлический диск из латуни, расписанный схемами и разными рунами, напоминающий компас. Они вышли из горного форпоста №7 утром, как только показались первые лучи солнца. Болтливый Хорглин в начале пути допытывал Томера о научных изысканиях, но вскоре, и он сдался. Долгая пешая дорога по горной местности изматывала. После пары часов все шли уже молча.

Вскоре группа свернула налево, оставив позади рокот бирюзового потока. Тропа здесь круто забирала вверх, петляя между большими валунами. Среди них попадались массивные белые обломки известняка. За годы их обкатало ветром и водой, и теперь они были похожи на кости огромных сказочных монстров.

Постепенно дышать становилось легче — тяжёлые испарения воды остались внизу, в тени каньона. Но кроме этого Анна чувствовала, что и тёмная мана в её теле вела себя спокойнее. *Может, это смена обстановки так повлияла?* Точной причины она не знала, но была рада.

Прошло ещё несколько часов тяжёлого подъёма, как стены расступились и группа вышла на небольшое, скрытое от ветров плато. После монотонного каменного ландшафта здешнее буйство красок резало глаза. Высокие травы росли по колено, сочные стебли колыхались на ветру, издавая звук, похожий на шёпот тысячи голосов. В траве пестрели

мелкие ярко-синие колокольчики и крупные соцветия, пахнущие мёдом; они тянули чашечки к солнцу. Здесь не было слышно реки — только гул шмелей и свист ветра в скалах.

Для путников это место казалось идеальным привалом. Анна выросла в горах и знала, что за каждым кустом, камнем могла скрываться угроза, такая идиллия настораживала.

— Разобьём лагерь здесь! — раздался громогласный приказной голос командира Дэргора.

Дэргор был их проводником и отвечал за всю группу. Он был невысокого роста, но его авторитет среди студентов был непререкаем. На нём была надета потемневшая от времени доспешная кожа из шкуры горного тура, вываренная в масле. Она не блестела на солнце, позволяя сливаться со скалами, и не стесняла движений. С левого бока висел меч.

Анна взглянула на него. В самом центре нагрудника, прямо над сердцем, было мастерски вырезано клеймо — три острых горных пика, соединённых у основания. *Символ его клана?* Дэргор раздавал приказы, где разжечь костёр, куда ставить палатки, кому готовить еду. И, наконец, из-под кустистых нахмуренных бровей на неё посмотрели его умные глаза. Он шагнул, густая, цвета каштана, заплетенная в две тугие косы борода качнулась. Дэргор быстро подошёл.

— А ты пойдёшь со мной, — сказал он и направился в сторону больших камней, стоящих чуть вдали.

Анна быстро сняла рюкзак и быстрыми шагами двинулась вслед, нагоняя. Дэргор остановился у крупного валуна и стал

выводить руну.

— Ты знаешь, что это? Умеешь выводить? — спросил гном.

— Да. Умею. Это сигнальная руна, она реагирует на движения и издаёт гул.

— Хорошо. Чему-то в академии вас да учат. Помогай. Через каждые 10 шагов надо вывести руну. На нас северная и западная часть вокруг лагеря. С противоположной стороны этим займутся другие. До заката надо успеть.

— Тут водятся опасные звери? — спросила Анна.

Дэргор развернулся, нахмурился, подошёл и ткнул пальцем в Анну.

— Здесь водятся твари. Но сейчас в лагере опаснее всего ты, человек.

Сердце забилося.

— О чём только думает Томер? — сказал Дэргор и взял паузу. — И ты тоже. Не знаю, кто из вас более сумасшедший. Ладно хватит болтать. За работу!

Он знает обо мне, Томер рассказал, — поняла Анна и выдохнула. Она начала выводить руны, передвигаясь по дуге. Солнце клонилось к горизонту. Наступил вечер. *Надо успеть,* — поторопила она себя, но заметила неподалёку мастера Мороба, он двигался навстречу, занимаясь тем же самым. Это был пожилой гном с седой бородой. В академии он вёл материаловедение. И был одним из трёх старших, которые отвечали за группу.

— Наконец, закончили. Пора и поужинать, — устало и с надеждой сказал Мороб, глядя на закончившую выводить последнюю руну Анну.

Анна устало кивнула в ответ. За весь день она ещё почти не отдыхала. В животе урчало.

— Ну пошли. Надеюсь Томер и студенты приготовят нормальный ужин, а то я их спущу со скалы, — произнёс Мороб, зашагав в сторону лагеря.

От костра шёл дым, стояли палатки. Почти подойдя к лагерю, Анна услышала гудёж своих одnogруппников. Она ускорилаcь. Все толпились в одном месте и обсуждали происшествие:

— Ему стало плохо, и он упал.

— Мне кажется, его укусила змея.

— Да, да, такая чёрная с синими полосками?

— Я её тоже видел.

Вдруг раздался суровый голос Дэргора. Он приближался быстрыми шагами:

— А ну, расступитесь.

Студенты умолки. Он прошёл вперёд. Одnogруппник Анны лежал на траве без сознания.

— Ничего опасного. Его укусила сонная змея. Яд усыпляет, не убивает. Через пару часов он придёт в себя, в крайнем случае к утру, — сказал Томер, сидевший рядом.

Студенты зашушукали.

— А тут сильно опасно? — спросил один из них.

— В горах везде опасно, — буркнул Дэргор. — Вам надо научиться замечать опасности раньше, чем они достигнут вас. Мы установили сигнальные руны по периметру. Крупные звери к реке Алдай почти не приближаются, но стоит быть начеку.

— А река такая опасная, что её боятся даже звери? — поинтересовался Хорглин.

— Вы, наверное, видели цвет её воды. Это от минералов известняка и мифрила, которые окрашивают воду. Мифрил отлично подходит для создания магических артефактов и оружия. Принято считать, что именно он отпугивает зверей. Это фиксируется и в других местах. — объяснил мастер Мороб.

— Мифрил. Он же стоит кучу денег, — глаза у Хорглина загорелись.

— Ха. Если бы всё было так просто. Минерал с мифрилом может попасться только при невероятной удаче, иначе я бы уже был богачом. Займётесь поиском разных минералов завтра. Это и будет ваше задание, — подытожил Мороб и уже продолжил требовательным тоном: — А теперь лучше скажите: где мой ужин?!

И ужин был хорош. Каша из ячменя после долгой варки стала такой плотной и упругой, что в ней стояла ложка. Гномы добавили в неё обильное количество жирной солонины, порубленной крупными кубиками. Жирный бульон пропитал разварившиеся зерна. Довершили блюдо посыпанные

сверху кусочки чеснока и укроп, которые добавили финальные ароматные нотки.

Анна не ела нормально весь день. От этого запаха сразу побежали слюнки. Ей дали большую металлическую чашку с кашей. Она зачерпнула первую ложку, положила в рот. Её вкус начал пьянить почти сразу. Она проглотила, тепло начало разливаться в пустом желудке. Каша показалась самой вкусной, которую она ела в жизни. Затем последовала вторая ложка, третья.

Вскоре совсем стемнело. Анна с ребятами сидела у костра. Все уже были сыты и довольны. Кто-то обсуждал поход, кто-то завтрашнее задание по поиску минералов, кого-то уже просто начинало клонить в сон. Мастер Мороб кашлянул.

— Хотите историю?

Показалось, что его голос эхом разлетелся по горной местности.

— О цене ошибки, — взгляд скользнул по всем сидящим. — Слушайте внимательно. Вот к чему может привести один неверный шаг.

Вот что он рассказал, с ухмылкой, от которой мороз по коже. Поучительная история «Алхимик и Тёмный Шёпот»:

— “В забытых пещерах жил алхимик Дорнек. Гном из клана Камнерезов, он был мастером рунической алхимии,

жадным до знаний. Он исследовал древние руины. И однажды нашёл жилу тёмных манокристаллов.”

[Мастер Мороб поднял голову и взглянул на звёзды.]

— “Те редкие, как слёзы богов. Они прятались в стенах древних пород. Опасные. Эти камни тысячи лет впитывали ману. Как губка. Но со временем они темнели, наполняясь ядом, полные тьмы.

Дорнек мечтал очистить их. «Представьте, — бормотал он в своей лаборатории, усеянной рунами и котлами, — если выжать тёмную ману, кристаллы станут чистыми, как белые манокристаллы! И все заплатят золотом. Чёрный Морок? Ха, я перехитрю его!»”

[Мороб остановился, опустил взгляд и посмотрел в костёр.]

— “Гордыня. Он собрал всё: тёмный манакристалл, пульсирующий чёрным светом; руны баланса, вырезанные из нейтрального камня; и эссенцию чистоты, добытую из редкого цветка. Процесс был прост в теории: нагреть кристалл в алхимическом пламени, пропустить через руны, чтобы «выцедить» тёмную ману в запечатанный сосуд. Затем стабилизировать эссенцией.

Но Дорнек был жаден. Он решил очистить не один кристалл. А пять. Сразу. «Зачем тратить время? — подумал он. — Мана — всего лишь шёпот в ветре».

Ночью, под гудение своих устройств, он начал процесс. Кристаллы засияли в котле, руны вспыхнули золотом. Тём-

ная мана вытекала чёрным дымом в сосуд, а кристаллы светлели. Дорнек ликовал: «Я гений!»

Но...

[Мороб подкинул пару полен в костёр. Раздался треск от горящей древесины.]

— “Но ошибка подкралась незаметно. Одна из рун баланса была вырезана на слишком мягком камне и не выдержала потока пяти кристаллов сразу. Трещина прошла по линии знака, и тёмная мана хлынула — прорыв Чёрного Морока.

Дым обвинил Дорнека. Он закричал. Но было уже поздно. Тёмная мана вливалась в его тело потоком. Мутация началась мгновенно: кожа гнома потрескалась, как сухая земля, из трещин полезли чёрные шипы, испускающие дым. Руки удлинились в когтистые лапы, глаза загорелись красным, а разум заполнился шёпотами — видениями резни, разрушения и хаоса. Он стал чудовищем, втрое больше гнома. Сверху панцирь из кристаллов, внутри — кипящая тьма. Он рычал, крушил.

Дорнек-монстр вырвался из пещер, сея смерть. Он поглощал ману из всего живого, нападал на людей, превращал крестьян в мутированные тени. Человеческая церковь отправила элитных охотников. Они загнали его в ловушку, но потеряли двоих.”

[Мастер затянул трубку. Кто-то из студентов поёжился.]

— “Его сожгли. Но душа не ушла, став частью Чёрного Морока. Теперь она вечно шепчет в тенях. Вот что бывает,

когда работаешь с маной. И допускаешь ошибку. Даже мелкую.”

Мороб закончил. Повисла тишина.

Анна смотрела в огонь. Руки дрожали. *Завтра я буду делать то же самое. Формировать ядро с тёмной маной. Одна ошибка...* Сглотнула. Она заметила, что Томер смотрит на неё. *Может это он попросил рассказать? Последнее предупреждение.*

— Анна, ты дрожишь. Страшно? — спросила Дзоргрит, сидевшая рядом.

— Да... немного.

Анна посмотрела на Дзоргрит, потом на других. Ей вдруг показалось, что все у костра знают, о чём она думает, о её тайне. Томер встал.

— Всем спать. Завтра тяжёлый день.

Перед глазами возник укушенный одnogруппник, сонная змея, притаившаяся в траве. *Одна ошибка. И всё. Либо справлюсь. Либо стану чем-то вроде Дорнека... Либо умру раньше.*